

Аджиэ Джнди — один из старейших курдских писателей, ученый-фольклорист и литературовед. В прозе он работает в основном в жанре рассказа. Роман „ И пришла весна” — первое крупное произведение писателя. В основе романа — нелегкая судьба курдов, переселившихся в конце XIX века из Турции в Россию и обретших полноправную, свободную жизнь в годы советской власти. Воспоминания о прошлом органично сливаются с раздумьями автора о долге человека перед людьми ” и родиной, с жизнеописанием одного из славных сыновей курдского народа Федора Лыткина — Ферики Полатбекова, профессионального революционера, ставшего в двадцать лет наркомом Центрсибири.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕСТЬ

Веселый май сотворил с природой свое обычное чудо: невестами нарядил деревья, облил белой пеной сливу и абрикос, ярко расцвел скверы и парки. По Еревану растекалась буйная щедрость весны... На улице Абовяна я встретил своего давнего знакомого — профессора Еремяна.

— Извините, Камаль, — улыбнулся профессор.—Я задержу вас на несколько минут. Недавно к нам в институт пришло письмо из Москвы от одного старого коммуниста — фамилию его запомнил. Он пишет, что выходец из деревни Дигор, курд по национальности, Лыткин в 1918 году был наркомом Центросибири. К своему стыду, я до этого ничего не слышал о Лыткине, а проверить по источникам я еще не успел — был занят срочной работой. Но, насколько мне известно, в деревне Тегор-Дигор, которая до 1918 года входила в состав Армении, курдов не было. Да и фамилия у этого человека совсем не курдская: Лыткин. Что вы скажете по этому поводу?

Профессор ждал ответа...

А я в это время мысленно находился в Дигоре. Но не в том Дигоре, о котором говорил Еремян, а в езидском Дигоре, называемом жителями Хараба-Дигор, что значит Печальный Дигор. Дигор, Дигор...

Ты — летопись курдской истории, в тебе боль и горе моего народа. Но сегодня только в имени твоём живет отзвук этой истории. Да и то только для тех, кто жил на твоей земле, кто слышал крики голода и унижения, кто выжил во имя дня сегодняшнего.

— Простите, профессор, на ваш вопрос я отвечу немного позже. Мне нужно для этого кое с кем повидаться, и прежде всего с сестрой Лыткина.

Мы попрощались.

...Лыткин, дорогой мой Федя Лыткин... Много, очень много лет прошло с тех пор, как он погиб в схватке с белобандитами. Но он жил в памяти тех, кто был счастлив знакомством с ним, кто был свидетелем его суровой жизни. И вот теперь это письмо... Но кто этот старый коммунист? И почему он заинтересовался Лыткиным? Возможно, он один из тех, кто был рядом с Федором в огненные годы революции? Надо связаться с этим человеком.

Не раздумывая и не откладывая в долгий ящик, я поехал к Нуре Полатовой.

Дверь открыла сама хозяйка дома.

— Здравствуйте, Нуре. Надеюсь, я не помешал? Слышал, скоро состоится защита вашей диссертации. Хорошо, когда одна радость ведет за собой другую.

— Вы это о чем?

— О том, что не за горами тот день, когда у нас появится первая курдянка — кандидат наук, и о том, что... — я не смог справиться с волнением.

— Что случилось, Камаль? — Нуре с удивлением смотрела на меня.

— Федя...

— Что Федя? Говорите же скорее... Что вы знаете о нем? Да не мучайте же меня!

Я передал Нуре свой разговор с профессором Еремяном.

— А вдруг и в самом деле Федя жив?.. — взволнованно воскликнула Нуре.— Ой, братец ты мой родной, головушка ты моя буйная! — запричитала она как истинная курдянка. — Прошу вас, Камаль, поедemте сейчас же к Еремяну. Я должна увидеть это письмо. Кто этот человек, который его написал? Простите, но вы должны понять меня. Столько лет я оплакиваю его... Но в глубине души мне хотелось верить, что наш Федор жив. Он не мог погибнуть! Это было бы слишком жестоко...

Последний раз мы виделись летом 1917 года, когда Федя привез меня и нашу сестру Марусю из Тулуна к отцу, в Дигор. Однако Федору пришлось гостить у отца недолго. Отец наш, Агит-ага, очень любил Федю и, чувствуя

приближение старости, прилагал все усилия, чтобы сделать его своим помощником и наследником. Но Федя был другим человеком, ему были чужды собственнические взгляды отца, и поэтому между ними возникали порой резкие споры. Они никогда не могли найти общего языка. На жизнь Федя смотрел другими глазами, жил другими мыслями и мечтой.

Его волновали события, происходящие в России, тревожила судьба русской революции. Федя очень любил нашу деревню, где прошли годы его детства. В Сибири он всегда тосковал по ней, по ущельям, по горным рекам, по снежным вершинам, по родным, которые в нем души не чаяли, однако оставаться в Дигоре он не мог — его звала борьба. Накануне отъезда в Сибирь он написал такое стихотворение:

Вернусь ли я под солнце юга,
Туда, в толпу родимых гор,
Где для меня, как друг для друга,
Кавказ растил цветной ковер?

Вернусь ли я под сень чинары,
Под своды стройных тополей,
Увижу ль вновь мой угол старый,
Где блеск ручья и тень ветвей?

И суждено ль мне ночью лунной,
В полях мечтательно бродя,
Петь песни жизни многострунной,
На небо синее глядя?

Или в снегах Сибири дальней,
В глухой таежной стороне,
Закончу грустно путь печальный —
И все забудут обо мне?

Потом еще какое-то время мы получали от него письма. Писал он в основном Васе, нашему младшему брату Басо, как его называли в Дигоре. Отец надеялся хоть Васю сделать своим помощником, но и он тоже постепенно отходил от отца, больше тянулся к Феде. Васю и Федю надо было видеть рядом, когда они делились своими соображениями по поводу событий, происходящих в России.

И внешне они походили друг на друга. Вы ведь знаете, что Басо в дальнейшем стал революционером. Его убили во время отступления из Карсской области, где он возглавлял отряд курдов-езидов. Погибла и Маруся, наша сестра. А вот Федя?.. Мне хочется узнать о нем как можно больше... Нуре заплакала. Долго сдерживаемые слезы душили ее. Боль ее и горе были понятны мне. Она потеряла всех близких... И вдруг это письмо из Москвы. Я чувствовал себя виноватым перед этой женщиной за то, что моя весть стала причиной ее волнений и напрасной надежды...

Ведь и близким людям трудно бывает свикнуться с фактом гибели родного человека. Так и сердце Нуре всколыхнулось даже от той туманной весточки, которую я ей принес. Во дворе дома, в котором жил Еремян, весело играли дети. Окна и двери балконов многих квартир были открыты настежь. Все говорило о тепле, о весеннем разгулье.

Мы поднялись на третий этаж, и я нажал на кнопку звонка.
— Войдите! — донеслось из глубины квартиры. Мы переступили порог и закрыли за собой дверь.
— Здравствуйте! Если вы к дедушке, он у себя в кабинете, проходите прямо туда.— Внучка Еремяна на секунду выглянула из кухни, улыбнулась нам и тут же скрылась.
— Добрый вечер, профессор. Мы не помешаем? — спросил я смущенно, приоткрывая дверь кабинета.
— Нисколько. Входите, входите, Камаль. О, да вы не один!
— Позвольте познакомиться вас с Нуре Агитовой Полатовой, сестрой Федора Лыткина.

— Вот как! Рад, очень рад с вами познакомиться! — Лицо профессора выражало и удивление, и участие, и любопытство.
— Простите нас за неожиданное вторжение, но то, что я услышала от Камала, настолько взволновало меня, что...
— Дорогая Нуре Агитовна! — профессор прервал ее.— Я рад, что вы пришли, и буду еще больше рад, если смогу быть вам полезен. Вот письмо, которое мы получили из Москвы.
Она с волнением взяла письмо у него из рук, разгладила бумагу на столе и начала внимательно читать.

— Ну что? — спросил я, когда письмо было прочитано.— С добрыми вестями?..
— Вестей, собственно, никаких. Ясно одно: этот товарищ, фамилия его Рябиков, был хорошо знаком с Федей. Потом связь их оборвалась... — Глазами, полными слез, Нуре посмотрела на нас.
— Ну мало ли что могло произойти... Свяжемся с Рябиковым, выясним все, что известно ему...

Кажется, наши слова несколько ее успокоили. Нуре переписала адрес Рябикова, потом обратилась к Еремяну: — Вам, наверное, многое непонятно в этой истории. Теперь, когда вы так любезно согласились помочь мне, я хочу рассказать вам о Феде, о нашей семье.
— Буду вам весьма признателен. Но прежде я хочу предложить вам по чашке кофе.

Профессор вышел и через несколько минут вернулся с подносом, на котором стояли три чашки и джезве' с горячим ароматным кофе.

То, что должна была рассказать Нуре, в общих чертах мне было известно, но я, так же как и Еремян, с

волнением ждал рассказа об этой необычной семье, семье Агит-аги, внука крестьянина Полата.

— Все началось с очень печальной истории. При похищении девушки, в которую был влюблен наш отец Агит-ага, его двоюродный брат, Амар, случайно убил ее сестру. Вслед за этим наш отец оказался в сибирской ссылке. В маленьком сибирском городке Тулуне он женился на Анне Карташовой, нашей матери. В 1907 году срок ссылки кончился, и отец привез всех нас с нашей матерью в свою родную деревню Хараба-Дигор.

*Е з и д ы — курды солнцепоклонники. (Здесь и Далее примечания переводчика.)
Д ж е з в е — кофеварка.*

Хотя родственники отца отнеслись к нашей матери с любовью и уважением, но жить нам в Дигоре пришлось очень мало. Говорят, кто-то из «доброжелателей» шепнул ей, что отец по настоянию брата и родственников намеревается привести в дом вторую жену, курдянку. Эта новость оскорбила нашу мать, и она решила во что бы то ни стало возвратиться в Сибирь.

Взяв с собой меня, Марусю, по-другому Паришан, Ферика, Федю значит, мать уехала в Тулун. У отца остался только Басо.

— Простите, Нуре, что перебиваю вас, но почему Федя носил фамилию Лыткин?— спросил Еремян.

— Да, я забыла сказать вам, что в ранней молодости мать наша была женой буряты Матвея Лыткина. Несчастливым был этот брак, и наша мать разошлась со своим мужем, но из-за отсутствия средств она не смогла официально оформить развод. Вот почему мы, дети, и носили фамилию первого мужа нашей матери. Впоследствии, уже на Кавказе, мы стали носить фамилию нашего отца, но Федор волею обстоятельств так и остался Лыткиным.

Однако он не отказывался и от отцовской фамилии и часто подписывал свои стихи курдским именем — Ферик Федько Полат-бек... Такова в двух словах история моей семьи, — Нуре посмотрела на нас грустными глазами.— А теперь позвольте откланяться. Мы и так злоупотребили вашим терпением, профессор.

— Ну что вы, Нуре, дорогая! Я рад нашей встрече и очень хочу вам быть полезен. Знаете, слушая ваш рассказ, я подумал, что надо бы написать книгу о курдах, переселившихся из Турции в Армению. Судьба вашей семьи может стать яркой иллюстрацией, отражающей очень интересную и своеобразную историю курдского народа. Это могла бы быть книга и о Федоре Лыткине, герое Центросибири, как я сегодня узнал об этом.

Почему бы вам, Камаль, не взяться за это? Спишемся с Рябиковым, узнаем подробности о революционной деятельности Феде, а вы организуйте поездку по курдским деревням, соберите материалы. Наш долг, чтобы как можно больше людей узнали об этом замечательном человеке. И мы постараемся выполнить этот наш долг. Не правда ли, Нуре?

Нуре молчала. Внешне она ничем не показывала своего волнения. Только две крупные слезинки медленно стекли по ее щекам.

— Благодарю вас. До свидания, профессор... Я проводил Нуре до ее дома. По пути она, уже более спокойная, обратилась ко мне с вопросом:

— Что вы думаете о предложении профессора, Камаль?

— Я очень хочу написать такую книгу...

— Что ж, тогда в добрый путь! И знайте, что я всегда к вашим услугам. До свидания, Камаль.

Мы попрощались.

Я действительно загорелся мыслью написать книгу и о судьбе курдов, переселившихся в конце XIX века в Россию, и конечно же о славном сыне курдского народа Федоре Лыткине — Ферике Полатбекове...

И вот эта история...

КУРАКАНД

Недалеко от Еревана, в Эчмиадзинском районе, на оживленной проселочной дороге, лежит деревня Кураканд. Солнце уже вышло из-за скал — веселое и румяное, когда я подъехал к Кураканду. Яркие утренние лучи освещали дома колхозников, фруктовые деревья, поля с молодыми побегами. Все вокруг радовало глаз. В давние времена жителями деревни были азербайджанцы. Но сейчас проживают в основном курды, осевшие здесь с 1918 года. Вместе с беженцами армянами перебрались они сюда из родных мест: из Карса, Шатрогли, Сусыза, Синака, Вана...

Лет тридцать назад Кураканд представлял собой безотрадное зрелище. А сегодня это богатая, известная на весь район деревня, с красивыми добротными домами и благоустроенными колхозными службами. Бывшие кочевники постепенно стали оседлыми крестьянами, хозяевами земли и угодий. И трудно поверить, что в жизни этих людей когда-то были постоянный страх перед днем грядущим, вражда племен, грусть, тоска, нищета, убийства и грабеж.

Но здесь, в этой деревне, люди уже не оглядываются назад, в прошлое — взгляд их устремлен в будущее, и вместе с новым днем обновляются и они.

В Кураканд я приехал, чтобы встретиться с Московом Салимом. Мы были знакомы, но вот уже несколько лет не виделись. От друзей я слышал, что дядя Москов стал передовым колхозником и о нем не раз писала районная

газета. Первый же встречный в деревне сказал мне, что старик Москов пасет колхозное стадо.

Я помнил дорогу на пастбище. Она пересекала хлопковое поле, потом узенькой тропинкой, бегущей вверх, поднималась в горы.

Солнце уже стояло высоко, и тени начинали удлиняться. Здесь, в горах, дул легкий ветерок.

Стадо овец поднималось из оврага. Их острые копытца глубоко вдавливались в мягкую землю. Дядя Москов стоял на небольшом холмике и внимательно смотрел на свое стадо. Рядом с ним, свесив розовый длинный язык, сидел огромный лохматый пес.

Заметив чужого, пес зарычал, но дядя Москов шикнул на него и пошел мне навстречу.

— Добрый день, дядя Москов! Бог в помощь!

— Здравствуй, добрый человек,— ответил он, внимательно вглядываясь в меня.— Откуда идешь и куда путь держишь?

— Пришел повидаться с тобой. Из Еревана я, Камаль... Не узнал?

— Да где тебя сразу-то узнаешь,— улыбнулся старик.— Дай бог тебе и родне твоей долгих лет жизни, сынок! Что-то давненько ты не заглядывал в наши края,— старик обнял меня и расцеловал.

Все еще статный, в ловко сидевшей на нем старой, но чистой и опрятной одежде, дядя Москов был как всегда весел и бодр.

Расстелив прямо на земле свою выдавшую виды бурку, дядя Москов достал из хурджина лаваш, сыр, две головки лука, кувшин с родниковой водой и пригласил меня разделить с ним скромную трапезу.

Я с удовольствием ел эту непривередливую еду и слушал воспоминания старика Москова.

— Я и покойный твой отец одногодки. Родился в ночь, когда племена наши перебрались из Турции в Карс, на русскую сторону. Вот в честь этого события и назвал меня Амарик Полат, дед нашей Нуре, Московом. Он сказал моему отцу: «Салим, этой ночью Москва протянула нам свою руку, спасла нас от страданий и горя. Я предлагаю назвать мальчика Московом». Мой отец принял его предложение и ответил: «Быть по твоему! С сегодняшнего восхода имя моего сына — Москов».

С тех пор, милос, много воды утекло. И тех людей, которые дали мне имя, давно уже нет на свете. А я вот мирно пасу овец да припеваючи доживаю свой век. И все это благодаря нашей власти, Москве. И потому я люблю Москву, горжусь ею, хоть и не привелось побывать там.

Пока старик произносил благодарственные слова, я обратил внимание, как козел-вожак отделился от стада и направился в нашу сторону. За ним двинулось все стадо, и через некоторое время они образовали вокруг нас тесное кольцо. Старик взял вожака за рога, подтащил к себе и поцеловал в лоб.

Затем, словно обращаясь к ребенку, ласково заговорил с ним:

— Ну что, милый, соскучился? Отдохни, полежи себе на травке. — Потом он повернулся ко мне: — Знаешь, сынок, люблю я свое занятие, люблю своих овец, но скажу тебе откровенно: вот этих четырех,— указал он на вожakov,— уж очень я люблю. Куда бы я ни пошел, они, как дети, тянутся за мной.

А с каким удовольствием слушают они мою игру на свирели — одна потеха.

— Дядя Москов,— говорю я ему,— ты ведь теперь в летах, а все еще посох из рук не выпустишь. Отдал бы ты его внукам, а сам ушел бы на отдых.

— Милый ты мой человек, ну разве дело говоришь? Разве смогу я сидеть сложа руки? Лежать в тени да четки перебирать— это не по мне... Так и богу душу отдашь.

Старик явно расстроился. Мне стало не по себе от своей бестактности, и я постарался как-то оправдаться:

— Дядюшка Москов, не обижайся, я ведь вижу, что ты не хуже любого молодого справляешься с работой. А ведь верно говорят, что занятие по душе только молодит человека...

Когда мы начали спускаться с горы, солнце уже клонилось к западу, погружая в багряное море заката скалистые гребни гор; легкий ветер пробежал по траве.

Гурты телят и ягнят спускались в деревню. На поля пришла звенящая тишина. Дядя Москов пропустил вперед козла-вожака, и мы направились в деревню. Отяжелевшее за день стадо ленивой поступью двинулось за нами. По шоссе, поднимая пыль, с ревом пронесся автомобиль. Испуганные овцы сбились в кучу у обочины дороги. Дядя Москов выругался в адрес лихача водителя, но тут же вопросительно взглянул на меня, как бы ожидая упрека за свою несдержанность. Я же молчал. Я думал о том важном деле, которое привело меня сюда.

— Дядя Москов, хочу задать тебе несколько вопросов,— я замедлил шаг.

— Слушаю тебя, сынок,— старик с интересом посмотрел на меня.

— Я бы хотел, чтобы ты рассказал мне о детском приюте, в котором когда-то тебе пришлось работать.

Я ждал ответа, но старик вдруг повернулся к стаду, прокричал традиционное «яй! яй!», которым погоняют овец, и только потом ответил мне:

— Спроси о другом, Камаль. Не тревожь ты старые раны...

Я знал, что старику неприятно будет напоминание о тех тяжелых днях.

— Дядя Москов, это очень важно для меня, и поверь, что вопрос мой далеко не праздный.

Что-то, видимо, в моем голосе подействовало на старика, потому что он вдруг, без всяких возражений, стал рассказывать:

— Все началось в 1918 году. Много тогда погибло народу, а сколько утонуло в Черной воде, и не перечесать...

Племена наши были растоптаны. От голода пухли дети, умирали старики. Да и холера не щадила нас — косила как траву. Люди были охвачены ужасом. Да что там говорить, были бы мы стерты с лица земли, если бы не большевики...

— Ну, а про приют что ты скажешь, дядя Москов? — перебил я его.
— Как-то в двадцатых годах до нас дошла весть, что в Аштараке открылся дом для детей-сирот. Недолго думая, я взял Назе и Гозе, дочек моего покойного дяди, и пустился в путь. Приют этот оказался маленьким, побеленный известкой домиком.

И кого бы, ты думал, встретил я там? Нашу Нуре, дочь Агит-аги. Она была назначена старшей в приюте. Радости нашей не было конца. Долго расспрашивали мы друг друга, стараясь выяснить, кто из нашей деревни остался жив, а кто погиб. Нуре не только приняла детей, но и меня устроила на работу. Близких мы всех растеряли, так что с радостью остались в приюте. Навидался я там детского горя в те годы. Мы с Нуре ходили по деревням и собирали сирот. Многие тогда умирали от голода. У меня, на руках умер сын Усуба из Яманчаира. Все плакал, звал мать. Потом вдруг замолчал, обнял меня своими худыми ручонками — и так и отдал богу душу.

Старик Москов замолчал, зажег свой чубук и сделал пару глубоких затяжек.

— Да, сынок,— продолжал он,— если бы не Нуре, дай бог ей счастья, не выжили бы многие из тех детей, кого она привела в приют. Ты ведь знаешь Джардо Генджо. Он тоже рос в нашем приюте.

— Да неужто? — я был крайне удивлен.

— А как же,— продолжал старик,— он, его брат и сестра.

— Джардо был замечательным человеком. Умный, очень чуткий товарищ. Первый редактор нашей газеты «Рйа Таза». Человек, который очень много сделал для советской курдской литературы. Умер в самом расцвете сил.

— Тысяча сожалений,— грустно добавил мой собеседник и спросил: — А что стало с его женой и детьми?

— Семья его здоровствует: дети учатся, жена работает.

— Хвала богу, не потух огонь в его очаге,— радостно проговорил дядя Москов.

Мы уже были в деревне. Открытые окна домов озарялись электрическим освещением, а по радио передавали курдскую песню «Хадже и Сиабанд».

АЛФАВИТ

На окраине колхозных земель, где равнина полей обрывается каменистыми оврагами, заросшими травами, стоят большие загоны. Загнав туда овец, старик Москов останавливается на пригорке и какое-то время любуется открывшимся перед нами видом деревни.

— Вот тебе и Кураканд! Не узнать нашу деревню. Важная стала, — с любовью говорит старик. — Отсюда она как на ладони. А теперь, сынок, давай домой. Небось заждались меня. А такой гость, как ты,— только на радость!

Широкая улица, обставленная рядами красивых домов и украшенная садами, вела к зданию новой двухэтажной школы. Дом дяди Москова уютно прятался в густой зелени абрикосовых и персиковых деревьев. Наше появление прежде всего заметили собаки. Звонкий лай заполнил двор. Но, узнав хозяина, два огромных волкодава, виляя хвостами, сразу же замолкли. На лай вышли из дома родственники старика Москова. Увидев нас, они встали по обе стороны ворот, пропуская нас вперед.

Один из сыновей Москова вышел вперед и громко произнес:

— Добро пожаловать, дорогой гость! Милости просим к нашему очагу!

— Мир и счастье этому дому! — ответил я, как того требует обычай, и на правах гостя первым переступил порог.

Все в этом доме говорило о неустанном вечном труде. Все вокруг блестело чистотой и свидетельствовало о достатке. Не успели мы войти в ода — комнату для гостей, как одна из внучек старика расстелила на полу хорасанский войлок и разбросала вокруг подушки.

Потом так же проворно принесла тазик и кувшин с водой. Через плечо у нее было перекинута полотенце. Помыв руки и освежив лица холодной водой, мы с дядей Московом расположились на войлоке. В комнату вошли старший сын Москова — Али с женой Майане. Заметив меня, Али проговорил своим густым баском: — Да это никак Камаль!

Я встал им навстречу, и Али заключил меня в свои объятия. Высокого роста, с могучей грудью, Али выглядел настоящим богатырем. Пять лет, в течение которых я не видел его, почти не изменили его наружности, разве что он отрастил усы и обзавелся красавицей женой.

Узкое лицо ее с неправдоподобно большими глазами было несколько строгим. Губы плотно сжаты, в фигуре, в движениях и во всем ее облике сказывались гордость и достоинство. Она поздоровалась со мной и произнесла несколько вежливых слов по поводу моего приезда.

— Вот, Камаль, Майане расскажет тебе про приют и про нашего Апо', ведь она выросла в приюте. Женщина с удивлением посмотрела на свекра.

— Да, доченька, Камаль интересуется приютом. Вот ты и расскажешь, как мы там жили. И стихотворение не забудь сказать, то, которое ты прочла тогда Апо.

— Кто такой Апо? — я был заинтригован.

— Да разве ты о нем не слышал? — воскликнул дядя Москов.— Да ведь он же нам буквы придумал.

— Ты говоришь об Акопе Тер-Казаряне?

— Именно о нем, милоч. Да только мы все называли его Апо. Уважал и любил его народ,— старик явно гордился тем, что некогда был знаком с Акопом Тер-Каза-ряном.

— Да, его посещения для нас, приютских детей, были большим праздником, — вступила в разговор Майане. — Для каждого находил он ласковое слово, а без гостинцев никогда не являлся. Однажды, накануне его приезда, Нуре дала нам выучить стихи. Уж очень хотелось нам обрадовать нашего Апо. Учили очень усердно и волновались изрядно.

Мне досталась «Песня пахаря» Ованеса Туманяна. Утром того дня, когда должен был приехать Апо, мы тщательно прибрали в приюте, аккуратно причесались, привели в порядок свою нехитрую одежку и приготовились к встрече с ним. Видели бы вы, как он радовался, как хвалил нас.

— А ты прочти нам это стихотворение,— обратился к жене Али.
Без тени смущения, с охотой прочла нам Майане «Песню пахаря». И столько было чувства в ее чтении, так трепетно звучал ее голос, что мы все залюбовались ею.

— Знаешь, Камаль, Майане до сих пор хранит красный карандаш, подаренный ей Апо,— сказал Али, с любовью глядя на жену.
— Потом Апо сказал нам,— Майане посмотрела на меня: — «Настанет день, когда это стихотворение Ованеса Туманяна, которое сейчас прочла нам эта девочка, зазвучит и на курдском языке. А сегодня я хочу сделать вам всем подарок».

И с этими словами он достал из своего чемоданчика книжки на курдском языке и раздал всем по одной. С удивлением рассматривали мы эти книжки.
— А помнишь, Майане, — взволнованно произнес старик Москов, — что сказал потом этот достойный человек? Он сказал: «С этого дня вы будете читать и писать на своем родном языке. Мне поручили создать курдский алфавит на основе армянского. С радостью взялся я за это важное дело. И вот труд мой завершен!» Светлый был это человек, мир праху его! — старик с сожалением покачал головой.

В это время в дверях комнаты показалась внучка старика.
— Дедушка,— сказала она с укоризной,— ну сколько можно говорить? Ведь стынет все. Разве так принимают гостей?
— Права ты, внучка, — старик улыбнулся. — Милости просим, Камаль. Прошу к нашему столу. Только уж ты не обессудь нас за нашу простоту. Отведай нашего крестьянского кушанья.

Мы перешли в другую комнату, где уже был накрыт стол. Еды было вдоволь: свежий сыр, тонкий как бумага лаваш, зелень, дымящаяся хашлама — отварная баранина, рассыпчатый, зерно к зерну, плов.

Разговор за столом шел о самом разном. Говорили о местных новостях. О том, что колхоз получил новые тракторы, что сын соседа уезжает в город учиться, что скоро пастухи перегонят стада на летние пастбища.

После ужина старик увел меня в комнату, где мы сидели до этого. Закурив свой чубук, он снова завел разговор о приюте, о тех годах. Несколько раз среди своей речи он откладывал чубук, подходил к окну, помолчал, потом вновь рассказывал.

— Ну, а теперь, гость дорогой,— перебил он себя, спохватившись, что время перевалило за полночь,— пора и отдохнуть. Спокойной ночи! — И с этими словами он вышел из комнаты.

Постель мне уже была приготовлена. На широкой кушетке был постлан матрац, покрытый простыней. Ситцевая подушка, взбитая заботливыми руками, высылась горой.

В распахнутое настежь окно тянуло свежим воздухом. Где-то перекликались деревенские собаки. Любуясь ночью, я вспомнил события прошедших дней: письмо из Москвы, разговор у Еремяна, печальные глаза Нуре. Я думал о Федоре Лыткине — Ферике Полатбекове.

Книга, которую я обещал написать, тревожила мои чувства и будоражила мысль...

Апо — дядя.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ СВАДЬБА

Ночь была уже на исходе: окутавший деревню легкий сумрак сменился белесоватым светом занимавшейся зари. Звезды тихо гасли, небо постепенно серело. А через час-другой солнце глядело весело в окно моей комнаты.

Подойдя к окну, я долго любовался раскинувшейся перед моими глазами пробуждающейся деревней, свежей зеленью трав, густой листвой фруктовых деревьев.

Наспех позавтракав, я отправился на пастбище к дяде Москову. Мне хотелось продолжить наш разговор; теперь уже я надеялся, что старик расскажет мне о семье Ферика Полатбекова.

День был чудесный. В июне в горах особенно хорошо: в траве пестрели распутившиеся цветы, в воздухе стоял пьянящий аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое солнышко, обливавшее ярким светом все вокруг.

И я не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглядеться.

Старика Москов с его стадом я нашел недалеко от вчерашнего места. Проголодавшиеся за ночь овцы жадно щипали траву.

Дядя Москов заметил меня и весело приветствовал:

— Здравствуй, сынок! Как спалось на новом месте?

— Прекрасно! У вас не деревня, а курорт!

— Да, что и говорить, хорошо живется...

Старик заслонил рукой глаза от летнего солнца и посмотрел вокруг. В горах он был как дома. Здесь он был хозяин и знал каждую тропочку, каждый камень. Да и как не знать этих гор, когда он всю жизнь бродит по ним со своими овцами и собакой. Все тропы, все приметы — все знал старик на сто верст кругом.
— Вчера ты рассказывал о приюте, но так мало говорил о Нуре... — Я выжидательно посмотрел на старика.
— А что Нуре? Нуре была нашей гордостью! Красавица и умница, она старалась всем угодить, и старым и малым.

Парни в округе сходили по ней с ума. Многие сватались к ней, но всем она отказывала. Женихам оставалось только затылки почесывать да не солоно хлебавши возвращаться восвояси. Но как-то ранней весной прошел слух по Аштараку, что Нуре выходит замуж. Как ветер прошумела эта весть по деревне.

Москов помолчал, налил себе воды из фляжки и медленно выпил. Потом так же неторопливо, по стариковски, положил флягу в хурджин. Я с нетерпением ждал продолжения его рассказа.
— Но как-то под вечер, накануне свадьбы, гляжу, прискакал на взмыленном коне всадник. Лихо соскочил с седла, передал уздечку мальчишке, что-то крикнул ему и направился на веранду к Нуре.

Я же пошел к коню его. Вижу, конь-то серой масти, но от пыли и пота весь почернел. «Господи,— думаю,— к добру или к беде этот незнакомец, раз он так безжалостно гнал бедное животное?» Вдруг, слышу, Нуре вскрикнула. Я бегом к ней. Смотрю на нее, и глазам не верится: она и плачет, и смеется, и как угорелая мечется по веранде.

«Эй, парень,— сердито крикнул я ему,— что это ты ей сказал?»

Но тут вмешалась Нуре.

«Дядя Москов,— говорит она,— он добрую весть принес. Брат мой приехал. Федя жив, да буду я ему жертвой». И снова в плач.

Успокоившись, она рассказала, что из Тифлиса приехал Мхе, наш односельчанин, и принес весть о приезде Ферика. В Аштарак он должен был прибыть со дня на день. На радостях Нуре подарила на память парню часы. Эти часы еще Агит-ага из далекой Сибири привез. И вот такой дорогой предмет для тех времен подарила она за счастливую весть.

Потом она поспешно стала собираться в дорогу встречать брата. Ведь приют наш находился в стороне от станции. Сделала все необходимые распоряжения, наказала повару приготовить детям что-нибудь повкуснее. Тут в комнату, в которой мы находились, явилась какая-то высокая женщина средних лет. Подходит к Нуре, целует и спрашивает, что случилось. Нуре рассказала ей подробно, слово в слово все, что произошло.

Ну, та ее поздравляет, опять целует, а потом как бы невзначай спрашивает насчет свадьбы. Узнав, что Нуре собралась ехать встречать брата, женщина эта стала уговаривать ее не делать этого. Мол, не подобает молодой девушке так вольно вести себя, да к тому же накануне свадьбы. А Нуре о свадьбе уже и слышать на желает. Только братец у нее на устах.

Я внимательно слушал старика Москова и, откровенно говоря, недоумевал. То, что он рассказывал, никак не вязалось с тем, что я знал. Я хорошо помнил рассказ Нуре о последней встрече с братом. Это было в 1917 году. А события, о которых рассказывал старик, произошли примерно в году двадцать пятом или двадцать шестом.

Но ведь Нуре ни словом не обмолвилась об этой встрече. Видимо, старик заметил мое недоумение. Потому что он прервал свой рассказ и спросил меня:

— Что это ты с таким удивлением смотришь на меня? Вроде как бы не веришь? По глазам вижу... Я смутился.

— Да нет, дядя Москов, верю я тебе, да ведь только Ферик...

Но старик прервал меня на полуслове.

— Солнце уж больно высоко, жарит сильно. Давай, сынок,— сказал он, поднимаясь,— перейдем на ту сторону горы.

«Яй! Яй!» — раздался его крик, и овцы, послушные его воле и привыкшие к строгому порядку, медленно поплелись по склону, пощипывая травку. Мы же с дядей Московом спустились к оврагу, где протекала речушка, наполнили флягу свежей водой, умылись присели на камни. По обе стороны речки поднималась густая поросль. Такая густая и высокая трава росла только по берегам речушки, потому что здесь было достаточно влаги и почва была жирная.

— Хорошая трава здесь растет. Почему вы не спускаете сюда скот? — спросил я у старика.

— Э, милоч, всему свое время. Через несколько дней, когда овечки пощиплют траву на горе, спущу я их в овраг. Тогда же и соли я им посыплю на камнях. Облизнут они у меня соли, выпьют водицы да так набросятся на травку эту, что с трудом ее хватит на пару денечков.

Старик достал из хурджина еду и разложил ее прямо на сочной, свежей зелени. Сегодня, видимо в честь гостя, у Москова с собой был кусок отменной отварной телятины, свежее испеченный лаваш и тархун. Эту зелень я очень любил. Пряная, со своеобразным ароматом, она придавала особый вкус мясу. Мы ели молча, думая каждый о своем. Время от времени старик смотрел на овец, спокойно пасущихся наверху. С ними был верный помощник — огромный лохматый пес дяди Москова.

По небу неслись облака. Горная и стремительная речушка создавала вокруг приятную прохладу. Пахло травой, цветами. Вообще было хорошо, как только может быть хорошо в таком вот тихом уголке. Недаром ведь дядя Москов, который прожил в этих местах всю свою жизнь, был так здоров. Хорошо в горах!

— Значит, поехала Нуре в Тылык, на станцию,— вдруг неожиданно стал рассказывать старик, словно и не было перерыва в разговоре. — А мы тем временем в приюте готовились их торжественно встретить. Накупили разных продуктов, какие смогли, помыли, почистили вокруг. Дети ходили притихшие, знали, что должен

приехать брат любимой их Нуре.

О Ферике уже тогда ходили всякие легенды. Говорили, что он стал большим человеком. Но и другие толки были. Многие утверждали, что убили его еще в революцию. Те, кто помнил его еще мальчишкой, удивлялись, что не приезжает он на родину отцов своих, не ищет своих близких. Вот потому-то и слух ходил, что его нет уже в живых. А тут вдруг такая радость: вернулся наш Федько, не забыл земли своей родной.

Да только рано мы радовались... Вернулась через день наша Нуре одна, вся в слезах, бедняжка, исхудавшая. Ничего не говорит, а только слезами обливается. Мы ничего не понимали, но и боялись обидеть ее своими вопросами и потому тоже молчали. Только еду относили ей в комнату, да она и не притрагивалась к ней. Прошло так два дня, утром зовет меня Нуре и начинает рассказывать, голубка моя.

Ошибся ведь тот парень, которому она часы подарила. И в самом деле должен был приехать из Тифлиса какой-то бывший революционер, да только это был не Федько. Рассказала она это и как-то спокойнее стала. Потом говорит, что решила уехать в Ереван, устроиться там на работу, будет учиться. Что мог я ей сказать? Горе уж который раз сваливалось на бедняжку. С грустью и слезами провожали мы нашу любимицу. Вот с тех самых пор и не видел я ее,— прибавил старик, закончив свой рассказ.

ВО ИМЯ ЧЕСТИ

Утром следующего дня я лежал на своей кушетке. Было уже часов восемь, и я слышал голоса домочадцев старика Москова, но вставать не хотелось. И спать тоже. Но тут открылась дверь — это был дядя Москов.

— Не спишь, сынок?

— Что-нибудь случилось? Почему вы не на пастбище? — я был удивлен.

— А что может произойти, кроме хорошего? — он расплылся в улыбке.— Вот по твоему совету послал пасти скот Али, а сам буду бить баклуши. Пойдем с тобой в гости к Шавешу.

Уж и сыновья его пришли за нами, ждут на улице.

— Ничего не понимаю, дядя Москов. Почему мы должны идти к Шавешу?

Откровенно говоря, мне хотелось и сегодня услышать рассказ старика о семье Феде.

— Да тут и понимать нечего,— старик смотрел на меня с хитрецей, — пригласил нас в гости древний Шавеш. Много народу у него собирается. И Шаро наш будет там. А Шавеш уж точно уговорит его спеть.

Я слышал о Шаро, о его чудесном голосе, о песнях-сказках, которыми богата была его память, но никогда его не слышал, поэтому был рад представившейся мне возможности.

Был уже почти полдень, когда мы дошли до дома Шавеша. Старик с самого утра стоял на крыльце и встречал гостей, которые все прибывали и прибывали. Мы обменялись приветствиями и вошли в дом. Остальные приглашенные уже давно сидели в ода. Заметив нас, молодежь миглом вскочила на ноги, а те, кто был в летах, словами «милости просим» предложили нам сесть.

Пошли расспросы о здоровье, о родственниках, о жите-бытье. Со многими из присутствующих я не был знаком, но как того требует обычай, справился и у них о здоровье и пожелал многих лет жизни.

В комнату вошла девушка с перекинутым через плечо полотенцем. В руках у нее был кувшин с водой и тазик.

Гостям было предложено совершить омовение рук. Несколько женщин в это время накрывали на стол. Бог мой, чего тут только не было! Можно было подумать, что хозяйка выложила на стол все свои припасы, ничего не жалея: мясо, плов разных видов, мед, сливки, маст', вино, водку, сыры, зелень — словом, все, чем богата деревня...

Старик Шавеш как хозяин дома первый поднялся с места, держа в руках стакан с вином, приветствовал всех своих гостей. Потом он обратился ко мне и пожелал мне и моим доброжелателям счастья и здоровья. Все осушили стаканы и принялись за еду.

Через некоторое время Шавеш обратился к одному из гостей:

— А ну-ка, братец! Ради какого еще дня ты появился на свет, как не ради сегодняшнего. Затяни-ка нам хорошую песню, потревожь-ка наши души...

— Да, да,— стали вторить ему другие,— Шаро, спой-ка нам одну! Молодец, Шаро!

Шаро — коренастый, широкоплечий красавец мужчина — не стал отнекиваться. Уселся поудобнее, приложил руку к уху и запел. Это было удивительное пение! Голос его, мощный и красивого тембра, лился свободно и легко. Гости с восхищением внимали его песне, выражая свой восторг выкриками: «Джане, джане, что за голос!» Шаро пел о кровожадных деспотах Хафизе и Рашиде, которые пытались покорить народ Курдистана. Тех, кто не сдавался, безжалостно убивали. Деревни сравнивались с землей, дома становились пристанищем для сов.

В одном селе близ Радавана обманом загнали в хлев жителей и предали огню. Предсмертные вопли несчастных людей заглушались дикими криками турецких аскеров, опьяненных видом крови. Но напрасно торжествовал враг. Пришло возмездие. Доблестный Мирза-ага отомстил за кровь невинных соплеменников...

А Шаро все поет, всей душой поет свою песню-сказ, пламенем сжигающую сердце. Поет о том, что озлобленные победами Мирза-аги турки собирают тридцатитысячное войско, чтобы вновь предать огню и мечу

мирное население — женщин, стариков, детей. Но на этот раз на помощь воинам Мирза-аги приходят их соседи — воины-армяне во главе с Кашиш Поло. Грозный враг и на этот раз был побежден.

И побратались с тех пор два народа — курды и армяне. Совместно били общего врага, бросались на ряды неприятеля храбрые воины, защищая от поругания честь родных очагов и веру... А песня все не кончается. И поет Шаро о том, что земля в Дилане' каменистая, усыпана колючкой...

И по этой земле мчатся навстречу врагу Мычо Иса на своем резвом скакуне Кало и Кашиш Поло... Весь Дилан истекает кровью, но храбрые воины не отступают. Далеко слышен горячий призыв девушки по имени Ширин: «Сыны народа, Мирза-ага, Кашиш Поло, Мычо Иса, не уставайте, не отступайте, бейте дружно кровожадного врага!..»

Но вот турки тесным кольцом окружают красавиц девушек вместе с их предводительницей Ширин; их ожидает неволя и бесчестье, что страшнее смерти. Подобно раненым тигрицам, отбивались девушки от вооруженных до зубов аскеров, кидая в них камни и комья грязи. Но кольцо врага все сжималось и сжималось. Люди испытывали смертельную усталость и голод. От ступить было больше некуда — впереди неслись могучие воды Фарата, а сзади наступали турки.

— Эгей, на помощь!

Сказитель Шаро невольно произнес эти последние слова и, охваченный, как и мы, волнением, с дрожью в голосе, запел дальше о том, как предводительница девушек — Ширин, чтобы не стать добычей ненавистных аскеров, бросилась в пенные воды Фарата. Вслед за ней кидаются и остальные девушки. И последнее, что услышали волны реки, была песня гордых красавиц:

Клянемся небом и землей!
Запомни ты, проклятый враг,
Не быть курдянке под твоей пятой!

М а с т — курдская простокваша.

Д и л а н — местность в Курдистане.

Мычо Иса — герой курдских сказаний.

Ф а р а т — Евфрат.

И поет Шаро дальше: подобно горному ветру пронеслась по земле слава о шейхе Мычо Иса. Одно его имя навело ужас на врагов. Но не пощадила храбреца шальная пуля, нашла его и скосила. Дрогнули воины и хотели бежать с поля боя. Но вот вперед выскочил высокий широкоплечий юноша и, преграждая путь, закричал: «Кто трус, пусть повяжет голову женским платком и убегает отсюда!» Затем он надел на себя доспехи Мычо Иса и двинулся на железные ряды аскеров.

За ним бросились в битву остальные. И дрогнул враг, не выдержал натиска, бежал со страхом и ужасом. А воины взяли женщин, детей, стариков и увели их к земле, где жили русские.

Шаро закончил свое пение. Гости восторженными словами отблагодарили певца. Застолье продолжалось. Я же находился под впечатлением услышанного. Песня Шаро заинтересовала меня. Она имела прямое отношение к истокам той истории, ради которой я приехал сюда.

— Дядя Шавеш,— обратился я к хозяину дома,— нельзя ли попросить Шаро, чтобы он спел еще. Я бы очень хотел услышать продолжение этой истории.

И Шаро продолжил свой сказ.

Люди бежали от вероломного врага и пришли на землю русских. На той стороне остались только те, кто когда-то принял ислам. Воздем их был известный Слеман-ага. О его храбрости и силе слагались легенды, пелись песни. Рассказывают, что как-то Слеман-ага поссорился с турецким ханом Саманом. На беду свою оскорбил хан гордого курда и заплатил головой за это. Но, хорошо зная вероломство и коварство турков, Слеман-ага решил увести людей своего племени из Базида и соединиться с теми, кто уже жил на русской земле.

Об этом прослышали турки, решившие во что бы то ни стало уничтожить курдов. Пятнадцатитысячное войско турков под предводительством Джафар-хана засело в ущелье Юго-восточной части Гридагских гор. Слух об этом быстро разнесся по племени. Люди насторожились. Положение было крайне тяжелое. И Слеман-ага решил созвать совет. Но тут вдруг поднялся страшный ветер и разверзлись хляби небесные.

Проливной дождь не прекращался, и дорога, по которой шли люди, сделалась почти непроходимой. Можно было подумать, что небо с какой-то упрямой жестокостью посылает сюда дождь и ветер. Из ручьев образовались реки, сметавшие все на своем пути — огромные валуны, деревья, скот и даже людей. Обезумевшие женщины посылали проклятия богу. Одна старуха не удержала в руках грудного ребенка и уронила его в бурлящий поток. Несчастная мать бросилась спасать свое чадо, но куда там — вода унесла обоих.

Люди теряли рассудок от страха, и лишь один Слеман-ага держался стойко.

— Сыны мои! Братья! Люди! — зывал он к обезумевшим от страха соплеменникам. — Успокойтесь! Дождь этот только на руку нам. Подумайте, каково сейчас нашим врагам. Они в глубоком ущелье, и дождь сейчас валит на них камни с гор, уничтожая неверных. Мы должны воспользоваться непогодой, напасть на поганых и любой ценой уничтожить их.

Слова Слеман-аги возымели действие.

Люди вспомнили о тех жестокостях, которые чинили с ними турки, и кровь ударила им в голову. Кони под всадниками стали беспокойно приплясывать на месте, одержимые яростным нетерпением, грызли удила,

фыркали и широко раздували ноздри. Сердца воинов горели пламенем мести, они жаждали ринуться на врага, чтобы отомстить за кровь невинных детей, матерей, стариков, отомстить за поруганную честь и несчастья. Начинаясь уже темнеть горизонт как будто расчищался, но ледяные порывы западного ветра иногда еще приносили дождь.

И при каждом таком порыве по всей этой безотрадной местности, очертания которой уже неясно выступали из сырых и угрюмых сумерек, сменивших бурный день, казалось, пробегала дрожь — от высокого туманного гребня горы по долинам, холмам, полям с пятнами почерневшего жнивья, вниз, к ущелью. Надо было торопиться.

И как только засверкала последняя молния и прекратился дождь, Слеман-ага приказал воинам высушить одежду, а четырех дозорных послать на разведку в стан врага. Вскоре было получено сообщение, что во вражеском стане все спокойно.

— Ну, братья, с богом! — Слеман-ага вскочил на коня.

И двести всадников пустили своих нетерпеливых коней в глухую темноту.

Турки не ожидали нападения. Еще не успев прийти в себя после ураганного дождя и страшных обвалов, они задремали. И вдруг, словно грозный шквал, налетели воины Слеман-аги. Турецкое войско охватила паника. Ничего не понимая, обезумев от ужаса, аскеры под-час рубили друг друга...

Несколько часов Слеман-ага со своими храбрыми воинами преследовал и уничтожал турок, разбежавшихся по лесам и ущельям.

Так в ту дождливую ночь Слеман-ага спас свое племя от турецкого меча и огня...

Шаро умолк. Кончилась еще одна часть его сказа-песни.

— Ну, а о бесстрашной Раше я расскажу в следующий раз,— сказал он и поднялся со своего места.

Остальные гости последовали его примеру. Поблагодарив за гостеприимство и радушие, приглашенные один за другим покидали дом старика Шавеша.

Дядя Москов уже давно стоял на ногах, давая мне понять, что и нам пора откланяться. Я же думал о том, как устроить, чтобы, не обидев дядю Москова, остаться у старика Шавеша с тем, чтобы услышать историю о Раше, заинтересовавшую меня. В Кураканд я приехал на несколько дней и хотел услышать как можно больше.

Я понимал, что второй раз такая возможность мне вряд ли представится. А Шавеш много раз слышал пение Шаро, так что вполне мог бы пересказать мне историю о Раше.

— Отец,— обратился я к хозяину дома,— если я останусь у тебя, расскажешь о Раше?..

Не ожидавший такого вопроса, старик Шавеш не нашелся сразу что ответить, но потом спохватился, стараясь скрыть свое минутное замешательство.

— Буду только рад такому гостю. Ты только останься, а уж про Раше я тебе расскажу. А Москов, я думаю, не будет в обиде на меня, что выкрал у него гостя.

— Чего хочет гость — того желает бог,— сказал Москов, показывая тем самым, что прощает мне мою бестактность. Затем он попрощался и вышел.

Жена Шавеша принесла нам чай, молча поставила перед нами и вышла. Старик перебирал янтарные четки. Лицо его было задумчиво. Мне стало неловко от своей назойливости, и я уже сожалел, что остался, но тут Шавеш заговорил:

— Ты недавно слышал историю о Слемане, о его храбрости и мужестве. Но был случай, когда благородство и смелость изменили и ему. И вот как это случилось. Был в племени некий Озман Джазо — дерзкий и ловкий вояка. Турки давно за ним охотились, да все никак не могли схватить его. Каждый раз Озмани удавалось обвести их вокруг пальца. Но, видать, не всегда человеку сопутствует удача.

Поймали Озмана хитрые турки и увезли в проклятый Айнтаб. Но самое ужасное было то, что ни Слеман-ага, ни его сыновья не пришли ему на помощь. А несчастного Озмана к тому времени отвели к турецкому вали'. Ужасные пытки с ним чинили: стегали плетью, топтали ногами, рвали на нем волосы. Но Озман даже не охнул. Это еще больше разъярило турок.

И тогда они придумали неслыханную казнь. Натянули на несчастного волчью шкуру и бросили на растерзание псам. И согнали народ на место казни — для пущего устрашения. Пусть, мол, видят, что будет с непокорными. Женщины от такого зрелища падали в обморок, а у мужчин от гнева сдавливалось горло. Но что они могли сделать против вооруженных до зубов турецких аскеров? Те, на кого люди возлагали надежду — Слеман-ага с сыновьями,— притаились, словно ничего не ведали. Прошел слух, что они продались туркам, польстились на посулы вероломных. Женщины стали слагать песни о предательстве Слеман-аги, опозорившего славный род Серхуна.

Племя кипело гневом, как вода в котле. Только Слеман-ага и его сыновья были спокойны. А турки тем временем, словно сорвавшиеся с цепи собаки, бесчинствовали вокруг — убивали, грабили, бесчестили девушек.

И тогда, не выдержав такого позора, взяла в руки оружие Раше — возлюбленная Озмана. Она поклялась, что отомстит за него. И не проходило дня, чтобы пуля ее не сразила какого-нибудь турка. Власти догадывались, чьих рук это дело, но почему-то молчали.

Однажды, осенней ночью, когда дождь серебряными нитями Потянулся от неба к земле, а все вокруг было окутано темнотой, турки ворвались в деревню. С криками «Откройте двери!» — они взламывали прикладами податливые двери и прямо на месте чинили самосуд. Много было пролито крови в ту роковую ночь. А Раше, пока турки громили дом соседей, подхватила больную мать и скрылась с ней в овраге. Но вдруг видит, что мать бледна как смерть. «Что с тобой, дае', не бойся, здесь мы с тобой в безопасности,— с тревогой сказала она. — «Сыночка любимого оставили», — с трудом произнесла мать и потеряла сознание. Раше, словно разъяренная львица, выскочила из оврага и, презрев всякую опасность, бросилась в дом.

*Вали — чиновник турецкой администрации.
Д а е — мама.*

Выхватив из люльки плакавшего братишку, она прижала его к груди, чтобы не был слышен крик младенца, и затаив дыхание, подобно тени, стала красться к оврагу. Но заметили ее проклятые аскеры, метнулись ей вслед. Казалось, опасность неминуема — схватят ее окаянные, но тут, к счастью, наткнулась она на лисью нору. С трудом, разгребая лихорадочно рыхлую от дождя землю, вползла она в нору и ладонью прижала рот братишке, чтобы плач его не привлек врагов. Турки опешили и обалдело уставились в темноту, выискивая Раше.

«Куда она делась? — выругались аскеры.— Будто сквозь землю провалилась! Надо найти ее, не то паша нас живьем погребет».

Аскеры, встав цепочкой, продвигались вперед, протыкая штыками винтовок кусты и каждую пядь земли. Один из них приблизился к холмику, под которым спряталась Раше с младенцем, и со всей силой вонзил острие штыка в землю. Штык уперся во что-то твердое, и аскер, подумав, что это камень, пошел прочь...

Раше почувствовала резкую боль в боку. Крепко сжав зубы, она оторвала кусок ткани от платья и приложила к ране, откуда горячей струей текла кровь. Как только в темноте заглох топот ног турецких аскеров, Раше, одной рукой придерживая у груди братишку, а другой — рану, выкарабкалась из норы и поползла к оврагу. С замиранием сердца ждала несчастная мать своих детей. И тут показалась Раше с братишкой. Передав матери мальчугана, она потеряла сознание.

Но и все это не было самым страшным. Ужасно было то, что род Серхуна и здесь не шевельнул пальцем, чтобы избавить от ятагана озверевших турок несчастный народ, крики и плач которого охватили небо и землю.

Можно было подумать, сипкийцев скосила чума — ни слуху ни духу.

Наутро, глядя, у дома Слеман-аги с группой лихих всадников на вороном коне стоит сам Полат, отец Амарик-аги — деда Феде. Полат соскочил с коня и легкой поступью направился к двери. Ударом ноги он распахнул ее, чуть не сорвав с петель. Ворвавшись в комнату, Полат выволок из постелей еще спавших сыновей Слеман-аги — Ибрагима и Шамдина и, сверкнув глазами, свирепо заорал:

«Продажные твари! Убить вас, сукиных отпрысков, мало! И вы — наши предводители?! Закрылись у себя и смотрите, как турки убивают наших матерей, детей, жен, топчут своими ногами нашу честь?! А ну, выходи! А то роду вашему придет конец!..»

Даже курды-мусульмане, прибежавшие на шум, и те возмущались непристойным поведением своего предводителя.

«Чтоб сгинул ваш окаянный род!» — сыпались проклятия.

Говорят, не сносить бы сыновьям Слеман-аги головы, если бы не старуха Сасун-ханум — мать Слеман-аги. Выбежала она тогда из женской половины в одной ночной рубашке и с распущенными волосами, бросилась в ноги Полату и завопила:

«Люди, богом молю вас, не проклинайте наш род! Да ослепнуть мне за племя, за горе, которое стряслось с ним! Господь отвернулся от моих внуков, их обманули!.. Нечестивцы турки опутали их своими хитрыми сетями, травят наши племена друг на друга. Мои внуки опозорили себя, растоптали нашу честь, мужество! Но во имя всевышнего, умоляю вас, не губите их, не берите грех на душу! Впредь они не дадут народ в обиду, даю вам слово старшей из рода Серху-нов!.. Умоляю вас, сыны мои, уважьте мои седые волосы и слезы, отступитесь от зла!

Я сейчас же с вами пойду к вероломному паше, и не дай бог, если он хоть курице вашей скажет — кыш!.. Вы тогда сами увидите, на что способен род Серхунов. Ждите меня во дворе, я скоро выйду к вам...» Слезы этой почтенной старухи немного утомили гнев окружающих, и Полат кивком головы велел своим храбрецам выйти на улицу.

Спустя некоторое время к народу вышла Сасун-ханум, а за ней, стыдливо понутив головы, шли ее сын Слеман-ага и внуки. Тут же к ней подбежали слуги и помогли забраться в седло лошади. За ней молча сели на коней ее сын и внуки.

«Бог с нами!» — сказала Сасун-ханум и пришпорила лошадь. .

Вслед за ними двинулось все племя сипкийцев. От топота лошадиных копыт гудела земля. Еще бы! Как-никак, целое племя было! Они ехали в Базид к турецкому паше, чтобы освободить своих братьев курдов-езидов, попавших в неволю, и вернуть их к вольному труду крестьянина...

Старик Шавеш рассказывал так горячо, словно сам был участником этих событий. На глазах его блстели слезы, дрожащие пальцы неторопливо перебирали четки.

— В тот день,— продолжал Шавеш,— сипкийцы оцепили весь Базид. «Э-й, вы, — кричали они туркам,— немедленно выпустите наших людей, а то худо вам придется! Костями ляжем здесь, но братьев своих освободим, город ваш сровняем с землей!»

И что же сделали турки? По приказу паши Сасун-ханум, ее сын и внуки были приглашены во дворец, где им был оказан неожиданно ласковый прием. Одарив их дорогими подарками, паша распорядился выпустить из темниц невольников и с миром отпустил «дорогих»- гостей домой. Все это было настолько невероятно, что люди растерялись и не знали, за кого молиться — за Сасун-ханум, которая рискнула пойти на такой дерзкий шаг, или за пашу, который оказался таким милостивым.

Счастливые и довольные тем, что все обошлось без жертв и кровопролития, сипкийцы вернулись восвояси. С ликованием встретили их в деревне. Много дней и ночей все вокруг оглашалось звуками зурны и грохотом барабана. Потом жизнь постепенно стала входить в привычное русло.

Крестьяне занялись повседневным трудом. Но вот прошло какое-то время, и люди стали замечать, что в деревне все чаще и чаще стали появляться муллы и факиры. Стали замечать и то, что их братья, курды-мусульмане, которые еще вчера делили с ними радость и горе, постепенно отворачиваются от них, не желая даже отвесть их «гяурского» хлеба-соли. И это подтверждается историей, которая приключилась с местным пастухом Сивике Бадо, да будет земля ему пухом!

— Мир праху и усопшим из твоего рода,— как требует обычай, повторил я при упоминании мертвых.
— Так вот,— поглаживая усы, продолжал старик Шавеш,— значит, пастух этот устроил поминки по покойной матери своей. Когда собрался народ, глядит, среди них нет ни одного курда-мусульманина. Наивный пастух, который в году двенадцать месяцев находился вместе со своими стадами в горах и не ведал о происходящем, недоумевал и не мог понять, что случилось. Когда он спросил своего соседа, тот ответил ему:

«Да сохранит господь твой дом от напасти! Да неужто ты совсем ослеп? Ведь курды-мусульмане нынче к нашему хлебу бояться притрагиваться, а ты их на поминальное угощение созвал. Ведь их мулла Авдыл-Рахман наговорил им, что хлеб езидов нечист, что кто осмелится дотронуться до нашей еды, тот совершит неисправимый грех перед аллахом, станет вероотступником и нечестивцем».

«Вон оно как! — воскликнул пастух.— Выходит, муллы хотят посеять вражду среди нас? Лихо получается у них — один народ, а две веры?..»

С каждым днем вокруг происходили новые перемены. Со временем и кладбище мусульман стало отдельным от езидского, и не приведи господь, если мулла увидит кого-нибудь рядом с езидом. Осыпал на голову несчастного самые страшные проклятия. «От езидов псиной воняет, держитесь дальше от них»,— шипел он своим ядовитым языком.

Дети мусульман и те проклинали и ругали езидов на чем свет стоит. День ото дня становилось хуже. А однажды, говорят, племянник муллы со своим двоюродным братом встретили в открытом поле дочь того же пастуха Безар, начертили круг, вогнали бедняжку в него и сказали, что если она выйдет из круга, то ее тут же сразит смерть. Дочь пастуха уж больно набожная была, поверила она этим прохвостам. Ни жива ни мертва осталась она сидеть в этом кругу.

А родители ее в деревне горюют, что дочери до сих пор нет. Бросились они на поиски, ищут ее повсюду, а доискаться не могут.

В это время с охоты возвращался вольный охотник Асо. Вдруг заметил Асо, что пес его навострил уши и нерешительно продвинулся вперед. «Тут что-то неладно, раз пес насторожился», — подумал охотник и, скинув с плеча берданку, пошел за своим верным другом.

И тут Асо услышал крик девушки: «Помогите! Спасите! На помощь!» Не чувствуя под собой ног, ринулся Асо на голос и видит: лежит на сырой земле несчастная Безар и кричит из последних сил.

«Что с тобой, сестренка? Обидел ли тебя кто?» — подскочив к ней, спросил Асо.

С и п к и — одно из курдских племен.

П а ш а — в данном контексте: военачальник.

Несчастливая Безар так обессилела от голода и холода, что не смогла даже и слова вымолвить, а только показала рукой на круг.

Вот, братец, какие штуки вытворяли они,— вздохнул старик Шавеш, — а беки курдов-мусульман с легкой руки турецких властей до последней нитки обирали крестьян. Люди боялись и хорошую одежду носить или обзавестись добрым скакуном. Вот случай был такой: говорят, в деревне Гохан жил отчаянный до безрассудства юноша по имени Бавб. Обидеть себя никому бы не позволил. Накануне своей свадьбы сшил он себе на редкость красивый колоз — папаху, обвязанную шелковым платком.

Лихо возвышалась папаха на его голове. Приглянулся этот колоз внуку местного бека Адо-беку, и стал он намекать Баво, чтобы тот подарил его ему.

«Не могу, бек. Я сошью тебе другой, получше это-го, — ответил Баво, когда тот опять при очередной встрече намекнул о колозе.— И не старайся заполучить его».

«Нет так нет»,— зло процедил сквозь зубы Адо-бек и вдруг, выхватив из ножен кинжал, метнул в Баво. Баво успел отскочить в сторону. Кинжал со свистом пронесся мимо него и, ударившись о камень, сломался пополам.

Кровь ударила в голову Баво, лицо его задышало гневом. Подобно раненому барсу, кинулся он на молодого бека и, повалив его, стал топтать ногами.

«Ты кто такой, сучья порода, что хочешь колоз мой насильно отобрать! — бил и приговаривал Баво. — Плевал я на тебя, на твоего отца и вашу новую веру! Убирайся отсюда, пока цел еще!.. Вам только и лизать пятки туркам, продажные шкуры!»

Говорят, если бы не вмешался какой-то старец, в этот день пришлось бы оплакивать молодого бека. Усмирил Баво, старец повернулся к Адо-беку и сказал:

«Адо-бек, прав Баво. Чего ты бесишься? Турки подкупили вас, вносят вражду и раздор между нами, травят друг на друга, чтобы мы сами же стерли себя с лица земли... Уходи, братец, подобру-поздорову! Благодарю бога, что жив остался!»

Этим же вечером турецкие аскеры поволокли Баво в полицейский участок.

«Это ты, нечестивец грязный, осмелился хулить нашу веру?» — во время допроса зарычал на него паша.

«Я не ругал вас, почтеннейший, я честь свою отстаивал», — спокойно ответил Баво.

«Честь свою!» — взревел паша и с размаху ударил кулаком по лицу. Кровь брызнула из носа Баво и потекла по губам.

Баво молчал.

«Скажи, собачье отродье, — пуще прежнего напустился на него паша, — как ты смел поднять руку на мусульманина, да еще так избить его! Говори! Кто тебя подговорил на такую дерзость?..»

Но храбрый Баво молчал и изредка бросал на озверевшего от его молчания пашу презрительный взгляд.

Поймав этот взгляд, паша вздрогнул и тут же приказал на улице разжечь костер и вскипятить котел с водой.

Потом окровавленного Баво поволокли к котлу и бросили его в кипящую воду. Баво успел лишь крикнуть:

«Псы вонючие! Наступит день отмщения!»

Будь она проклята, бедняцкая доля! — проговорил в ус старик Шавеш и, вытирая платком глаза, на минуту замолчал. Пропустив сквозь пальцы несколько костяшек четок, он продолжал: — Да, сынок, грустная была судьба нашего народа. Главная беда заключалась не в том, что насильно отбирали у людей скотину и землю, а в том, что турки всячески старались растоптать, унижить человеческое достоинство нашего народа...

И когда переполнилась чаша терпения, решили главы езидских племен и родов созвать совет старейшин, чтобы посоветоваться, как жить дальше. Когда все находились уже в сборе, один из членов совета, тучный, как откормленный вол, с огромным круглым животом, заявил: «Чего тут думать! Надо смириться и пойти на поклон. Другие ведь доверили свою судьбу туркам?..»

Говорили многие. За все это время у каждого на душе накопилось много горечи, у каждого была своя боль, и поэтому мнения высказывались самые разные. Последним слово взял Амарик. Подняв свой обжигающий взгляд на толстяка, он сказал:

«Да обойдет горе твой дом, Идрис! Неужели ты до сих пор не понимаешь, что все это творится с легкой руки этих же турок? Ведь прежде все мы были одного роду-племени, братьями по крови. Радость и горе делили вместе, кипели в одном котле. А теперь они вмешались в нашу жизнь, сеют распри между родами. Все мы сидим у них как кость в горле. И пример тому — битва при Гридаге и на Фарате. Когда турки увидели, что силой оружия им не одолеть нас, они пошли на хитрость: подкупили наших беков».

«Справедливы слова твои, — подхватили остальные члены совета, — но скажи, что нам делать?»

«Что делать? — задумчиво повторил Амарик и добавил: — Надо искать выход, и чем быстрее, тем лучше...»

И как-то ночью, когда мрак окутал землю, главы родов и племен курдов-езидов незаметно выбрались из деревни. Путь их лежал к горам Семи Курушей, к загону их односельчанина Чачё. Загон этот находился в небольшой котловине, окруженной горами, гордо вскинувших свои острые, как палицы, вершины. Слева чернело небольшое ущелье, по дну которого протекал ручей; справа расстилалась долина с густой порослью трав и цветов. Пряный их запах пьянил как вино.

Все словно застыло в безмолвном изумлении, и отчетливей человеческого голоса слышалось журчанье ручья. Овцы, отяжелевшие от вечерней пастьбы, набив утробы сочной травой, находились в приятной дреме. Первым слово взял шейх Баро.

«Братья! Мюриды мои! — обратился он к присутствующим. — Мы собрались в этих горах, чтобы посоветоваться о нашей дальнейшей судьбе. Сегодня мы должны окончательное решение. Пусть сначала выскажет свое мнение наш Амарик, сын Полата».

«Братья! Почтеннейшие главы племен и родов! — начал Амарик, обращаясь ко всем, — Что вам сказать? Вы лучше меня знаете все черные дела врагов. Терпению нашему пришел конец. Если и дальше будет так продолжаться, турки сотрут нас с лица земли. Силой оружия нам никогда их не одолеть. Их слишком много, они хорошо вооружены, да и власть у них в руках. Только напрасно прольется кровь и еще ожесточеннее станут после этого турки. Земля эта обагрена кровью наших братьев, детей, матерей. Так хватит же жертв! Но пусть никто не думает, что трусость — причина тому, что мы отказываемся от борьбы».

Нужно смотреть на вещи трезво. Безрассудная храбрость не всегда к удаче. А наши дети и внуки нас рассудят и поймут правильно. Сегодня важнее всего — сохранить свой язык, обычаи, веру. И я думаю, мы примем правильное решение, если перейдем на сторону русских. Часть нашего племени и соотечественников уже давно осела на их земле, и, судя по всему, живет им хорошо. Там никто не будет навязывать нам чужую религию и язык. Я уверен, что русские протянут нам руку помощи!»

Амарик оглядел присутствующих испытующим взглядом. На всех лицах он прочел одобрение. Его слова согрели всех надеждой и придали силу тем, кто терзался страхом и сомнениями. Вновь взял слово шейх Баро:

«Братья! Благословите это решение! Амарик показывает нам правильный путь. Завтра же пошлем гонцов с посланием к русским. Напишем им: «Во имя вашего креста и государства, примите нас на вашу землю. Не отвергайте нас. Протяните руку помощи нашему много-страдальному народу, ибо дни его сочтены...» Совет старейшин одобрил это решение. Незаметно, так, чтобы не вызвать подозрения, разошлись по домам.

На душе у всех было спокойно: Спасительный путь найден. Оставалось только выбрать гонцов и незаметно для турецких аскеров, рыскающих как голодные волки повсюду, переправить их на сторону русских. Выбор пал на Али — сына Амарика Полата, Ныго — сына Михо и Ба-до — сына Мамо. Тучи набегали и громоздились друг на друга, подгоняемые свистящим ветром, и когда тьма стала густой и непроницаемой, трое всадников выехали из деревни. За тучами то и дело вспыхивали зарницы, и, когда всадники добрались до ближайших гор, дождь уже лил как из ведра.

Но что им дождь и непогода! Им выпала вы-сокая честь — донести до русских властей просьбу племени о помощи! И они докажут, что достойны этой чести, что выбор пал на них неспроста. Гордые, сидели они на своих конях, ощущая какое-то особенное счастье, радостную дрожь, пробежавшую по телу и волновавшую молодую непокорную кровь. Это чувство было большим и прекрасным, как сама жизнь, которую не жалея могли бы принести в жертву своему народу эти трое.

К утру следующего дня они уже спускались по склону ущелья Амберд. Отсюда начиналась империя Российского государства. Разноцветье трав пышным ковром расстилалось под их ногами. Все вокруг утопало в цветах и радовало глаз. На дне ущелья они заметили стадо овец, пьющих холодную воду ручья. Было тихо, но вскоре среди этого безмолвья до них донесся чистый, страстный голос. Это пел пастух.

Они узнали пленительную «Заре домаме». Песня захлестнула сердца юношей, и они, забывшись, подхватили ее. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочили два огромных волкодава. Оскалив клыки, злобно рыча, они готовы были наброситься на пришельцев. И неизвестно, чем все это могло бы кончиться, если б не молодой пастух, посохом отогнавший псов.

Волкодавы, поджав хвосты, нехотя повернулись к отарё овец.

— Добро пожаловать, — приветствовал гонцов пастух, внимательно всматриваясь в их лица. — С миром ли в такую рань?

— Да ниспошлет господь тебе удачу! С миром мы! — успокоили пастуха юноши и соскочив с коней.

— Тогда не побрезгуйте отведать нашего хлеба-соли, — сказал им пастух, жестом приглашая к шатру, где трое других пастухов готовили завтрак.

После долгих взаимных приветствий, вежливых рас-спросов о здоровье юноши попросили у пастухов разрешения освежить лица холодной водой ручья. Затем все приступили к завтраку.

Скромная пища пастухов показалась изголодавшимся в долгой дороге всадникам райской едой. После окончания трапезы старший из пастухов обратился к пришельцам с вопросом:

— Сыны мои, не судите строго меня за любопытство, но кто вы и куда путь держите? Судя по виду вашему, из далеких краев вы. Может, помощь нужна вам и мы сможем быть вам полезны?

— Не ошибся ты, отец, — ответил ему Али, — издавека мы, из Турции, а путь держим...

И Али рассказал о цели их путешествия.

Пастухи молча слушали юношу. Боль и гнев, звучащие в голосе Али, были им понятны и близки. Еще свежи были в их памяти бесчинства турецких властей, истреблявших их племя. Но слава богу, вовремя спаслись они от жестоких притеснителей. И теперь не страшен им ятаган турецкого аскера.

Племя ассирийцев находилось под надежной защитой русских властей.

— Дядюшка Караман, — обратился один из юношей к старому пастуху, — и наше племя хочет перейти на землю русских. Но мы не знаем, к кому обратиться с нашей просьбой. Может, ты укажешь нам?..

— Помочь вам Может Только наш Асан-ага, — перебил юношу старик, — да вот беда, уехал он.

— Куда? — с волнением спросили юноши в один голос.

— Говорят, в Тифлис уехал. Хочет выхлопотать разрешение для открытия школы в наших краях. Хоть и грех нам, езидам, учиться, Асан-ага не признает таких рассуждений. Уж не знаю, к чему мы придем здесь, на земле русских, но за завтрашний свой день мы спокойны. А что касается вас, я думаю, вам стоит отправиться в Тифлис. Найдите там Асан-агу, а уж он подскажет вам, к кому из русских обратиться с вашей просьбой.

Поблагодарили пастухов за угощение, за совет и собрались в путь. По просьбе старого пастуха до Ашта-рака их пошел провожать Бари, тот самый, который пел «Заре домаме».

ХАЗАЛ

На следующий день мы со стариком Шавешем от правлюсь в горы. Ущелье, в котором мы остановились передохнуть, называлось ущельем Обездоленных. Старое, сохранившееся до наших дней название. На дне ущелья и по склонам гор были рассыпаны огромные камни. Очевидно, что эти камни когда-то отвалились от

каменного гребня на вершине горы, а потом были скинуты вниз снежными лавинами.

— Быть грозе,— старик Шавеш внимательно посмотрел на небо, где круглилась и росла темная грозовая туча.
— Что же делать? — спросил я.

— Да тут есть небольшая пещера, там можно переждать непогоду.
Туча росла с поразительной быстротой, как это бывает только в горах, и ничего не оставалось, как согласиться на предложение старика. Когда мы начали спускаться с горы, вдали глухо гукнул первый удар грома. Все кругом как-то разом стихло и замерло, Место было суровое и дикое, но именно теперь, когда с одной стороны еще ярко светило солнце, а с другой — темной глыбой надвигалась гроза, оно поражаало воображение своей красотой и великолепием.

С левой стороны горы выползла огромная черная туча, но уже через несколько минут мы стояли перед входом в пещеру.

— Ну, вот мы и в безопасности, — провозгласил Шавеш, подставляя руку под первые капли дождя.

Пещера была крохотная, но довольно удобная. Облюбованная пастухами, она имела жилой вид. Ближе к входу был устроен тандыр, а в середине лежал огромный плоский камень, служивший столом. Вокруг были разбросаны камни поменьше — для сиденья.

По глухому шуму, доносившемуся со стороны ущелья, можно было заключить, что гудел настоящий ливень. В пещере было ощутимо прохладно.

Шавеш старался развести огонь в тандыре из старых головешек и разложенного в углу чьими-то заботливыми руками сухого кизяка. И через четверть часа, когда горы стонали от раскатов грома, у нас в пещере весело трещал огонь и быстро наливалась живительная теплота.

— Дядя Шавеш! — обратился я к старику. — Рассказывают, что тебе и Хазал пришлось в молодости хлебнуть горя, прежде чем вы связали вместе свои судьбы. И еще я слышал, что она сама пришла к тебе домой, нарушив все законы и обычаи курдов. Это правда?

— Правда, сынок, было точно так,— лукаво улыбнулся старик.

— А как было? — настаивал я.

— А хитер ты, сынок, да делать нечего, придется тебе и это рассказать,— старик ухмыльнулся.— В те далекие времена Хазал была отчаянная, не то что теперь. Никто не смел ей дурного слова сказать — за ответом в карман не лезла. А красавицей была — одно загляденье. От сватов отбоя не было. Да все не соглашалась моя Хазал замуж выходить.

Потому как клятву верности мы друг другу дали. А любил я ее больше жизни. Но как-то пришли сваты от самого Али, сына Амарика Полата. И на сей раз родители вопреки Хазал дали согласие. Со слезами на глазах прибежала Хазал на место наших тайных встреч. Оба мы были безутешны. Надо было что-то предпринимать. А тут еще на беду в деревне стало известно о наших встречах.

На Хазал стали показывать пальцем, плевать ей вслед. Людям не закроешь рты. Была у нас мысль — бежать из родных мест. Да куда убежишь? Ни кола ни двора! Сказать по правде, боялись мы оба Али, гнева рода Амарика Полата. Началась бы кровная месть. Но вот как-то Хазал узнала, что Али уехал. Недолго думая сбрала она свои вещички и ночью пришла к нам домой. Плачет и говорит: «Хоть убейте меня, а отсюда я никуда не уйду!» Так сама и пришла невесткой в дом моего отца, поправ все общепринятые обычаи. Вот с того дня и делим мы горе и радость. Вместе с Хазал в мой дом пришло счастье. Она опора моего дома.

Старик замолчал. Молчал и я. Ливень продолжался, но гроза уже миновала, и только изредка раздавался в горах оглушительный громовой раскат, точно где-то шла беспорядочная стрельба. Приятно было в такую погоду сидеть у весело потрескивающего огонька, освещавшего пещеру каким-то фантастическим отсветом. Как зачарованный уставился я на огонь, перебирая в памяти рассказы, услышанные от дяди Москова и старика Шавеша.

— Дядя Шавеш, ты прервал свой рассказ на том, что в пути к нашим трем путникам присоединился четвертый — пастух Бари. А что же было дальше?

— Дальше? — Старик призадумался, собираясь с мыслями, — А дальше был путь длинный и утомительный... С наступлением темноты они добрались до какой-то возвышенности. Надо было отдохнуть, а на рассвете вновь пуститься в путь-дорогу. В получасе езды, в долине, находилась армянская деревушка. Там у Бари жили знакомые.

Решили ночь провести в этой деревне. Дафчи Манук, дом которого одиноко чернел на окраине деревни и куда Бари повел своих друзей, приветливо встретил гостей: «Вай, гости дорогие! Добро пожаловать! Мой дом — ваш дом! Проходите, располагайтесь! Ануш, — крикнул он жене, — собирай на стол». Невестки тут же расстелили на полу войлок и разбросали подушки, чтоб гостям удобнее было сидеть. Начались расспросы о близких, о здоровье,— пошел обычный в таких случаях разговор.

Дафчи Манук, соблюдая правила приличия, не спрашивал своих гостей о том, что привело их в такой поздний час к нему в дом и куда они держат путь. Он ждал, пока они сами заведут разговор об этом. И за ужином Бари рассказал, кто его друзья и куда они направляются. Бари знал Манука как всеми уважаемого и мудрого человека. Ни одна свадьба не обходилась без его участия, без грохота его барабана.

«Значит, и вы решили перебраться в наши края? — задумчиво спросил он гостей. — И правильно решили. А Асан-агу вы не видели?»

«Нет, не посчастливилось!» — ответил один из юношей.

«Почему же? Он бы помог вам, да и власти уважают его и считают с его мнением».

«Он уехал в Тифлис»,— отозвался Бари.
«В Тифлис?» — удивленно переспросил Манук.
«Да, он поехал по делам открытия школы для курдов».

«А-а...— протянул Манук и на минуту замолк.— Вон оно что...— сказал он.— Значит, такое важное дело он задумал? Дай бог ему удачи!..»

Чувствовалось, что Манук искренне обрадовался этой вести. Потом он спросил:

«А доводилось вам слышать о таком человеке, как Хачатур Абовян?»

«Нет, почтеннейший»,— ответили все разом в один голос.

«Неужто?... Некогда этот уважаемый человек был гостем вождя вашего племени Слеман-аги...»

«Постой! — вдруг воскликнул Ныго.— Как же, старики наши говорили, Слеман-ага даже преподнес ему своего коня, но тот отказался и довольствовался каким-то незначительным подарком...»

«Вот, вот! — радостно отозвался Манук.— Это и был Хачатур Абовян. Было это лет тридцать назад, когда мы еще жили на той проклятой стороне, в 1845 году.

Как сейчас помню, тогда играл я на свадьбе сына Шамдин-аги, бывшего вождя асынийцев. Вдруг прошел слух, что в тех краях объявился человек, знающий много языков. Мулла Хуссейн, считавшийся великим мудрецом, при нем втянул голову в плечи и боялся слово вымолвить, словно воды в рот набрал».

Как-то у Слеман-аги собралось много народу — послушать, что рассказывает Хачатур Абовян. Он держал в руках карандаш с бумагой и что-то все время писал. Никто не понимал, что это он черкает на своей бумаге. Не выдержав, одна любопытная старуха спросила его:

«Братец Хачо, не посчитай за нескромность, но что это ты все пишешь и пишешь?»

Он, улыбнувшись, ответил:

«Я записываю ваши песни, пословицы, и поговорки».

«Ты что же, этим зарабатываешь себе на жизнь?» — не унималась старуха.

«Да, только этим»,— рассмеялся он.

«Боже! Да возможно ли такое?» — наивно спросила другая женщина.

Тут Абовян так расхохотался, что слезы выступили

на глазах. Старуха засмузилась и замолкла. А он, вытирая платком глаза, сказал:

«Не обижайся, матушка, смеюсь я оттого, что весело мне с вами. Дело, которым я занимаюсь,—это мое призвание, моя работа. Жаль, что у вас нет школ, своей письменности, чтобы и ваши детишки могли учиться уму-разуму, стать просвещенными людьми».

При упоминании о школе один из присутствовавших, Ибрагим, тяжело вздохнул и сказал: «Эх, откуда нам такое счастье...» Но Абовян остановил его:

«Не отчаивайся, братец Ибрагим. Наступит день, когда и ваши дети будут учиться, будут читать и писать на родном языке. Что касается меня, даю вам слово: то прекрасное, что я увидел и услышал у вас,—все передам своим землякам. Пусть знают, какой курдский народ одаренный и талантливый, мужественный и гостеприимный. Но вашему народу необходимо просвещение, оно нужно вам как вода посевам, чтоб расцвести под' этим солнцем, которое, к сожалению, щедро вознаграждает своим теплом одних и забывает про других...»

Вот так-то,— вставая, подвел к концу свои рассказ

Манук.—А Асан-ага за благодарное дело взялся, школа и письменность вам нужны. Только постарайтесь в Тифлисе его найти, он непременно вам поможет, хоть подскажет к кому обратиться».

И когда гостей отвели в их комнату и они остались одни, Али с приподнятым настроением заговорил:

«Слава богу, друзья! Оказывается, есть и были люди на этом бренном свете, которые думают о нашем народе. Дай бог им здоровья и благополучия, а кого нет в живых, пусть земля будет им пухом!»

Дафчи — музыкант, играющий на барабане.

Утомленные долгой дорогой, они мгновенно забылись крепким сном...

А ведь дождь прошел,— прервал свой рассказ старик Шавеш и поднялся со своего камня.

Мы вышли из пещеры. Все кругом блестело после дождя. Можно было рассмотреть каждый камешек, каждый кустик. Неподвижно высились молчаливые суровые горы. И трудно было поверить, что только совсем недавно над этими вершинами пронеслась гроза.

Потом, уже в деревне, после обеда, я уговорил старика досказать мне эту историю. Вот ее продолжение.

На рассвете, когда первые петухи прокричали гимн новому дню, все уже были на ногах. Поблагодарили дафчи Манука за хлеб-соль, обнялись на прощание с Бари и пустились опять втроем в путь. Не останавливаясь проехали Мирак, Кондахсаз, еще несколько деревень и, наконец, прибыли в Джамушван — деревню, в которой издавна жили сипкийцы — их соплеменники. Остановились в доме старика по имени Бро.

С радостью и почетом встретили сипкийцы своих соплеменников из Турции. В доме Бро в честь этого события собралось много народу, и до поздней ночи не кончались вопросы о жизни на той стороне, о родных, оставшихся там, о старике Полате, с которым был очень дружен Бро. Внимательно слушали гости рассказы

джамушванцев о жизни на земле русских.

Было чему удивляться и радоваться. Люди жили с достатком, а главное — спокойно, не тревожась за жизнь свою. Дни и ночи их не омрачались больше внезапными набегами турок, не проливалась кровь, не грабилось имущество, не угонялись девушки в неволю.

Так увлеклись разговором, что не заметили, как время перевалило далеко за полночь. Но тут кто-то спохватился, что гости устали от дороги и надо дать им передохнуть. Пожелали им спокойной ночи и разбрелись по домам. Утром, с первыми лучами солнца, путники уже сидели за обильным завтраком. Бро давал последние наставления своим молодым гостям. Провожали их всей деревней. А несколько парней сопровождали их до Амамли.

Небо было чистым и безоблачным. Воздух благоухал запахами цветов. Они сплошь покрывали землю, и казалось, что ничего здесь больше нет — цветы да небо. А когда солнце стало клониться к западу, добрались до Амамли. Там попрощались с джамушванцами, вручили им своих коней и дальше двинулись пешком. Путь был долгий, но дело, ради которого они шли, придавало им силы.

Так добрались до вершины горы Коджори, гордо возвышавшейся над Тифлисом. С высоты птичьего поле-та город был весь как на ладони. Тревожной радостью забились их сердца. Город, на который племя возлагало надежды, простирался перед ними. Все трое думали об одном: улыбнется ли им удача в этом городе? Смогут ли они с честью выполнить возложенное на них поручение или придется не солоно хлебавши возвратиться к живущему теперь одной мечтой о спасении племени? И тем самым погасить в сердцах соплеменников последнюю искру надежды.

Мысль эта полоснула стыдом и ввергла в уныние. Но это была минутная слабость. Они здесь ради того, чтобы донести до русских властей просьбу племени о помощи. Ведь русские уже помогли многим курдским племенам, взяв их под свое покровительство. Протянут руку помощи и их племени. В Джамушване старик Бро посоветовал обратиться в канцелярию наместника Кавказа. Фамилию наместника, правда, не запомнили, но не беда. Главное, не терять присутствия духа, не оробеть в большом незнакомом городе. А господь бог не оставит их своей милостью.

Поклонившись на все четыре стороны, воздав молитву, они по сбегавшей вниз тропинке спустились в город.

Тифлис ошеломил их. Лабиринты узких кривых улочек, двух и трехэтажные дома, фазтоны, духаны, из открытых дверей которых доносилось непривычное для их слуха пенье карачохелов — грузинских песнопевцев,— все это было ново и любопытно им. Но друзья старались не терять времени на подобные зрелища. Они искали канцелярию наместника. К их счастью, фазтонщик, к которому они обратились с просьбой показать им канцелярию, оказался азербайджанцем и знал турецкий язык. Через некоторое время они уже стояли перед красивым особняком в центре го-рода.

— Это здесь,— сказал фазтонщик, пожелав им на прощание удачи.

После долгих объяснений с часовым к ним наконец вышел человек, свободно владеющий курдским. Как потом оказалось, это был армянин Согомон Егиазаров, долго живший среди курдов и научившийся их языку. Внимательно выслушав рассказ молодых курдов о бесчинствах турок, об угрозе истребления племени и о желании его перебраться на русскую сторону, он посоветовал на то, что наместник выехал из Тифлиса по своим служебным делам.

— Но вам поможет Асан-ага,— успокоил он парней.— Он хорошо знаком с господином Дондуковым, занимающимся как раз устройством таких дел, как ваше. Приходите завтра утром, Асан-ага должен прийти по своим делам в канцелярию.

Утром, чуть свет, трое посланцев уже стояли у дверей приемной. Ждать пришлось долго. Люди в офицерских мундирах входили, выходили, но никто не обращал на них внимания. Наконец вышел улыбающийся Егиазаров. С ним был какой-то мужчина, по виду которого они догадались, что он курд.

— Вот, Асан-ага, те самые молодцы, о которых я тебе рассказывал,— обратился он к нему.

После вежливых приветствий Асан-ага обрадовал их, сказав, что уже он говорил с господином Дондуковым о их просьбе и тот обещал свое содействие.

— Господин Дондуков хочет лично с вами побеседовать. Он ждет вас,— сказал Асан-ага, обнадеживающе улыбаясь, и велел следовать за ним.

Прошли несколько комнат, похожих на сказочные хоромы с причудливо резными дверями, и, подойдя к последней двери, Асан-ага остановился и открыл перед ними дверь.

Юноши нерешительно вошли и стали у порога. Дон-дуков, на котором сверкал мундир с золотыми эполета-ми, сидел за огромным столом и перебирал какие-то бумаги. Увидев пришельцев, он встал и, мягко улыбаясь, пригласил их сесть. Асан-ага и Егиазаров также вошли и расположились напротив посланцев.

Дондуков внимательно слушал рассказы юношей о том, как турецкие аскеры предают огню и мечу их деревни, безжалостно уничтожают безвинных людей, уводят их жен и сестер в неволю, как местные беки и муллы, подстрекаемые турками, ради наживы натравливают друг на друга племена, из-за чего гибнут сотни семей. Курдские племена в Турции находятся под угрозой полного истребления.

Затем по просьбе Дондукова Али рассказал о своем племени. На вопрос о том, кто является предводителем племени, юноша ответил, что в настоящее время племя не имеет своего предводителя. Решили, что сразу же после возвращения ходатаев будет выбран ага — вождь и племя начнут готовиться к переходу границы, если русские власти окажут им содействие.

На прощание Дондуков произнес:

— Я надеюсь, что и ваше племя, как и остальные курдские племена, будет верой и правдой служить царю и

России.

Открыленные удачей, вышли они из канцелярии наместника русского царя и, не тратя времени впустую, тронулись в обратный путь.

— Как-то вечером,— начал старик Шавеш новую главу своего рассказа,— пришел мой покойный отец домой расстроенный. Мать тут же к нему с расспросами. И отец сказал, что местный ага пронюхал о тайном исчезновении наших посланников и теперь от ярости места себе не находит.

«А от какого нечестивца он узнал об этом?» — словно о чем-то догадываясь, спросила мать.

«Говорят, пучеглазый Аслан Такури донес», — злобно произнес это имя отец.

«Вот как! Я так и знала!» — воскликнула моя мать и рассказала отцу, как несколько дней назад увидела этого негодяя с каким-то подозрительным незнакомцем; они о чем-то перешептывались. Ей удалось краем уха услышать их разговор.

Пучеглазый, поглаживая усы, злорадно говорил: «Клянусь своими усами, что скоро этот дом станет моим» — и указывал пальцем на наш дом. — Они задумали нечистое, хотя к русским переметнуться. Пусть надеются, мы еще поглядим, у кого из нас шея толще. — Как услышала я эти слова, — продолжала мать,— прямо сердце оборвалось. Думаю, неужто этот подлец задумал черное дело...»

«Почему же ты мне раньше об этом не говорила?» — сердито прервал ее отец.

«Я за тебя боялась,— кратко ответила мать.— Думала, в порыве гнева натворишь чего-нибудь, потом беды не оберешься...»

«Ну ладно,— смягчился отец,— посмотрим...»

Я и Хазал, тогда новоиспеченные молодожены, долго не могли спать.— Шавеш игриво улыбнулся мне.— Молоды мы были, только о своей любви и думали...

Грешно говорить мне это сейчас, старику, но ты уж прости, ты ведь мне что сын родной. В полночь вдруг слышу, из другой комнаты, где спали родители, донесся голос моей матери — то ли плакала она во сне, то ли смеялась. Что-то екнуло у меня в сердце, думаю: к добру ли?... И, повернувшись лицом к стене, решил заснуть. Но какое там!

Как раз в эту минуту во дворе свирепо залаял наш пес и раздался топот ног. А через несколько секунд неистово забарабанили в дверь. Дверь наша так и приплясывала под ударами прикладов и готова была сорваться с петель. Я вскочил с постели и метнулся было к двери, но отец схватил меня за руку, остановил. Напуганная до смерти мать, стараясь перекричать грохот, изо всех сил крикнула: «Кто там?» За дверью раздавался грозный голос, который по-турецки приказал: «Откройте!»

Мать велела отцу спрятаться в овчарне и, схватив с тандыра кочергу, направилась к двери. Четверо аскеров ворвались в комнату. Мы отпрянули к стене. Как сорвавшиеся с цепей собаки они рыскали по дому, заглядывали во все уголки. Один из аскеров, с уродливо косыми глазами, кинулся в овчарню, где притаился отец. Через несколько минут оттуда донесли приглушенные удары, и, матерщинно ругаясь, он выволок отца. Остальные аскеры набросились на него, скрутили ему руки за спину и, толкая прикладом, направились к выходу.

Мы с ужасом в глазах смотрели на это и не могли ума приложить, за что же отца арестовали...

С той ночи, братец,— продолжал старик, горестно вздохнув,— настали тяжкие дни; чувство было такое, словно на нас и на мою горемычную мать с неба повалились камни.

Несколько дней мать, сжав зубы, молча и тихо в стороне оплакивала свое горе. Но однажды она вдруг обрушилась на меня и Хазал с проклятиями: «Чтоб вам обоим пусто было! — говорила она.— Из-за вас, окаянных, его забрали! Это родные ее суженого пожаловались на нас властям, будто мы похитили их невестку. Несчастье занесла она в наш дом. Погодите, не то еще будет!.. Чтоб остригли тебе волосы, плутовка! Чтоб света белого тебе не видеть!..»

Бедняжка Хазал молча проглотила эту обиду и горько заплакала.

В душе у меня все переворачивалось, боролись два чувства: то ли мать усмирять, то ли Хазал успокаивать. Стоял и не знал, как быть. Они хоть душу отводили — одна руганью, а другая — слезами. Когда плачешь, легко как-то становится. В эту минуту сердце мое было похоже на шаткую скалу, которая готова была от малейшего сотрясения обрушиться, сметая все на своем пути. И тут, впервые за всю свою жизнь, я не сдержался и закричал на мать:

«Мать, не довольно тебе чепуху городить? Откуда ты взяла, что все это из-за Хазал случилось? — кричал я, внутренне содрогаясь от жалости к матери.— Ты с ума спятила! Будь она виной, то первым делом меня бы забрали, а не отца!.. Теперь-то хоть понимаешь?..»

От собственного бессилия я не выдержал и, подобно ребенку, зарыдал. Меня душила боль стыда, что в ту минуту, когда аскеры скрутили отца, я не набросился на них и не убил этих собак. Я скрежетал зубами и, ударяя кулаками себя по голове, думал: «Ох, отец!.. Чтоб не видеть твоему сыну счастья!»

Что было дальше — не помню. Только когда открыл глаза, увидел склонившуюся надо мной мать, которая, распутив косы, пуще прежнего рыдала и рвала на себе волосы. «Господи, — подумал я, — что еще сотворилось?..»

Короче говоря, — продолжая, прокашлял в кулак старик Шавеш, — горе да несчастье обступили нас. Дни стали чернее ночи. Моя несчастная мать, немного смирившись со своим положением, впала в состояние бесчувствия, точно все окружающее внезапно потеряло для нее какой бы то ни было смысл. Ни единого жеста, ни одного слова.

И я не решался заговорить с ней. Я знал, что если заговорю, то это еще сильнее ранит ее. А о Хазал и не говори: ночи напролет плакала, оцарапала себе все щеки и, иссиня-бледная, походила больше на мертвеца, чем на живого человека.

И соседи стали скупы в общении с нами, словно наш дом захлестнула чума и они боялись заразиться ею. Пребывая в этом тягостном состоянии, я замкнулся в себе. В доме у нас было неприветливо. Никто не хотел первым нарушить гнетущее молчание.

Но однажды утром мать, согбенная и иссохшая, безмолвно выпустила скот, затем высыпала из мешка муку в казан, замесила тесто и, пробурчав под нос что-то невнятное, вышла, шумно хлопнув дверью. Прошло немного времени. Вдруг, запыхавшись, вбежала мать и затараторила: «Чтоб ослепнуть мне! За одним горем навалилось другое несчастье!.. Арестовали наших односельчан — дядюшку Амарику, дядю Мамо и Ныго!.. Говорят, как и твоего отца, их повели в Дотах, и одному богу известно, выпустят их или нет...»

От сознания, что беда постигла не только ее, она немного смягчилась и ласково, по-матерински обратилась ко мне:

«Сынок, пока я напеку хлеба, ты соберись в дорогу. С другими вместе отнесешь еду для отца. Вставай, сынок, не время сейчас нюни распускать.— И, повернувшись к Хазал, она так же мягко сказала ей: — А тебе, доченька, хватит убиваться. Поешь чего-нибудь, а то за все эти дни и маковой росинки в рот не брала. Видать, нам выпала такая доля! Да возложим наши упования на всевышнего!..»

И хоть горькую весть принесла она, но одно то, что мать заговорила с нами, утешило нас. Мы с Хазал воспряли духом.

Пока я собирался, мать занималась стряпней. Наспех поев, я взял узел, в котором была еда для отца, попрощался и собирался уже выйти, чтобы присоединиться к остальным односельчанам, как вдруг Хазал вскрикнула и бросилась мне на шею.

«Да ты понимаешь, несчастная голова, с кем хочешь пуститься в дорогу?» — выпалила она и посмотрела на мать.

Ее вопрос молнией сразил мать, совершенно упустившей из виду, что поступок Хазал, отвергнувшей сына Амарику Полата — Али, мог бы стать причиной ссоры в пути. Родственники Амарики конечно же не упустили бы возможности свести со мной счеты. Опомнившись, мать метнулась ко мне и запричитала:

«Ой, голова моя дурная! Да что ж это я, своими руками чуть было не сгубила сына. Чтоб ослепнуть мне!..» И с этими словами на устах она выхватила узел из моих рук.

«Да что ты в самом деле?! Ничего не случится. И потом, что скажут люди? Ведь засмеют меня, мать. стыдно, опомнись!» — Я пытался вырвать узел из ее рук.

«Нет, сыночек мой родной Да буду я жертвой за тебя, послушайся своей старой матери. Ведь недаром говорят: береженого бог бережет. Не пушу! С ними пойду я! — решительно сказала мать. — Уж меня они не посмеют тронуть».

«Да где ж это слыхано, чтобы женщина пускалась в дорогу на ночь глядя? Это при живом и невредимом сыне!» — меня терзал стыд.

Мать как-то странно посмотрела на меня, с минуту помолчала, а потом сказала:

«Подожди меня, я скоро вернусь» — и вышла куда-то.

Я и Хазал опешили. Уставившись друг на друга, молча ждали возвращения матери. Вскоре она вернулась. На лице ее была улыбка, и впервые за все это время она подошла к Хазал и поцеловала ее.

«Да будь я жертвой за тебя, умница моя! — приговаривала она, целуя Хазал. — Ведь вовремя вспомнила, а то не миновать нам беды. И так господь свалил на нас целый короб несчастий...»

Потом она обратилась ко мне:

«А тебя пусть не гнетет стыд. Этой ночью никто не уедет из деревни. Уговорила всех переждать под предлогом, что поздно, мол, уже. А там утро вечера мудренее, авось что-нибудь и придумается».

Мать моя была довольна собой. Я же, чтобы не выдать своего недовольства, поднялся на плоскую крышу дома, чтобы хоть немного успокоиться. Вдруг вижу, со стороны ущелья кто-то мчит сломя голову по направлению к деревне. Чем ближе, тем явственнее стал обозначаться всадник. К тому времени уже вся деревня стояла на крышах своих домов и с беспокойством ожидала всадника. Всех занимал один и тот же вопрос: «С добрыми ли вестями скачет в деревню этот чело-век?»

Всадник вихрем влетел в деревню и погнал взмыленного скакуна к воротам дома Амарики.

«Так это слуга Хасан-аги! — воскликнул кто-то с крыши своего дома. — Ведь это Гого!»

«Слуга Хасан-аги? — не скрывая тревоги и удивления, переспросили несколько седобородых старцев. — А что ему надо? С добром ли?..»

И люди, спускаясь с плоских крыш домов, медленно потянулись к дому Амарики, словно сейчас там состоится состязание народных песнопевцев. Потом из дома Амарики вышел староста деревни и велел позвать близких родственников всех арестованных.

Туда пошел также и мой покойный дядя, брат моего отца, Шаво. Люди не знали, о чем внутри дома шел разговор, строили разные догадки и загадочно смотрели друг другу в глаза. И только поздно вечером Гого вышел из дома, учтиво попрощался с собравшимися и, вскочив в седло своего коня, помчался в ту сторону, откуда появился.

Вслед за ним из дома Амарика вышли и остальные. Лица у всех были мрачные и озабоченные. Не глядя на собравшуюся толпу односельчан, понуриив головы, они разошлись по домам. Мы не могли понять столь внезапного появления и исчезновения Гопо, но отлично знали, что Хасан-ага так просто не пришлет своего гонца. Так мы и разбрелись по домам.

В тот же вечер к нам пришел мой дядя Шаво. Он отозвал мою мать в сторону, почти шепотом что-то ей сказал и также быстро скрылся. После его ухода мать безмолвно подошла к стеру¹, выдвинула из-под него старый сундук и, оттащив его к тандыру, чтоб было светло, открыла крышку. Недолго покопавшись в сундуке, она вытащила свое кофи — девичий головной убор и одну за другой стала отрывать от него золотые монеты.

Еще несколько минут назад кофи, которое она держала в руках, представляло собой некую ценность. Теперь же выглядело общипанным куском тряпья — хоть выбрасывай. Но мать бережно сложила его, печально вздохнула и положила обратно в сундук. Пересчитав монеты, она завернула их в платок и молча направилась к двери.

«Я скоро вернусь», — тихо сказала она и скрылась за дверь.

Я и Хазал недоумевали недолго. Скоро я понял, для чего матери понадобилось золото.

«Даю голову на отсечение, если не выкуп понесли Хасан-аге за арестованных!» — скороговоркой выпалил я и взглянул на Хазал, желая узнать ее мнение.

На глазах Хазал навернулись слезы; уткнувшись лицом мне в плечо, она всхлинула. Я успокоил ее и вышел во двор.

Погасший день сменился тихим прохладным вече-ром, перед глазами вставала черная пелена ночи. Деревня угомонилась, не было больше возни и суеты. И вдруг в темноте со стороны тропинки, бегущей между нашим домом и домом дяди Шаво, до меня отчетливо донесся голос моей матери.

«Вот все, что у меня есть, Шаво, — говорила она моему дяде, — большие ни единого гроша...»

Вся моя надежда на тебя, помоги, если можешь. За тебя и сына твоего буду днем и ночью молиться... Век не забуду твоего добра».

«Ладно, не убивайся, что-нибудь придумаем, — успокоил ее дядя и добавил: — Иди к молодым, они и так переживают... Им-то зачем терзаться? Приголубь невестку, успокой, а то на ней лица нет... Ну, пора мне, надо к утру уже быть у Хасан-аги».

«Добро, — ответила мать и о чем-то напомнила ему: — Ты только не забудь ему насчет их намерений рассказать. Скажи, что отомстить хотят моему сыну... Короче, сам знаешь, что говорить...»

«Хорошо», — сказал дядя Шаво и направился к себе.

Я бесшумно юркнул в дом и как ни в чем не бывало уселся возле медленно томившегося тандура, от которого еще исходила приятная теплота.

Боль и стыд душили меня, терзая мое опустошенное сердце. В эту минуту дверь тихо скрипнула, и на пороге появилась мать. Переводя взгляд с меня на Хазал, подавив в себе тревогу, она с наигранной веселостью проговорила:

«О боже! Чтоб ослепнуть мне, Совсем про вас забыла! Наверное, и не ужинали до сих пор! Сами-то не сообразили? Я сейчас, мигом соберу на стол. Ишь, нюни распустили!..»

Со свойственным ей проворством она загромычала посудой и, не поднимая на нас глаза, продолжала приговаривать:

«Ничего, перемелется — мука будет. Бог милостив, доченька, — обратилась она к Хазал, — скоро твой свекор будет дома...»

Потом повернулась ко мне и добавила: «А ты, сынок, да буду я жертвой за тебя, будь остро-рожен и благоразумен. Коли увидишь, кто с тобой драку хочет затеять, не горячись, сверни с дороги... Сам знаешь, какие у нас обычаи. Будь они неладны! Как-никак Хазал была нареченной другого. А что касается разговоров о России, ты не участвуй в них, не вмешивайся ни во что, а то беды потом не оберешься...» «Что-нибудь случилось?» — перебил я ее. «Пустяки. Просто лишний раз не мешает напомнить», — уклоняясь от дальнейших вопросов, ответила мать.

Мне припомнился разговор матери и дяди о кровной мести. Моя женитьба на Хазал не давала покоя родственникам Али. Судя по всему, они ждали удобного момента, чтобы свести со мной счеты.

«Что ж, пусть будет по-твоему», — расстроено ответил я матери и, не поужинав, с тревогой на сердце отправился спать...

Старик Шавеш умолк. Склонив седую, как снежная вершина, голову на грудь, он сидел неподвижно и безучастно смотрел в пустоту; он слишком был подавлен своими воспоминаниями и несколько раз устало взмахивал левой рукой, точно отгоняя одолевавшие его мысли.

— Господи, как подумаешь, чего только на белом свете не творится! — заговорил он после долгой паузы, словно просыпаясь. — Ну, а остальное, сынок, доскажу тебе завтра...

стер — застланные ковром постельные принадлежности, почитающиеся у курдов священными.

БЕДА ЗА БЕДОЙ

— Утром следующего дня,— продолжил старик свой рассказ,— деревня гудела, как встревоженный улей. Прошел слух, что семьи Амарика, Иыго и Мамо ночью куда-то ушли и до сих пор не вернулись. Разные строили догадки по этому поводу. Одни говорили — драпанули, другие твердили — загордились. Хотя чем им было гордиться? Словом, молили люди языками, да и только. А в полночь в деревне поднялся переполох: залаяли волкодавы, послышался гул встревоженных голосов. Я вскочил с постели.

«Слышишь, мама? — позвал я ее.— Никак аскеры в деревне? Не будет нам пощады... Вставайте скорей, спасаться надо».

Мать моя не подавала голоса. Я бросился к ее постели, дотронулся до нее.

«Да что ж ты молчишь? Неужто не слышишь, что в деревне беспокойно?» — растерянно спросил я.

«Мне кажется, это вернулись наши гонцы — Али, Ныго и Бад»,— отозвалась мать.

«А ты подумала о том, что натворят турки, если узнают об этом? Ведь они только того и ждут, чтобы их сцапать».

Мать постаралась скрыть свое волнение:

«Бог даст, все образуется».

Бедняжка Хазал сидела как испуганный зверек. Возвращения Али она боялась не меньше, чем появления турок. Я прочел ее мысли. Во дворе шумно громыхнул цепью наш пес. Мы замерли. Но вроде все было спокойно. Страх сковал нам язык. Ради успокоения матери и Хазал я старался выглядеть хладнокровным. Но, видимо, мне это не удавалось, я был туча тучей.

Попытались заснуть. Да разве сон шел к нам! Я думал о том, что стычка между мной и Али неизбежна. Что же делать? Сидеть дома — значит трусом прославиться. А это смерти подобно. Выйти, принять вызов? Но ведь неизвестно, какой это может принять оборот. Вопросы эти как кость в горле застряли.

Настало утро. По глазам матери и Хазал я догадался, что они не спали всю ночь. В душе они оплакивали свою злую долю, безрадостную судьбу, но старательно скрывали от постороннего глаза горькую отраву тоски. Мать торопливо вышла из дома. Выпустила корову и сама провела ее к стаду. Это было моей обязанностью, но она опередила меня. Мне стало стыдно.

Деревня медленно просыпалась. Утренняя тишина, насыщенная испарениями земли, нарушалась то мычанием коров, то ревом ослов. Через колак — дымоход на крыше — пробивался еще холодный луч солнца, нежно ласкающий лицо. Я приступил было к завтраку, как вдруг в отверстие колака просунулась голова нашего односельчанина Кочо.

«Шавеш, а Шавеш,— окликнул он меня,— выйди-ка на минутку».

Я вскочил на ноги. Хазал пыталась преградить мне дорогу, но я оттолкнул ее и вышел... Ну, братец, что было со мной — того врагу не пожелаю! Прямо у дверей стоял Али со своими дружками Ныго и Бад. Едва я сделал шаг, они набросились на меня, словно матерые волки на отбившуюся от стада овцу, подмяли меня под себя и давай с остервенением лупить.

Очнулся я уже в постели, в ссадинах и синяках — все тело ныло от боли. Кто-то из соседей стоял у моего изголовья, охая и ахая, посылал проклятия в адрес Амарика и его сына. Хазал ни жива ни мертва сидела в углу и тихо всхлипывала. Одна только мать не плакала, не взывала к богу и не рвала на себе волосы. Она улыбалась мне, поглаживая мои волосы.

«Слава богу, сынок, хорошо, что еще так легко отделался,— сказала она,— чтоб боль твоя перешла мне, сынок».

Соседи разошлись по домам. Мать и Хазал занялись хозяйством. Вдруг открывается дверь, и входит двоюродный брат моего врага Али — Тамо.

«Собирайтесь, кони готовы»,— коротко сказал он и торопливо вышел.

«Что все это, значит? — спросил я у матери и почувствовал, как кровь ударила мне в голову при виде родственника этого негодяя Али.— Ты что же, якшаешься с людьми этого собачьего выродка?!»

«Вставай, сынок, ехать надо,— не ответила на мой вопрос мать.— Существуют власти, чтобы с ними расправиться, а я уж постараюсь изрядно им насолить».

Надев на меня одежду, в которой меня били, с пятнами крови, местами разорванную, мать и Хазал помогли мне взобраться на коня.

На душе у меня было тяжело. Жгла досада, что я не смог собственноручно отомстить своему врагу и вот теперь еду, чтобы, как баба, пожаловаться властям на него. Вместе с тем было странно, что никто из соседей не пытался остановить нас, отговорить от этой не очень красящей нас поездки. Напротив, все как один поощряли эту затею.

Еще больше меня удивило то, что этот мерзавец Бад, который чуть было меня не убил, цепляясь за седло моей матери, с умоляющим видом что-то ей шептал. А она в знак согласия кивала головой. «С ума спятила старуха,— со злостью подумал я,— он чуть было меня не отправил на тот свет, а она с ним любезно шушукается!» Огненная волна боли, стыда и обиды захлестнула меня. Выхватив кинжал, я метнулся к Бад,

чтобы размозжить ему череп. Но мать моя резко повернула свою лошадь и встала между мной и им.

«Отойди, мать! — гневно закричал я.— Что-то не пойму я тебя. Ты же идешь на него с жалобой, так о чем же ты с ним секретничаешь? Если он мужчина, сын своего отца, пусть теперь выйдет со мной один на один». Мать пристально посмотрела мне в глаза и сказала:

«Перестань валять дурака. Делай то, что тебе говорят. Не хватало нам крови! Он согрешил, ты не бери грех на душу»,— и с этими словами она пришпорила своего коня. Когда мы добрались до Дотаха, день уже клонился к закату. Мы подъехали к дверям жандармского управления. Оставили коней у коновязи, подбросили им немного сена. Тут из дверей управления вышел мой дядя, который еще раньше приехал сюда с тем, чтобы договориться с вали о помиловании моего отца. Увидев мои синяки и ссадины, он всплеснул руками и воскликнул: «О горе мне! Да что ж это с ним сделали?»

Они с матерью долго о чем-то говорили. Вид у обоих был таинственный. Потом дядя подошел ко мне и Хазал и сказал:

«Вали будет допрашивать вас хитро — не робейте. Излагайте ему только суть своей жалобы и не отступайте от своих показаний. Мол, требуем расправы над эти-ми бандитами, и баста! Если будет спрашивать о другом, не по делу, вы молчите и делайте вид, будто ничего не слышали и не знаете. В последний раз говорю — лишнего ни слова. Поняли? Не то в дураках останемся...»

Не олухом же я был, сразу смекнул, к чему клонит дядя Шаво. Я посмотрел на Хазал,— мы прочли мысли друг друга.

Затем мы прошли в комнату, где восседал вали. С трубкой в зубах и с огромной саблей, болтавшейся на боку, он о чем-то беседовал с каким-то мужчиной. Заметив нас, он крикнул: «Идите сюда!»

«Покорно благодарим, паша»,— низко поклонилась ему мать.

Судя по всему, вали был в хорошем расположении духа.

«Рассказывай, как все было»,— обратился он к матери.

«Моя невестка ни в чем не виновата, паша,— начала ;мать,— она любила моего сына и поэтому не вышла замуж за Амарикова ублюдка Али. Она по своей воле переступила наш порог и стала женой моего сына».

«А Али где в это время находился?» — как бы между прочим спросил вали.

«Где ж ему быть, безбожнику? В деревне».

«Так уж и в деревне? — лукаво переспросил вали и добавил: — Ну ладно, а дальше что было?»

«А дальше было то, что этот негодяй Али и его дружки стали преследовать с того самого дня моего сына и мужа. Да кто ж виноват, что так случилось? Невестка моя сама пришла к нам в дом, чтобы не допустить кровопролития. А эти бандиты вон как моего сыночка отлупили».

«Бандиты, говоришь? А может, они к русским ходили?» — вдруг спросил вали и уставился на мать, сверля ее взглядом.

«Какие там русские! — отмахнулась мать, словно ничего и не знала.— Эти разбойники в пещере прятались, что недалеко от деревни находится, сына моего или мужа подкарауливали... Я сына ни на шаг от себя не отпускала, а когда забрали моего мужа и дома никого из мужчин больше не осталось, эти изверги воспользовались случаем. Они выманили сына во двор и до полу-смерти намяли ему бока,— сказала она, прослезившись, и указала на меня, разукрашенного синяками. — Я хочу, чтобы власти по закону ислама наказали разбойников. Чтоб впредь им не повадно было замышлять против Моего сына и семьи плохого...»

Она вопросительно взглянула на вали.

«Хорошо»,— удовлетворенно ответил вали и, как охотник, напавший на след своей жертвы, нанес на бумагу показания моей матери. А так как моя мать была неграмотной, он подвинул ей чернильницу, чтобы она обмакнула палец и приложила его к бумаге со своими показаниями.

После этого вали обратился ко мне.

Я повторил слово в слово показания матери и в конце добавил:

«Моя мать правду сказала, мы с ними теперь заклятые враги, и ничто не может нас примирить. Днем и ночью сучьи сыны рыскали вокруг деревни в ожидании подходящего случая. А когда пронюхали, что ни отца, ни дяди нет в деревне, обманом вытащили меня из дома и избili».

Я прошу только об одном, чтобы наша жалоба не осталась без внимания. А что касается ее,— я кивнул на Хазал,— она сама выбрала себе мужа, и не казнить же ее за это».

«Твой муж верно говорит?» — на этот раз вопрос вали относился к Хазал.

Она мгновенно залилась краской и, потупив очи, зашептала на ухо моей матери. Вали знал, что по курдскому обычаю молодой невестке не подобает вслух разговаривать перед посторонними.

Мать повторила вали слова Хазал:

«Она говорит, что все так и было. Она сама запятнала свое имя, пусть с нее и спрашивают, если что и не так. А семья свекра ни в чем не повинна».

«Но ведь ходят слухи, что они были в России?» — он внимательно смотрел на Хазал, стараясь уловить на ее лице малейший оттенок замешательства.

Мать снова заговорила устами Хазал:

«Да какая там еще Россия? Если б только и вправду они ушли туда и не вернулись, мерзавцы, свернув по дороге себе шеи, сейчас не стояли бы мы перед вами, а муж мой не был бы избит. Тут в комнату вошел жандарм с рыжей бородой и, обращаясь к вали по-турецки, произнес: «Джаб галымджи казох», что означало: «Пришел приказ расстрелять». Речь шла об арестованных: моем отце, Амарике и отце Бадю — Мамо.

Мать моя, услышав эти слова, чуть было не потеряла сознание, но сумела взять себя в руки. «Благодетель ты наш,— взмолилась она,— не бери грех на душу. Эти-то несчастные старики при чем?..» Слезы душили ее.

«Эх вы, езиды, езиды,— покачал головой вали,— сами себе в колодец плюете. Не пойму я вас: то ли правда вы так наивны, то ли очень хитро простачками прикидываетесь. Да ведь из вашего ж племени донесли, что эта тройка перешла русскую границу, чтобы просить этих проклятых гяуров о переходе на их землю. И твой муж с сынком, говорят, были причастны к этому делу, во всяком случае, были хорошо осведомлены об этом походе. Потому-то твой муж и сидит у нас в темнице и будет казнен вместе со всеми. А тех троих смельчаков ждет та же участь».

«Да что же это получается?» — с отчаянием спросила несчастная мать. «А то получается,— с ухмылкой ответил ей вали,— что каждый получит по заслугам. И не от меня зависит отмена приказа. Он пришел сверху, а я должен беспрекословно его выполнить. Арестованные уже осведомлены об этом».

Он говорил с таким невозмутимым видом, словно в груди у него было не сердце, а камень, обросший мхом, а в жилах текла вода, а не кровь. Мы слушали его ни живы ни мертвы. Будто кто-то вонзил в сердце кинжал и яростно крутил его там. Мать уже в душе оплакивала отца, но, взглянув на меня, она поняла, что я могу наделать глупостей, рассказав в ярости все, как было.

Поэтому мать посмотрела на меня и сказала:

«Да что это с тобой, родимый? Приди в себя, а господь милостив, не оставит он вас в беде. Мы пришли сюда просить благородного вали защитить нас, не дать в обиду. Если понадобится, я до Стамбула дойду, к самому Рашид-паше пойду. Найдется управа на этих безбожников. Не отчаивайся, голубок мой. Плохо еще знают твою мать, если думают, что она даст в обиду свою семью. Камня на камне не оставлю, а своего добьюсь».

Ее слова подействовали на меня. Ко мне вернулось самообладание.

«Когда надо, так вы прямо голубки, но небось только в сторону России и смотрите». — Вали сверлил нас всех своими маленькими злыми глазками.

«Да какая Россия, отец наш,— сладко начала свою речь моя мать.— За каким богатством нам туда идти? Благодарение всевышнему да расцветет государство ислама, все у нас есть — и хлеб, и масло, и скотина. Живем — не тужим.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Здесь родились, здесь и помрем. Об одном только молю, чтобы жалоба наша не осталась без внимания, а то эти разбойники такое еще могут набедокурить. А над стариками смилуйся, кормилец, долго ли им жить на свете? Ни в чем они не виноваты, уж поверь ты моим сединам... Не губи ты их, защитник ты наш!» Вали молчал. Вид у него был озадаченный. Потом он позвонил в колокольчик. Вошел один из жандармов. «Воды!» — приказал вали.

Жандарм вернулся с большой чашей воды. Вали жадно выпил, а остаток вылил на платок и провел им по потной шее. Я узнал платок моей матери. Как потом мне сказала мать, в этом платке были завернуты золотые, которые дядя вручил вали в качестве взятки. И когда вали достал платок, он тем самым дал понять моей матери, что «подарок» он принял — торг состоялся. Мать моя облегченно вздохнула.

«Будут еще какие-либо просьбы?» — обратился вали к моей матери.

«Да не обойдет тебя господь здоровьем, вечной тебе жизни, одна теперь у меня к тебе просьба — отпусти ты этих несчастных стариков домой. И да стану я тебе жертвой, ведь они, поди, сейчас от страха помирают. А уж разбойникам этим накажи, чтоб не трогали сына моего и невестку. Скажи им, что все их убытки и калым, который они отдали ее родителям, мы возместим. Можно и миром решить все обиды».

Тут открылась дверь, и вошел тот самый рыжий аскер. Он протянул вали какую-то бумагу. Вали долго и внимательно ее читал, а потом лъстиво посмотрел на мою мать и сказал:

«Я много раз слышал о мужестве курдской женщины, а сегодня воочию убедился в этом. Хочу сообщить тебе добрую весть: правительство ислама помиловало твоего мужа и тех двоих арестованных. Можете спокойно возвращаться домой. А этих разбойников я приказал арестовать...»

От радости мы едва не лишились дара речи.

Мать упала к ногам вали и, целуя ему руку, произнесла:

«Спасибо, государь наш! Да минет тебя горе и немилость бога!»

Мы вышли из жандармерии довольные и спокойные...

— Ты не спишь еще, сынок? — послышался голос старика Шавеша, и его седая голова показалась в дверях.

— Да, не спится. ,
— То-то я смотрю, свет у тебя горит... Дай, думаю, загляну,— прибавил старик, точно извиняясь,— вот и чай на всякий случай прихватил.
В руках у него был пузатый медный чайник, а из кармана он извлек два граненых, стакана.

Я был рад приходу Шавеша. Сон и в самом деле не шел ко мне, а его рассказы я мог слушать бесконечно.
— В ту ночь,— начал старик Шавеш без лишних слов, отпивая глоток горячего чая,— мы вернулись обратно в деревню. Нас уже было семеро — мать, отец, дядя Амарик, дядя Ныго, дядя Мамо, я и Хазал. Еще не успели пролететь первые петухи, когда мы въехали в де-рвеню. Односельчане с трепетом ждали нашего возвращения и, увидев нас, бросились нам навстречу с поздравлениями. И тут кто-то из толпы спросил:
«А где же Али, Бадо и Ныго? ..»

«Скоро их тоже отпустят. Вали сказал, что немного припугнет их, чтобы они большие не приставали к моему сыну, и отпустит... Ни свет ни заря они будут здесь»,— спокойно ответила моя мать и проехала дальше. В семьях, где совсем недавно было горе, теперь пришла радость — арестованные вернулись к своим очагам. Тотчас в тандырах запылал огонь, донесся издалека запах дыма. Женщины замесили тесто и начали печь лаваша, отдающие душистым ароматом. На рассвете благоухание свежего, пропеченного хлеба становилось все сильнее и сильнее.

Через час-другой все было закончено, и женщины, в чьи дома пришла радость, стали ходить по деревне, опуская в колак каждого дома по одной лепешке лаваша в знак того, что господь смилостивился, вселил в сердца властей доброту и справедливость и спас несчастных стариков от верной гибели.

Но радость эта оказалась недолгой. Помилованные старики по возвращении домой сразу же захворали и слегли в постель — побои не прошли бесследно.
«Не так еще захвораешь,— говорила наша соседка, пришедшая навестить моего больного отца, который стонал и бредил,— эти изверги умеют это делать... Поморят голодом, а потом начинают истязать. Будь они неладны! А в прошлом году они затаскали несчастного Асо по тюрьмам, а затем расстреляли. Родным же его сказали, мол, он сам на себя наложил руки, тронутый он у вас был...»

Потом она ласково обняла мать за плечи и сказала:
«Благодарение богу, голубушка, бейте поклоны всевышнему, в жертву принесите баранов, вернул он вам вашего кормильца. А хворь его исцелится... Но скажу откровенно, соседка, если не этот случай с твоей невесткой, не видать тебе мужа, обвинили бы в измене».
«Да, да, соседка, истинны слова твои. Да буду я жертвой за нее! — вторила ей мать.— Не приди она в дом, расстреляли бы его уж точно...»
Я присутствовал при их разговоре и в глубине души своей ликовал, что наконец мать потеплела к Хазал.

Радость только омрачалась тем, что тех троих ребят, которых вали обещал отпустить к утру, все еще не было в деревне. Женщины из их семей распустили свои злые языки, наводняя деревню всякими небылицами о нас, ругали непристойными словами и сыпали проклятия. «Вы только на эту бессовестную дрянь и на ее распутницу невестку взгляните! — бесновались они.— Подмазала вали, мужа своего освободила, а вместо него посадила наших сыновей! Думает, даром ей пройдет, пусть только хоть один волосок упадет с головы наших сыновей, она свое получит!.. Да зачухнет ваш окаянный род! Чтоб потух огонь в вашем очаге!..»

Прошел день, второй... Те трое все еще не возвращались. Односельчане постепенно стали верить сплетням и слухам, якобы моя мать, вопреки их просьбам, рассказала вали о походе тех ребят на русскую сторону и тем самым отомстила за сына. Деревня на глазах стала отворачиваться от нас. Многие открыто высказывали нам свое презрение. Мы старались реже выходить из дому и скрепя сердце глотали оскорбления и унижения. Уж не знаю, чем бы все это закончилось, если бы не Окыз Мамо. Он-то и встал на нашу защиту.

«Люди! — как-то он обратился к крестьянам.— Хватит вам ядом истекать! Что вы пристали к этим несчастным, оскверняете их честь и достоинство. Они-то при чем, что забрали ваших сыновей? Тетушка Каре, я к тебе обращаюсь,— повернулся он к матери одного из арестованных,— я клянусь богом, они не совершали греха ни против тебя, ни против других. Вы еще не знаете сути дела, а уже языками своими несете черт знает что! Расходитесь мирно по домам, к вечеру, может, и весть добрая придет».

Несмотря на молодость, Окыз Мамо был в деревне всеми уважаем и почитаем, никто не осмеливался послушаться его. Его словам верили. Своим спасением и добрым именем мы обязаны только ему. После заступничества Окыза деревня вроде угомонилась. Ждали вестей из Дотаха. Больше всех ждали их я и Хазал.
«Это я во всем виновата,— терзалась Хазал,— зачем мне жить на этом свете после этого? Мало, что себя опозорила, да еще и других сгубила. Ох, и поделом меня ругают женщины, поделом».

Наступил вечер. Встревоженные люди постепенно разошлись по домам. Деревня погрузилась в тишину. В доме у нас никто не спал. Тихие и печальные сидели мы в разных углах. Вдруг раздался стук в дверь. Хазал вздрогнула.
«Кто там?» — со страхом спросила мать.
«Открой, сестра! Скорей! — раздался возбужденный голос моего дяди Шаво.— Не бойся, это я! И Зильфо со мной».
Мать открыла дверь. Дядя Шаво со своей женой буквально ввалились в дом. Запыхавшись, дядя спросил:

«Где невестка?»

«Зачем она тебе?» — с удивлением спросила мать.

«Хасан-ага приехал в деревню. Требуется привести ее».

«Хайан-ага? — воскликнула Мать, ужасаясь.— Да что ему надо в такую ночь? Может...» — и мать прикусила язык.

«Может не может!.. Хватит болтать! — рассердился дядя.— Велел привести — и все!..»

Бедная моя мать не смела больше прекословить. Напялила на Хазал старую одежду, обмазала ей, как опозоренной, лицо сажей и подтолкнула ее к дяде. Затем с шумом захлопнула за ушедшими дверь.

Мысль о том, что ее невестку ночью вызывает муж-чина, ужасала ее. Разъяренная, она подошла к постели больного мужа.

«Что там за шум?» — спросил отец.

«На весь белый свет опозорились, отец,— сказала мать, простерла руки над головой и завопила: — За что, боже, невинных рабов своих караешь?!»

«Да что же произошло?» — с нетерпением переспросил отец.

«Хасан-ага вызвал к себе эту распутницу Хазал».

Отец сверкнул на меня глазами.

«Хорош муженек, ничего не скажешь! — процедил он сквозь зубы.— Поздравляю тебя, сын!»

Я съежился и стыдливо отвернулся. Лучше мне было умереть, чем терпеть такое.

Мать, не переставая, осыпала проклятиями мою жену. Уж не помню, сколько прошло времени, мне казалось, целая вечность, снова раздался стук в дверь. Я бросился отпирать. За дверьми стояли Хазал, мой дядя Шаво и его жена.

Мать моя, словно тигрица, ринулась к дверям.

«Убирайтесь туда, откуда явились! — завопила она.— Видеть вас не могу, бесстыжие!»

«Да ты что, разума лишилась, старая? — дядя опешил.— Мы с такой доброй вестью, а она точно с цепи сорвалась».

«Подавись ты своей вестью! Среди ночи невестку увел для улаживания старого козла, а теперь про какую-то вествь говоришь...»

Зильфо кинулась к матери, стала осыпать ее поцелуями и что-то шептать ей. Но мать оттолкнула ее.

«Хороши, ничего не скажешь! Уладили ложе аги? Доволен он вами?»

«Что она мелет, эта умалишенная? — воскликнул, недоумевающая, дядя.— Да ты хоть соображаешь, что несешь! Слов своих не бойшься, так хоть бога побойся!» — не стерпел и закричал дядя на мать.

До моей матери, видимо, наконец дошел смысл сказанных дядей слов. Она перестала браниться и бросила ему:

«Ну давай выкладывай. Я слушаю».

«На завтра назначена свадьба твоего сына и Хазал»,— дядя смотрел, какое действие произведут его слова на мать.

«Шутки шутить вздумал? Не выводите меня из терпения, Шаво».— Мать упорно не желала вникнуть в смысл дядиных слов.

«Повторяю тебе: завтра справляем свадьбу. Человеческим языком тебе сказано... Понятно?»

«Свадьбу или поминки? — ядовито ухмыльнулась мать.— Да где ж это видано, чтобы женщине, самовольно прибежавшей в дом к мужчине, играли свадьбу? Люди и так смеются над нами».

«Перестанут смеяться. Многое зависит от тебя самой. Покажи всем, что дорога и желанна тебе невестка, увидишь — будет кто-нибудь смеяться? А Хасан-ага сам благословил ее. Поцеловал ее в лоб и сказал: «Да осчастливит тебя бог, доченька».

«Он сказал доченька?» — с недоверием переспросила мать.

«Ну как тебе не стыдно? — вмешалась Зильфо.— Дожила до седых волос, а так бесчестишь человека. Ведь она тебе не чужая — жена сына».

Вдруг мать, как выпущенный из рук мяч, подпрыгнула на месте и пустилась в пляс. Затем она подскочила к дяде, чмокнула его в щеку и сказала:

«Да расскажи ты все по порядку. Как вы пришли к аге, что он вам сказал? Улади ты мой слух, родимый».

«Видал, как заговорила! — рассмеялся дядя.— Да уж так и быть, расскажу тебе все по порядку... Пришли мы, значит, к нему. Он подходит к Хазал, целует ее в лоб и говорит: «Да осчастливит тебя бог, доченька! Не будь тебя, в тот роковой час езидам пришел бы конец, не минули бы турецкого ятагана. Твой приход в дом Шавеша, твое замужество спасло всему племени жизнь».

И потому-то я велел привести тебя в дом Амарика — бывшего твоего свекра, с тем, чтобы он простил тебя при всем народе». Потом он достал из кармана рахт, несколько золотых, вложил все это ей в руку и сказал: «А это тебе свадебный подарок от меня». После него слово взял Амарик. Он тоже подозвал Хазал к себе, поцеловал и сказал: «Дочь моя, ты спасла племя от кровопролития. Передай своему свекру, пусть готовится к свадьбе». Моя мать не знала, куда деться от счастья. То плакала, то смеялась. Вместе с тем ее грызла совесть — неудобно было перед Хазал. Но, переборов в себе это чувство, она подошла к своей невестке, обняла ее и расцеловала в обе щеки.

«Да буду я жертвой за тебя, невестушка, за ум твой и доброту. Твоя нога принесла счастье в мой дом»,— говорила она, лаская Хазал.

Потом обратилась к дяде Шаво:

«А что с теми парнями — Али, Ныго и Бадю? Неужто вали не сдержал слова? В их домах горе, а мы готовимся к свадьбе...»

Р а х т — женское нагрудное украшение из серебра.

«Хасан-ага уже отблагодарил вали», — перебил ее дядя Шаво, дав понять, что вали уже получил взятку. «Значит, их отпустят?» — ликующе воскликнула она. «Да».

«Раз так, — чуть ли не пускаясь в пляс от радости, воскликнула мать, — завтра жё играем свадьбу моего Шавеша! Братец ты родной мой, Шаво, — бросилась она к дяде, осыпая его поцелуями, — за добрую весть с меня подарок тебе причитается... Только не говори «нет», во имя твоих сыновей и дочерей прошу тебя!»

И, несмотря на то что дядя Шаво долго отпирался от подарка, моя мать все же сумела уломать его и отобрала из нашего стада двух отменных баранов... Час уже был поздний. К моему удовольствию, старик Шавеш не поглядывал на часы и не думал желать мне спокойной ночи, только говорил и говорил. — Да, — вздохнул он, продолжая, — в ту ночь мы не знали, куда себя деть от радости, так и не сомкнули глаз.

Наконец начал заниматься день. Солнце медленно стало выкатываться из-за гор, принимаясь за свою каждодневную работу. Дверь нашего дома ежеминутно хлопала, то впуская, то выпуская соседей. Все были в веселом настроении, с радостным блеском в глазах носились по двору с домашней утварью. Вся суета в доме говорила о приготовлениях к свадьбе.

Мать замесила тесто для лаваша, примерно на сто — двести человек, не шутка сказать — ведь к свадьбе готовились. Закончив месить, она подозвала соседского парнишку и велела отобрать из стада самых жирных курдючных овец и двух кудлатых комолых баранов. А другого парнишку она послала в соседнюю деревушку Дерик за музыкантами.

Вчерашний слух об освобождении тех троих ребят молниеносно облетел всю деревню, и теперь односельчане, которые еще вчера молили языком черт знает что, отзывались о Хазал самыми лестными словами. Но по тому, как они частенько поглядывали на дорогу, откуда должны были появиться арестованные юноши, было видно, что беспокойство и сомнения не покидали их. «А если их не выпустят? Что тогда?..» — изредка спрашивали они друг друга.

Но больше всех в тягостном ожидании томилась мы: ведь, по обычаю, мы не имели права забить в свадебный барабан, если в доме кого-нибудь из односельчан было горе. Но все обошлось хорошо. И не успел остыть жир, растопленный для свадебного плова, как трое арестованных прибыли в деревню. Что тут началось! Деревня загудела от топота пляшущих, от радостных возгласов, от нескончаемых приветствий.

Люди побросали все свои дела и выскочили на улицу. И тут по знаку отца дафчи ударил в свой барабан. Призывная дробь грохочущего барабана собрала во дворе моего отца веселую толпу народа. Все шли к нам — женщины и мужчины, старики и дети. До позднего вечера в нашем дворе не умолкали зурна и барабан, не кончались поздравления и добрые пожелания жениху и невесте. Вот таким-то образом, с благословения Хасан-аги, я и Хазал соединил свои судьбы...

Но спустя несколько дней после нашей свадьбы в деревню пришло несчастье. Как-то глядим, в деревне объявился один из пастухов предводителя курдов мусульман Мустафа-бека и, никуда не сворачивая, направился прямо к дому Амарика. Никто не придавал его появлению особого значения, потому что пастухи часто, оставляя стада под присмотром подпасков, спускались в деревни за продовольствием. Но оказалось, пастух этот пришел с недоброй вестью. Вот что он сообщил Амарикю.

Амарик, — сказал он, — вы тут сидите у себя в домах и в ус не дуете, а весь род Серхуна, продавшийся туркам, во главе с Мустафа-беком собирает людей, чтобы напасть на вас. Да отсохнет мой язык за такую весть. Я по обыкновению возился со своими овцами, когда, гляжу, бежит моя невестка. Она прибирает в доме Мустафа-бека. Прибежала вся в поту, запыхавшись, и говорит: «Беги к Амарикю, передай ему, что если он даже бреет голову и взбивает мыльную пену, то пусть торопится!»

Род Серхуна набирает своих головорезов, чтобы стереть с лица земли езидские деревни, первым делом хочет двинуться на Севик!..» Она рассказала мне, что сама слышала, как Мустафа-бек бесновался: «Видите ли, не нравится им ислам, решили к нечестивцам драпануть! Я им живо вправлю мозги, камня на камне не оставлю от их деревень!» А их одноглазый мулла подливал масло в огонь. «Бейте нечестивых, правоверные! — пищал он. — Никого не жалейте! Аллах не сочтет это за грех...»

Сообщив эту тревожную весть, пастух попрощался с Амариком и так же незаметно исчез, как появился. Вот так-то, брат, — грустно вздохнул старик Шавеш. — Курд восстал против курда. Курд мусульманин из некогда славного рода Серхуна шел с оружием в руках, чтобы пролить нашу кровь.

Деревня заколыхалась, задвигалась, как огромный удав. Крик бедствия, подобно могучему горному ветру, пронесся по разбросанным в горах езидским селениям Малашамдин, Охан, Севик, Дерик, Асмар, Сынджан... Люди, оставив свои стада под присмотром детей и женщин, спускались в деревню вооружаться. Они готовились выступить против тех, кто еще вчера считался бра-том и соплеменником, а сегодня шел на них с обнаженным мечом.

Однажды, в один из этих тревожных дней, мы заметили группу всадников, выскочивших из ущелья Пурто. Через минуту-другую за ними показались, не соврать бы, еще несколько сотен. С гиканьем, поднимая тучи пыли, они понеслись на нашу деревню. Неверие в свои силы сковало нас. Только Окыз Мамо не пал духом, он мужественно воскликнул: «Будем биться до последнего!» Он со своим отрядом готовился к атаке, чтобы клином врезаться в гущу вражеских рядов и внести сумятицу в войско врага. Но уж больно много было этих головорезов.

Казалось, весь свет обернулся против нас — приближался наш смертный час. Если в Радаване нас грабили и уничтожали аскеры Рашид-паши, то теперь наши единокровцы подняли против нас оружие. Осквернялась честь племени. Такого еще не было, чтобы в племени сипки устраивались междоусобицы. Что скажут о нас другие племена? Но не время было предаваться размышлениям. Враги вот-вот должны были вторгнуться в деревню. Крестьян охватила паника. Некоторые упали на колени и, простирая руки к небу, взмолились: «Господи, не допусти пролиться крови невинных! Заступись за рабов своих!

Не отворачивай свое лицо от нас!» Толпа стариков, женщин, детей, вооружившись мотыга-ми, лопатами, а то просто и камнями, двигалась на встречу врагу. При виде их ярость захлестнула сердца наших воинов; они затряслись от гнева, крепко стягивая удила пляшущих от нетерпения коней. Но вот от этой толпы отделилась группа женщин. В ней была и моя мать. Всего несколько шагов отделяли несчастных женщин от этих убийц, когда старухи сняли головные платки и бросили под ноги их коней. Видавшие виды воины вздрогнули. Мать моя опустилась на колени и взмолилась.

«Мустафа-бек, отцы и братья наши, если чем и оби-Дели вас,— простите! Богом молю вас, одумайтесь! Я целую землю у твоих ног, Мустафа-бек, не бери грех на душу!»
В эту минуту из-за спины Мустафа-бека выскочил на коне начальник турецкого отряда и заорал:

«Замолчи, старая каналья!» — Он огрел камчой своего скакуна и двинулся на укутанных в платки женщин. Судя по всему, слова моей матери дошли до сердца Мустафа-бека, слывшего жестоким, гнев его сменился на милость. Он резко повернулся к турецкому военачальнику и, схватив за повод его коня, остановил.

Переводя взгляд на женщин, он мягко произнес:

«Поднимайтесь, матери мои! Лучше умереть, чем видеть вас на коленях. Этот турок недостойн ваших слез», — сказал он, указывая плечью на начальника турецкого отряда, который в недоумении растерянно озирался по сторонам.— Если бы вы не пришли сюда, клянусь честью, я бы уничтожил ваши деревни, превратил бы их в вечно молчащую пустыню... Но я не из камня... Идите к себе с миром!»

Вместе с нами облегченно вздохнули и воины Муста-фа-бека, которые также понимали, что нас друг на друга натравливают турецкие власти, что уничтожают курдов руками же курдов, но пойти против этого не смели, ибо их судьбами распоряжался Мустафа-бек, находящийся у властей на службе. А слово предводителя — закон для всех! В душе благодаря всевышнего, что направил их предводителя на разумный путь, не дожидаясь приказа, часть из них повернула коней и умчалась опять в сторону ущелья Пурто.

Женщины еще продолжали стоять на коленях и от радости не знали, то ли плакать, то ли смеяться. Муста-фа-бек велел им подняться и пойти по домам.

«Да будут ваши мужчины жертвами за вас, женщины! — цветисто воскликнул он и добавил: — Передайте своим, что немного погодя Мустафа-бек явится в гости, кое о чем потолковать надо...»

С Мустафа-беком остались только его трое братьев — Караман-бек, Чачан-бек, Бинбаши-бек, мулла Расул, пришедший благословить это побоище, и начальник турецкого отряда. Остальных он отослал обратно, и через некоторое время со своей свитой, как и надо въехал в нашу деревню. Никуда не сворачивая, они (остановились у ворот Амарики. И как только они спрыгнули с коней, тотчас подскочили несколько парней, взяли у них поводья и повели коней в конюшню. Окыз Мамо, узнав о прибытии гостей, взял с собой несколько парней и пошел по домам односельчан собирать выкуп для Мустафа-бека и его свиты. Каждый давал сколько мог. Собрав изрядную сумму, Окыз разделил ее на три части и отнес Амарику, который положил золото перед Мустафа-беком и сказал:

«Мустафа-бек, отцы наши, как и мы, были братья-ми... Ты не подумай, что мы тебя обошли или же забыли. Бог свидетель, в тот день, пока мы доехали до Дотаха к вали, пока вернулись обратно, глядим, и ночь настала. Сочли за нескромность в столь поздний час тревожить твой покой... Окажи честь, прими от нас этот небольшой подарок, не обессудь...»

Такие же свертки с золотом и серебром, но чуть поменьше, он положил перед муллой и начальником турецкого отряда.

Мустафа-бек, польщенный подарком, остался доволен. Но все же, нахмутив брови, задал Амарику вопрос,, который, как кость в горле, не давал ему покоя:

«А что, почтеннейший, о сыне своем скажешь?.. С какой целью он с дружками на русскую сторону наведывался? Не хотите ли к ним переметнуться?..»

«Клянусь своим именем, бек, сущая неправда это! — невозмутимо ответил Амарики. — Клевета! Какое дело нам

до русских и что мы у них не видели?.. Случилось все из-за нареченной моего сына, отвергла она его и Ушла к другому. А мой сын, горячая голова, собрал своих дружков, спрятался в горах, выжидая случая, чтобы отомстить своему сопернику. Но, узнав о моем аресте, спустился с гор... Да не омрачит закат твоей жизни никакое горе, мой бек, уж поверь мне, сыну Полата,— нет лжи в моих словах».

«Хорошо, пусть будет так,— вступил в разговор мулла Расул.— А почему ислам не принимаете? Или вы думаете, у вас кровь краснее нашей?.. Все равно от власти ислама и Мустафа-бека вам никуда не уйти. Одумайтесь и примите веру»,— сказал он и лукаво взглянул в глаза Мустафа-бека.

«Истинны слова твои, святейший! — вклинился в разговор молчавший до сих пор Окыз Мамо и слукавил: — И я говорю, что мы не лучше вас. Ведь род Серхуна принял ислам! Живут люди, не жалуются. Надо и нам обмозговать эту мысль...»

Окыз плутовато посмотрел на собравшихся, и по его взгляду все поняли, что он просто издевается над муллой. Потом, повернувшись опять лицом к мулле, с сожалением в глазах — мол, зря стараешься, добавил: «Мулла Расул, твой приход большая честь для нас! Мы все слуги твои! Только вот народ наш немного то-го,— Окыз постучал кулаком себе по голове,— твердолобый, уж больно упрямый... Как уселся на своего ишака — больше не сойдет...»

Думаю, напрасные это будут старания. Но вот одно я уж точно знаю! — У Окыза взгляд стал серьезный и строгий.— Не будет нам покоя... Сегодня мы чуть было не перерезали друг другу глотки, и таких дней еще много раз нам предстоит пережить. И даже если мы примем ислам, власти все равно найдут, к чему придраться. И завтра не ты, так другой мулла явится с аскерами...»
От такой неожиданной дерзости Мустафа-бек и его братья опешили и переглянулись.

Но промолчали. Мулла Расул побледнел и лихорадочно заерзал на стуле. Затем, немного успокоившись, он принялся разглядывать свой мешочек с подарком.
На этот раз слово взял начальник турецкого отряда.
«По правде говоря,— сказал он, окинув собравшихся пренебрежительным взглядом,— ни вам, ни армянам мы не доверяем. Если у вас совесть чиста, то почему же вы не принимаете ислам, самую справедливую и чистую веру на земле, а? А то ухватились за своего апыка...»

Не успел он закончить свою мысль, как на него налетел, обнажив кинжал, один из юношей, стоявший у дверей. Но, к счастью, к нему подскочил Окыз и выхватил из его рук кинжал.
«Не гневайся, братец, ведь он не знает наших законов,— спокойно сказал он храбрецу и с укором прошептал: — Хочешь, чтоб они все племя из-за твоей глупости перебили!..»

Начальник турецкого отряда в эту минуту от страха потерял дар речи. Мустафа-беку, вопреки ожиданиям, этот юноша понравился, и с улыбкой на лице он простил ему необузданность.
А Окыз Мамо, воспользовавшись подвернувшимся случаем, не упустил возможность еще раз съязвить мулле: «Вот видишь, святейший, я же говорил, что народ у нас беспокойный, упрямый... Пусть мулла простит нас, но мы еще подумаем о вере ислама и сами дадим вам знать».

Потом, поклонившись Мустафа-беку, сказал:
«Поскольку у нас пока нет предводителя, пусть один из беков останется у нас и станет нашим вождем... Это поможет уговорить народ перейти в лучшую из вер. Да и резни между нами больше не будет...»
«А кого из беков вы бы желали избрать своим предводителем?» — стараясь выдать улыбку, спросил начальник турецкого отряда.
«Пусть решает Мустафа-бек, мы перед ним слуги»,— опять слукавил Окыз и поклонился самодовольному беку.

«Добро! Я подумаю,— поддался на лесть Мустафа-бек и встал.— Я пришлю вам весточку».
Мустафа-бек в сопровождении своей свиты направился к выходу. И тут кто-то по неосторожности бросил: «Вах!.. Так и уйдете, не поужинав?..»
«Растяпа! — одернул его другой.— Они же брезгают нашей едой».
Мустафа-бек свирепо взглянул на «растяпу» и, ничего не сказав, вышел из дома. В комнате, где минуту назад гудели голоса, воцарилась тишина. Люди оцепенели, словно их с головы до ног обдали холодной водой. С улицы донесся топот удаляющихся коней...

А п ы к — сатана. Его имя, по вероучению курдов-езидов, не Дозволено произносить вслух, потому что езиды, в отличие от других народов, не ругают сатану как носителя зла, чтобы он в свою очередь не причинял им самим зло,

ПРАЗДНИК ХРДНАВИ

Однажды отец мой и несколько наших родственников отправились в дом Амарика Полата просить прощения за оскорбление, нанесенное их чести Хазал. Таков был обычай. Мир был заключен объятиями и клятвой, что отныне ни одна из сторон не будет таить зла против другой. Потом все вместе отправились к отцу Хазал с просьбой простить дочь и забыть обиды.

Только после этого в нашей семье воцарились мир и покой. Внешне мир царил и в деревне. Казалось, все уgomонились и занялись своими повседневными крестьянскими заботами. Да только спокойствие это было обманчивым. Деревня наша жила тайной, скрытой от постороннего глаза, жизнью.

Те трое гонцов, что были в Тифлисе, после возвращения почти ни с кем не общались, а па вопросы таинственно отмалчивались. Но глаза их горели и говорили о другом. Мамо и Ныго изредка навевывались в дом Амарика и часами засиживались там. На эти сходки также приходили старейшины и главы родов из соседних езидских деревень. А когда звезды начинали блекнуть на небесах, отправлялись обратно. О чем они беседовали — никто не ведал.

В эти дни пучеглазый Аслан Такури чувствовал себя не в своей тарелке, сгорая от любопытства. Жену и дочерей он отправлял к соседкам, а сам, как хитрый лис, бродил вокруг дома Амарика, стараясь никому не попадаться на глаза. Иногда он как бы случайно заводил разговор с кем-нибудь из мужчин о том, что делалось в доме Амарика. Но, зная его продажную натуру, люди оставляли его вопросы без внимания. Наконец он так всем надоел своей назойливостью, что люди стали избегать его словно зачумленного. Даже его двоюродные братья Ахмо и Сабри отвернулись от него, стараясь не встречаться с ним. Это еще больше озлобило его.

Был канун Нового года. Мать и Хазал наготовили разной вкусной еды для праздничного стола. Разослали приглашения соседям. А в новогоднее утро отец сам отправился к роднику за водой. Притащив два ведра воды, он побрызгал нас, чтобы в новом году несчастья и беды обошли наш дом, затем освятил скот, дабы уберечь его от дурного глаза и болезней.

Вернувшись в комнату, он опустился на колени перед стером, поднял руки над головой и воздал молитву, чтобы господь бог одарил своими милостями сначала все народы мира, а уж потом вспомнил и о нашем многострадальном народе.

Мы сели за праздничный стол. На душе у всех было весело. События последних месяцев так потрясли всех нас, что сейчас, в это радостное утро первого дня Нового года, мы особенно остро ощущали, как истосковались по миру и тишине.

Между тем зима окончательно вступила в свои права, навалив на деревню горы снега. Приближался праздник Хрднави — самый почитаемый из религиозных наших праздников. Вся деревня готовилась к большому посту. Люди хотели как можно веселее и торжественнее отметить этот праздник. Резали баранов, делали халву, пекли гату.

Женщины мыли и чистили дома. За день до праздника все, от мала до велика, искупались. А в День Хрднави веселье, нарядно одетые люди ходили из дома в дом, поздравляя соседей и желая им всех благ. Двери домов были открыты, во дворах толпились люди, молодежь устраивала хороводы, пела, веселилась, танцевала. Деревня отмечала праздник Хрднави! Дети бегали по улицам и пели песенку.

По горам, по долам,
По лугам, по полям,
На крылатом скакуне
Скачет мудрый Хрднави
Да с булавой на плече.
Он объездит все кругом
И заглянет в каждый дом.

Мать моя говорила, что Хрднави пролетает на своем скакуне над крышами домов, благословляя каждый очаг. Конь его ступает копытом в корыто с мукой, оставленное хозяйкой, а наутро люди находят следы скакуна — знак того, что Хрднави не обошел этот дом. Имитируя этот обычай, женщины разрисовывали стены и потолок изображениями солнца и подков.

Вечером, когда в домах зажглись огни, забушевала пурга; вдруг псы подняли такой лай, что мы не на шутку встревожились. Мы все выбежали во двор. Сквозь собачий лай и вой ветра остро прорезался зовущий на помощь крик. Одевшись потеплее, мужчины бросились на голос. Ветер валил с ног, мороз леденил лицо. Наконец мы добрались до того несчастного, который кричал.

Это оказался Джамал, сын Араба из села Охан. Выбившись из сил, полз он по сугробам и, еле поднимая голову, издавал какие-то хриплые крики. Мы бросились к нему, подняли его и укутали в бурку, -которую кто-то соорудил прихватить с собой. Когда бедняга чуть отогрелся и пришел в себя, мы спросили: «Ты с ума спятил — в такую пургу в дорогу пускаться!.. Что случилось?» «Это из-за них, проклятых!» — щелкал он зубами.

Мы не поняли, о ком он говорит. Но он добавил:

«Хасан-ага, его слуги и пятеро аскеров застряли на поляне Чокад... Надо их спасать. Они послали меня вперед за помощью. Торопитесь, а то они или замерзнут, или станут добычей волков...»

«А куда они в такую непогоду путь держали?» — спросил один из нас.

«В вашу деревню, — ответил он, — Хасан-ага будет жить у вас... Торопитесь, а то не снести мне головы...» «У нас? — удивились мы. — Зачем?..» Но Джамал ничего не ответил и только пожал плечами.

Метель разыгралась с большей яростью, осыпая нас с головы до ног снегом. Оставив с Джамалом одного из парней, мы поспешили к поляне Чокад. Мы знали, что если не спасем Хасан-агу и аскеров, то турки умышленно обвинят нас в их гибели и опять с огнем и мечом двинутся на наши земли. Но что могло заставить Хасан-агу в снег и пургу отправиться в дорогу? Эта мысль тревожила нас и не давала покоя...

Появление Хасан-аги насторожило деревню. Находились такие, которые открыто высказывали свое недовольство. Даже ребенку было ясно, что ни власти, ни род Серхуна не верят нам и упорно хотят обратить нас в мусульман. А то зачем надо было Хасан-аге, мусульманину, тащиться в такую даль, да еще в пургу.

В тот же день Хасан-ага отправил гонцов, чтобы привели его жену и детей, а сам поселился в доме Мамо, отца Окыза.

Прошли недели. Турецкие аскеры давно уже вернулись в свои лагеря. Перед уходом они объявили, что отныне Хасан-ага будет нашим предводителем.

Прошло какое-то время, и в деревне постепенно привыкли к его присутствию.

Веселым гулким дождем обрушилась на землю весна. Солнце золотистыми перекатами лучей играло на каменистых склонах гор. Реки, наполнившись тяжелыми снежными водами, горными ручьями, неукротимо клочкотали, подмывая берега, и зеркально светившись, отражая ослепительный блеск солнца. Да, дни настали необычайно прекрасные!

Но в деревне не замечалось прежней суеты, того радения, которое выгоняло крестьян на улицы чинить инвентарь или сменить колесо арбы. Смолкли голоса, потухла надежда, вспыхнувшая ярким пламенем в сердцах людей после возвращения гонцов из Тифлиса. А присутствие Хасан-аги лишний раз подчеркнуло всю безнадежность нашего положения. Приходилось отказаться от мысли перейти на русскую сторону. Люди замкнулись.

Но когда наступило время пахоты, односельчане были поражены, что поля Окыза Мамо, Ныго, Мамо и Амарика Полата вспаханы лишь наполовину. «Вот тебе и новости!» — переглядывались они и бросали обрабатывать свои участки.

Подоспела пора кочевья. Если раньше люди, отправляясь в кочевье, гнали свою баранту в разные стороны, то теперь почему-то все держались одного направления — Сорокародниковой горы. Кто-то шепнул об этом роду Серхуна. От них тут же прискакал гонец к Хасан-аге, чтобы выяснить причину столь странного поведения езидов.

Надо отдать должное Окызу Мамо, и на сей раз он заступился за оробевших односельчан.

«Да что вы пристали к нам? — кричал он гонцу Мустафа-бека. — И так мы богом забыты да еще вы глумитесь над нами! Не щадя сил, стараемся угодить вам. Сам Хасан-ага скажет, что мы честно и вовремя платим налоги...»

На следующий день все племя длинной вереницей потянулось к благоухающей травами Сорокародниковой горе. Не земля, а райский уголок! Щебет птиц, чистое, бирюзовое, без единого облачка небо над головой; звенящие родники невольно приводят человека в трепетное изумление. И надо было видеть молодых удалцов, лихо покачивающихся в седлах; тонких, как чинара, прекрасных девушек.

Многие прямо здесь справляли свадьбы своих сыновей и дочерей. Воздух раскалывался от глухого гудения барабана и звуков певучей зурны, на шампурах шипели шашлыки, испуская ароматный запах, на кострах громоздились огромные котлы с — зерно к зерну — рассыпчатым рисом... Иной раз лежишь себе на траве, запрокинув руки за голову, любишь нежно-зелеными просторами и изредка бросаешь взгляд на безмятежно пасущихся овец — как бы не забрели к краю пропасти.

А вечерами, слышишь, доносятся откуда-то рядом приятные напевы пастушьей свирели, и лишь в эти минуты, зачарованные мечтами, люди забывали о превратностях судьбы, о горькой доле бедняка, угнетаемого беками и турецкими властями...

Эх, дни-денечки молодые, птичкой вспорхнули и пролетели, — старик Шавеш горестно вздохнул и замолчал.

Этот вздох старика, полный сожаления и тоски, заставил меня вспомнить азербайджанскую пословицу: Роза завяла, улетел соловей — теперь хоть смейся, хоть слезы лей...

— Вот так и проходили дни на кочевье, — продолжал старик Шавеш. — Успокоенный внешней безмятежностью езидов, Мустафа-бек перестал засылать гонцов.

Только иногда, раз в месяц, приходили его слуги собирать подать: масло, сыр, шерсть, мясо.

Осень подкралась как-то незаметно, и надо было опять спускаться в деревню. Люди стали постепенно собираться, укладывать вещи, и в один прекрасный день прошел слух, что в среду надо уже быть в сборе.

Курды-мусульмане, стойбище которых располагалось в нескольких верстах от нашего, узнав, что мы хотим спуститься в деревню в среду, также стали готовиться к отправке.

В ночь на среду Окыз Мамо вдруг заметил подозрительные тени возле шатра Хасан-аги. Сердцем он почуял недоброе. Недолго думая он метнулся в их сторону. Окыз подоспел именно в тот момент, когда несколько юношей из нашей общины ворвались в шатер и хотели уже перерезать всю семью Хасан-аги. От неожиданного появления Окыза юноши оторопели. Окыз сверкнул на них глазами и велел выйти из шатра. Он был в гневе. «Чтоб обвалилась крыша их домов! Совсем потеряли разум!— начал успокаивать он напуганных до смерти Хасан-агу, жену его и детей.— Их подучили, собачьих детей! С ними у меня разговор будет особый, пусть не думают, паршивцы, что так легко отделались!.. Успокойся, ага, пока я жив, ни один волосок не упадет с твоей головы».

В порыве благодарности Паришан, жена Хасан-аги, бросилась целовать руки Окызу. В тот же вечер отправили гонцов по всем общинам созывать совет старейшин. Когда все были в сборе, Хасан-ага, не пришедший в себя еще окончательно после того случая, взял слово: «Почтеннейшие братья! Да убьет всевышний бесовское семя в тех, чьи кривые языки дудят в дуду, будто я стараюсь отстранить ваших людей от предводительства, чтобы стать вашим беком! Не будем лукавить и кривить душой, уважаемые! Вы и без меня помните, что вашим парням не миновать бы виселицы, если б я не пошел к вали, не замаял тифлисское дело. Не малые деньги отдал я тогда вали. Подтвердил ваши слова, будто ребята скрылись из деревни, чтобы отомстить семье Шавеша...»

«Помним, ага»,— согласились Собравшиеся. «А меня, любезнейшие,— продолжал Хасан-ага, голос его дрожал,— не обведешь вокруг пальца. Уж я-то точно знаю, что они были в Тифлисе. Но что там говорить, ведь я понимаю, что не от хорошей жизни хотите перебежать на сторону русских. Беда нашего народа в том, что мы разделены верой. Беки между собой враждуют, власти дерут с крестьян три шкуры, а муллы, считающие себя духовными отцами народа, именем аллаха благословляют насилие и грабеж, натравливают нас друг на друга.

Вы думаете, я не догадываюсь, что вы замышляете прямо с кочевья двинуться к русской границе? Да только закрывал я на все это глаза. И в благодарность за все вы заслали ко мне убийц. Где же она, ваша хваленая езидская благодородность?..» Тут встал Окыз.

«Ага, мы целуем землю у твоих ног! — цветисто начал он.— Прости обидчиков своих. Ведь не все знают о твоих благодеяниях. Они согрешили перед тобой. Да, ты прав, мы хотим перекочевать на землю русских. Давай и ты с нами со своей семьей. Сейчас не время старое ворошить, лучше посоветуй, как нам сделать, чтобы и шампур не расплавился, и шашлык не подгорел».

«Друзья и соплеменники мои,— сказал Хасан-ага, осматриваясь по сторонам,— польщен вашим предложением, но мне с вами не по пути. Сегодняшний поступок ваших молодцов кое-чему меня научил. Но одно вам обещаю твердо — мешать не стану. Идите с богом! А если хотите не вызвать подозрение, разожгите костер, создайте видимость, что вы все еще здесь. Бесшумно, без суеты, грузите ваше хозяйство на коней и трогайтесь с богом. Ночь на руку вам.

А чтобы не возникли у вас сомнения относительно моей честности, завяжите мне и моим домочадцам руки и ноги. Да и власти поверят, что все так и было, что вы совершили надо мной насилие». «Мы согласны,— вставил один из старцев,— но только завяжем руки и ноги твоим домочадцам, а тебя возьмем с собой до границы. А уж там решай сам: хочешь — оставайся нашим предводителем, а не хочешь, не бойся, ага, все будет честь честью — отпустим мы тебя». Другого выхода у Хасан-аги не было.

Он понимал, что спорить бесполезно, и поэтому согласился на это условие.

Совет старейшин, в свою очередь, одобрил предложение старика. Все разошлись по своим общинам собираться в дорогу.

Заполыхали костры. Люди ходили вокруг своих шатров, собирая домашнюю утварь. Детей и стариков усадили в арбы. В хурджины затолкали вещи, перемешали скот в одно стадо, навьючили быков и коней оставшейся поклажей и без промедления двинулись в путь.

Ночной покой нарушался лишь скрипом колес, тихим топотом копыт. Да изредка доносился плач ребенка, которого мать тут же успокаивала. В темноте больно натыкались на камни, падали в рытвины, но шли, шли вперед, гонимые страхом перед жестокостью турок и подхлестываемые надеждой на спасение, на удачу.

Утренняя заря на востоке откинула свой полог, и сквозь голубоватую дымку стали вырисовываться очертания гор, когда достигли лугов Харо. Здесь протекал ручей, несший с вершин гор живительную прохладу. Люди умылись, утолили жажду, напоили коней. Затем поклонились на все четыре стороны света и хотели уже продолжать путь, как вдруг заметили группу всадников, во весь опор мчавшихся в нашу сторону. Это были аскеры и головорезы Мустафа-бека. Все застыли в тревожном оцепенении.

Хасан-ага, положение которого было вдвойне незавидно, посоветовал старикам, женщинам и детям продолжать путь. Мужчины приготовились принять бой. И как только аскеры приблизились, загремели винтовки. Началась схватка. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Но тут, на беду нашу, кончились патроны. Лишь немногие еще время от времени отстреливались.

Успокаивало только то, что караван со стариками, женщинами и детьми скрылся к тому времени за горизонт. Что касается нас, то положение наше с каждой минутой становилось все хуже и хуже. Что делать? И тут вдруг раздался мужественный голос Амарика, обращенный к противнику:

«Эй, послушайте! Я вижу, среди вас много курдов.

Так знайте, что ваш Хасан-ага в наших руках. И если хоть одна пуля пролетит в нашу сторону, от него останутся одни уши. Давайте лучше миром решим наш бой. Мы сейчас пошлем гонцов за караваном и возвратимся обратно. Только не допускайте кровопролития, все равно ваша взяла». На той стороне, кажется, клюнули. Мы же отлично Шонимали, что Амарик пошел на хитрость. Он просто тянул время, чтобы дать каравану возможность перейти границу, которая находилась уже не так далеко.

Наступила временная тишина. Гонцы наши не возвращались, и турки поняли, что их обманули. Обнажив кинжалы, они с диким гиканьем ринулись на нас. Мы были готовы биться до последнего вдоха. Но тут случилось невероятное, одинаково ошарашившее как турок, так и нас. Отряд хорошо вооруженных всадников выскочил из-за нашей спины и ударил по врагам. Не ожидавшие такого поворота событий, турки бросились в бегство.

Нашими спасителями оказались воины племени асыни и русские солдаты, вот уже несколько дней поджидавшие нас на границе. Радости нашей не было предела. Благодарность наша была огромна. На той стороне границы мы увидели наш караван, мирно отдыхающий вокруг дымящихся костров. Мы рухнули на колени, ударились челом о землю и воздали хвалу богу, что сбылась наша мечта...

Гата — лепешка.

НА КАРССКОЙ ЗЕМЛЕ

Темнело. Вечернее солнце еще освещало верхушки деревьев и горы, а в деревне плыл сумрак, и в этом сумраке старик Шавеш продолжил свой рассказ:

— Первый раз за долгие годы мы спали спокойно. На рассвете все, от мала до велика, встали на колени, приветствуя день грядущий. Воздав молитву семи спасителям шейха Ади, поблагодарили господ бога, что наконец-то удалось живыми и невредимыми перейти границу. Мы разбили шатры. Каждая семья пригнала барана для жертвоприношения.

С окрестных деревень шли к нам люди с поздравлениями. Все были нам искренне рады. Так бывает рад брат брату, отец сыну.

Вечером нас навестил пристав из Какызмана. Он прошелся между шатрами, оглядел все и вся, потом собрал мужчин и сказал:

«Поздравляю вас с благополучным прибытием на нашу землю. Русские власти на три года освобождают вас от налогов и податей. До весны вас расселят в деревнях Карсской области. А затем мы определим для вас местность, где и будете жить».

После него со словами благодарности выступил Амарик:

«Люди! Братья мои! Сегодня над нами засияло солнце. Мы благодарим русские власти за руку помощи, протянутую нам. И я хочу заверить их, что сумеем оправдать доверие властей».

Местные жители приютили у себя по одной семье беженцев. Жизнь мало-помалу входила в свою колею. Мы начали привыкать к новым местам, к новым порядкам.

Как-то зимой, между праздниками Хач и Хрднави, когда на улице свирепствовала метель, в дом к нам (а жили мы тогда у местного жителя Шазсие Сло) ввалился незнакомый юноша из соседней деревни. Он с трудом передвигал ноги, заиндевелые усы его торчали в беспорядке, словно иглы, руки и лицо посинели от мороза... Еле привели его в чувство.

«Бедовая ты голова! Ну что тебе в такую погоду дома не сидится? Или случилось что-нибудь?» — спросил с сочувствием мой отец.

«Ой, и не говори, дядюшка, все разом напало на нашу деревню — и добро и зло», — ответил юноша.

«Как понимать-то тебя?»

«Обожди, дядюшка, расскажу все... дай только оттаять... — И он усердно начал тереть себе руки, уши, щеки. — Из Гогармаса я, наверное, слышал. А принадлежит эта деревня Мурад-аге. Совсем замучил нас, кровопивец. Мало ему, что вся деревня одаривает его маслом, сыром, шерстью, мясом — теперь подавай ему еще деньги. Пять тысяч требует, паук! Таких денег и сроду-то мы не видывали. Бросились ему в ноги, умоляем пожалеть нас, бедняков, — но куда там! И решили мы тогда всей деревней подать на него жалобу. Пришли в диванхану.

И говорим: так, мол, и так. И знаешь, что нам ответили? «А у вас есть документ, подтверждающий, что вы дали ему в таком-то году столько-то коров, овец, муки?» Боже милостивый, говорим, какие еще документы? Мы народ неграмотный, верим друг другу на слово. Ну, а там давай смеяться над нами. Но не это самое страшное. Отдайте, говорят, ему деньги, которые он требует, а то худо вам придется. Видал, где она — справедливость! Проведал о нашей жалобе сам Мурад-ага и пошел нас тираниить пуще прежнего.

Подкупил двоих крестьян, повел их с собой в канцелярию и, конечно, в два счета доказал, что мы должны ему пять тысяч. Составили протокол, скрепили печатью, а вместо пяти тысяч написали семь. Потом в деревню

явился пристав с казаками. Опечатали сургучом мешки с мукой и пригрозили: если откроем, не миновать Сибири. Прошло два-три дня. Тут детишки завывали от голода. Сердце мое кровью обливалось, и, как говорится, нож на кость напоролся. Рванулся я к мешкам, сломал печать и давай выгребать муку.

Жена моя плачет, трясется от страха. И тут, откуда ни возьмись, казак. Набросился на меня сукин сын — и нагайкой... Потом погнал в участок. А там, гляжу, уже сидят многие из наших односельчан. И их голод припер. Словом, намяли нам бока и посадили под замок. А вче-ра выпустили под расписку до суда.

«Что же теперь, несчастный, делать будешь?» — спросила моя мать.

И тут парень разрыдался. Бросился на колени перед отцом моим и взмолился:

«Жизнь моих сирот в ваших руках... Нет у меня никого, родимые. Я знаю, и вам не сладко живется, но детишки мои малые погибнут. Неоткуда мне взять денег, чтобы выплатить налог... Загонят в Сибирь, проклятые...»

«Не плачь,— с горечью сказал отец и, нахмутив брови, задумчиво произнес: — Значит, и здесь то же самое.

Попали из огня да в полымя... Хватит, сынок, убиваться. Придумаем что-нибудь. Горе твоё бедняцкое — наше горе...»

Так прошла наша первая зима на русской стороне. А когда первый весенний ветерок смягчил залежавшийся снег и громоподобно загудели разлившиеся горные реки, зазеленели нежным цветом луга, полянки, лужайки — благословенная пора, озарившая землю счастьем! — нам выделили место, где мы должны были построить дома. Так появилось несколько новых деревень: Яманчаир, Ширнокое, Хараба-Дигор, Энгук, Дузгенчи и другие. Не было у нас только предводителя...

Прошло еще несколько чудесных дней. Я наслаждался жизнью в деревне, неповторимостью ее быта, отдыхая среди таких людей, как дядя Шавеш, Москов и их односельчане. Слушал удивительные рассказы старика Шавеша и размышлял о судьбе моего народа.

Многое из того, что рассказал мне Шавеш в последние дни моего пребывания в Кураканде, я занес уже в Ереване в свои записи, стараясь передать оригинальность и своеобразие его речи.

Мне надо было возвращаться в Ереван. Торопили дела. Кроме того, мне хотелось скорее записать все, что я услышал в деревне. Нуре и Еремян за время моего отъезда должны были списаться с Рябиковым. Ответ уже наверняка пришел, и мне не терпелось ознакомиться с его письмом.

Я вспомнил бытовавшую в народе поговорку: «Явись раз в год — султаном будешь, в месяц раз — гостем станешь дорогим, будешь приходить каждый день — надоешь». И как-то за обедом я повторил ее старику Шавешу. Это его очень обидело. Он искренне пытался уговорить меня остаться. Вечером того же дня я отправился к дяде Москову. Хотел попрощаться с ним. Кроме того, со слов Шавеша я знал, что Москов может рассказать мне кое-что о Ферике. И хоть и был он оби-жен на меня за то, что я загостился у Шавеша, но вида не показал.

— Дядя Москов, пришел попрощаться. Еду завтра на рассвете в Ереван.

— Рад видеть тебя, сынок. Жаль, что так скоро. И поговорить-то не успели как следует. Когда в следующий раз в наши края?

— Трудно сказать. Но при удобном случае непременно вырвусь. У вас тут чудесно!

Старик предложил мне поужинать с ним, но я отказался.

— Вот воды бы холодной — с удовольствием,— сказал я.

Внучка Москова принесла большую чашу воды. В знак уважения я протянул чашу Москову, но он покачал головой и сказал:

— Пей, сынок, да ниспошлет тебе господь здоровья! Утолил бы я жажду, да солнце еще не село, вон — над горой — диск алым пламенем горит.

Я с недоумением посмотрел на него и спросил:

— Но при чем тут солнце, дядя Москов?

— Есть у нашего народа такой обычай: если в семье умер ребенок, то никто из взрослых за полчаса до заката солнца не пьет воды. Ведь неспроста говорят: «Слово — старшему, воду — младшему». Именно в эти полчаса до захода солнца душа умершего ребенка, говорят в народе, приходит к роднику утолить жажду. Ну, а если кто-нибудь из родных выпьет воду, то душа покойного в этот день якобы останется без воды. А у нас, сынок,— старик осекся,— в прошлом году отдал богу душу новорожденный сын моего Али...

— Пусть земля будет ему пухом,— сказал я.

— И твоим усопшим царство небесное,— отозвался старик.— Эх, давно я не был в Ереване,— старик постарался изменить тему разговора.— Небось похорошела наша столица... бот освобожусь маленько и приеду погостить. Примешь гостя?

— С удовольствием. Ты только приезжай,— я улыбнулся.— Дядя Москов, спросить хочу тебя. Ты наверняка помнишь старшего сына Агит-аги — Ферика. Ведь он часто гостил у отца в Дигоре. Расскажи мне о нем.

— Хороший был парень. А уж красив и ловок — слов нет. Вот только уехал он в 1917 году, так с тех пор я ничего о нем не слышал.

Нуре, бедняжка, уж как убивалась. Единственный близкий человек остался у нее на свете, да и тот погиб. А какая была в свое время большая и могущественная семья! Кто бы мог подумать, что такой род, род Амарика Полата, захиреет. От судьбы никуда не денешься... — Старик призадумался, а че-рез некоторое время

продолжал: — Из Сибири Агит-ага вернулся не один, привез жену и детей. Хороший была человек его жена.

И добрая, отзывчивая, спокойная. Всю семью Амарика Полата обстирывала и обшивала она. И полюбили ее все в доме мужа, да и в деревне только и говорили о ней. А дети у них были на редкость хорошие. Особенно Ферик. Толковый был дудже. В скором времени он так выучил курдский язык, что мы диву давались. А как он управлял лошадей! Это надо было видеть! Агит отдал своих детей в школу. Смешно вспомнить, но тогда это вызвало переполох. Ведь у нас считалось грехом отдавать своих детей в школу. Ферик прекрасно учился. Все в нем души не чаяли — и дети, и взрослые.

А сказки наши и песни он мог слушать бесконечно и все время записывал их в свою тетрадку. В деревне называли его ученым. Все — и старики, и молодые — тянулись к нему. Часами мог он рассказывать нам о Сибири. А уж как мы боялись этой Сибири тогда! Рассказывал нам о далеких русских городах, о людях, об их обычаях. Чудно было нам тогда слышать все это. Все было в диковинку. Но Ферик мы верили. А уж как сетовал он на отца своего, Агит-агу, когда тот заставлял крестьян на себя работать. И он был первым, кто принес нам весть о революции в России. Ему часто писали письма из Сибири.

И тогда Ферик собирал молодежь деревни и рассказывал им о тех событиях, которые происходили в России. Он внушал нам, что счастья мы можем добиться только рука об руку с русскими, борющимися против царской власти и богачей. Когда он приехал в Дигор последний раз, отец не хотел его отпускать обратно. Да какое там! Разве мог кто его удержать! Помню, уж больно грустный был он в свой последний приезд. Все что-то записывал в свою тетрадку. Говорят, он писал стихи.

И даже написал о курдах большой рассказ. Любил он сидеть у ручейка, протекавшего у их дома, и писать. Молодежь нашей деревни и соседних деревень приходила к Ферикуну учиться стрелять. «Это вам скоро пригодится», — говорил он. Его даже хотели арестовать, но Ферик срочно уехал в Сибирь. Вот с тех пор мы его и не видели, — печально произнес дядя Москов. На рассвете я выехал в Ереван.

*Шейх Ади — верховный служитель езидского культа.
Диванхана — канцелярия административных органов.*

НОВЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Привожу в порядок записи, сделанные в Кураканде. Вот что мне рассказал мой старый друг Шавеш в последние дни моего пребывания в Кураканде... Когда племена осели в деревнях, пришла пора назначить старост. Как правило, ими становились те, кому покровительствовали власти. Вскоре старосты были назначены, и жизнь постепенно стала входить в свое привычное русло.

Но по-прежнему на новой земле не было предводителя. Дважды в деревню пришли солдаты. Было объявлено, чтобы все главы деревень и родов явились в уездный центр Какызман, чтобы участвовать в выборах предводителя племени. И вот по деревням, где осели езидские племена, пошли толки, рассуждения о предстоящих выборах. У всех на устах был один вопрос: кому же будет предоставлена такая честь? Предводителем хотел стать каждый из верхушки.

Вот почему между главами деревень и родов начались разногласия, передеряги. Обстановка накалялась и принимала враждебный характер. Староста каждой курдской деревни стремился, выдвинуть себя или кого-нибудь из приближенных на столь выгодную должность. В ход было пущено все — интриги, сплетни, подкуп... Перед царскими чиновниками они раболепно раскидывали скатерть с обильными яствами, засылали своих гонцов в уездные центры Какызман и армянский Дигор к власти имущим, чтобы те потворствовали им, конечно, за щедрые приношения.

Чем род был могущественнее и зажиточнее, тем щедрее были их подарки. Они ничем не скупилась и всячески старались угодить властям, лишь бы их сородич был возведен в звание вождя всего езидского племени. Главы родов каждый со своей свитой за день до выборов выехали из деревень. Минувя Дигор, они в тот же день, под вечер, прибыли в Какызман. Местные поселенцы, армяне, радушно и гостеприимно приняли столь огромное количество гостей, давних друзей отцов и дедов.

Каждая семья сочла своим долгом взять на себя заботу и хлопоты о двух-трех гостях. Во всех домах допоздна продолжалось застолье и бесконечно произносились тосты за здоровье будущего предводителя. Утром следующего дня они уже стояли у дверей канцелярии и ждали уездного пристава. Спустя некоторое время ко двору канцелярии подкатил фаэтон в сопровождении нескольких казаков и остановился перед собравшимися. Тотчас один из казаков спрыгнул с коня и распахнул дверцу фаэтона. Ступив на землю, пристав изучающе окинул взглядом толпу, кивком головы поздоровался с ними и, быстро направляясь к канцелярии, велел всем следовать за ним. Он был небольшого роста, с весьма заметным брюшком, светловолосый и голубоглазый.

Когда все расселись по своим местам, пристав вызвал переводчика и произнес:

— Сначала я хочу поздравить новоиспеченных старост со вступлением на новую должность и надеюсь, что и в дальнейшем они будут безукоризненно и честно служить государю императору... Я вызвал вас сюда для того, чтобы вы сами избрали себе предводителя и назвали, кого бы вы хотели выдвинуть на это почетное место. Вы должны избрать достойного человека, которому полностью доверяете, так как он будет нести ответственность перед властями за все, что будет происходить в ваших деревнях. Местом жительства для предводителя и его семьи будет Хараба-Дигор. Понятно?

— Понятно! — разом ответили все.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— В таком случае,— сказал пристав,— я хочу услышать имя этого человека.

Встал Усо Гасан из деревни Баджанлу. Обращаясь к собравшимся, он сказал:

— Я думаю, что такой чести достоин лишь Али, сын Амарика Полата.

— Это с каких же пор он стал достоин такой чести? — с ухмылкой съязвил Муса Джасе из Козол-кола.

— Тебе что, память отшибло, Муса? — с издевкой спросил Усо.— Или ты не помнишь, что именно Али был одним из тех, кто, рискуя жизнью, перешел русскую границу, чтобы донести до царских властей нашу просьбу о спасении племени. А отец его Амарик? Да если б не он, костями бы легло все племя под ударами турецких кинжалов.— И Усо рассказал приставу, как Амарик не растерялся в тяжелую минуту схватки с турецкими аскерами, перехетрил преследователей и тем самым спас жизнь всему племени.

Пристав внимательно слушал.

Он знал, что Али был одним из тех троих курдских юношей, которые некогда ходатайствовали перед Дондуковым о переходе племени из Турции в Россию. Это, конечно, создавало Али определенные преимущества перед остальными. Да и внешне Али понравился приставу.

А так как у пристава не было особого желания попусту тратить время, он с решительным видом обратился к внимательно уставившимся на него курдам:

— Я полагаю, что Усо Гасан назвал наиболее достойного из достойных. Отныне Али, сын Амарика Полата, будет вашим предводителем и величать его вы будете не иначе как ага, Али-ага.

Али встал со своего места и поклонился приставу.

В это время кто-то недовольно пробурчал под нос. Пристав остановил на смельчаке строгий взгляд.

— Что это ты там про себя бормочешь? — зло спросил его пристав.— Чем не угодили?

— Ничего, государь мой,— осекся смельчак.— Говорю, вы — нож, а мы — масло, что велите — закон для нас... Пристав небрежно махнул на него рукой и повернулся к новоиспеченному предводителю:

— А теперь послушаем тебя, Али-ага.

— Высококочтимый господин пристав! — цветисто начал Али.— Братья! Я склоняюсь перед вами в низком поклоне за оказанную мне честь и доверие. От имени всех курдов-езидов, спасшихся от турецкого ятагана, я хочу поблагодарить русские власти за протянутую нам руку помощи. Господин пристав, мы бежали из Турции, где нас терзали, преследовали и уничтожали. И делали это не только турки, но и наши соплеменники — курды, принявшие ислам. Это из-за них мы стали гонимы и терзаемы... Россия — страна, где исповедуют веру Креста, а мы, езиды, по вере своей близки к вам. Вот почему мы предпочли жизни в Турции жизнь в этой благословенной стране...

И как только он произнес эти последние слова, собравшихся словно облили холодной водой.

Волна недовольства захлестнула всех присутствующих.

— Вот тебе и новый ага! — раздраженно заговорили старейшины. — Уже и крест на себя надел! Да он нас по миру пустит со своим крестом! Хочет, чтобы парней наших в солдаты забрали!.. Наступило тягостное молчание. Али понял, что в речи своей допустил ошибку. Но сказанного не вернешь...

И тут слово взял Окыз Мамо. Обращаясь к приставу, он произнес:

— Уважаемый господин пристав! До конца дней своих мы не перестанем воздавать молитву за царя русского и его могущественной державы, которая в трудную для нас минуту подала нам руку помощи... Но сейчас я хочу продолжить мысль нашего почтенного Али-аги...

Окыз исподлобья бросил на сидящих мимоletный взгляд и уловил в их глазах одобрение.

— Мы, езиды, государь наш, — продолжал он, — те же самые курды, что и курды-мусульмане. Говорим на одном и том же языке, пляшем те же пляски, одежду носим одинаковую... Разница только в том, что они приняли ислам, а мы по-прежнему остались в своей вере. Солнце — наш бог. Но мы, господин пристав, и не христиане... А бежали мы не от народа своего, а от турок, которые, обратив наших братьев в свою веру, натравливали их на нас, сеяли между нами вражду, отчего и не высохали слезы на глазах наших матерей и жен... Вот все, что хотел я сказать.

Окыз поклонился приставу и, посмотрев на смущенного Али, молча опустил на свое место.

С того дня Окыз Мамо еще больше возрос в глазах своих соплеменников, и каждый в душе считал, предводителем должен быть стать он, а не Али. Во всех езидских деревнях люди воздавали ему честь и хвалу за то, что он не испугался и перед представителем русских властей сказал свое веское слово.

Али-ага много раз слышал, как говорили об этом, и каждый раз он злился на самого себя. Как это он, де обдумав, ляпнул такое и вызвал тем самым недовольство племени? Черт ли дернул за язык?..

Народ явно сторонился его, и это могло грозить неповиновением. Даже некоторые курды-мусульмане, некогда перебежавшие на русскую сторону, были возмущены столь странным заявлением Али-аги и при встрече с кем-нибудь из знакомых езидов говорили:

— Позор Али-аге, что противопоставляет нас друг другу! Что с того, что у нас две веры, — кровь-то у нас в жилах течет одна — курдская. Ведь отцы и деды наши были кровными братьями!..

Все происходящее не на шутку встревожило Али-агу и его родичей. Надо было что-то предпринять.

И такой случай подвернулся.

Однажды поздним осенним вечером, когда на улице моросил мелкий дождь, упрямо и жестоко дул пронзительный ветер, во дворе Али-аги залаяли собаки. В доме, как обычно, было много народу, старики, зачарованные воспоминаниями прошлой молодости, рассказывали о былых боях и походах.

— Ну-ка, выгляни во двор, — сказал Али-ага стоявшему у дверей юноше.

Юноша покорно поклонился и вышел. Через несколько минут он появился в дверях вместе с каким-то

незнакомцем. Все вдруг умолкли и устремили взоры на пришельца. По внешнему виду его было видно, что он не из этих краев. Осунувшиеся глаза и бледное как полотно лицо свидетельствовали о долгой дороге и чрезмерной радости.

Он растерянно постоял на пороге, осмотрелся и, остановив взгляд на Али-аге, сказал:

— Мир дому этому!

— Мира и тебе, добрый человек! — отозвался Али-ага. — Проходи вперед. — Потом, как полагалось по обычаю, указал ему место.

— Покорнейше благодарю, — сказал незнакомец, — но мне скоро идти надо, я путник...

— Тогда скажи нам, что привело тебя сюда? — спросил Али-ага. — Как тебя зовут и из какого ты племени?

— Да вот думал, Али-ага умер, пришел выразить соболезнование...

Не успел он договорить, как на него накиннулся слуга Али-аги.

— Ты что, скотина, мелешь! Пусть твой отец сдохнет, собачье отродье!..

— Отпусти его! — крикнул Али-ага. — Ты не так понял слова этого несчастного! Видимо, горе привело его сюда.

Али-ага сразу же догадался: что-то скрывается под намеком незнакомца, и он с прежней вежливостью опять обратился к гостю:

— По твоим глазам вижу: что-то неладное стряслось с тобой. Расскажи нам о своей боли. Может, поможем.

Собравшиеся в ода в знак согласия кивнули ему.

На глазах незнакомца навернулись слезы, и он еле слышно произнес:

— Меня зовут Мамад. Я из племени Гули Джавар-аги, земли которого расположены в десяти верстах от Тырмашена. А жил я с семьей в деревне Сурмали. Жилось мне худо, и решил я этой осенью перебраться к своему тестю в Тырмашен. Думал, перезимую у него до весны, а там, бог милостив, как-нибудь переберемся. Навьючил я пожитки на своего единственного осла, воздал молитву — и вместе с женой и дочерью восемнадцати лет пустился в путь-дорогу.

К вечеру добрались мы до турецкой деревни Ташник...

— И что же дальше? — нетерпеливо спросил кто-то из сидящих.

— Да замолчите же! — прикрикнул Али-ага и опять повернулся к Мамаду. — Говори, Мамад, мы слушаем...

— Допоздна мы бродили по этой деревне в поисках ночлега, но никто не открыл нам двери. Ночь была

студеная, и дождь моросил, как сейчас. Потеряв надежду на теплый ночлег, мы уселись у ограды одного из домов, укрылись кошмой и решили дотерпеть до утра. Но вдруг кто-то из-за ворот спросил по-турецки: «Кто там?» На его же языке я объяснил, кто мы такие и чего хотим. Через минуту раздался грохот тяжелого засова, и ворота распахнулись перед нами.

«Входите, гостями будете», — сказал хозяин, а мне показал на конюшню, чтобы я отвел туда своего осла. Когда я вышел из конюшни, жены и дочери во дворе уже нет. Думаю, наверное, хозяин уже повел их в дом и поместил в женской половине. А на самом деле этот поганец отвел их в совершенно другую часть дома, и поэтому как ни старался я отыскать глазами эту «женскую половину», так и не смог понять, где она находится. Войдя в комнату, я увидел, что хозяин сам с непонятной поспешностью стелет постель мне и себе. Одним словом, легли спать. Какое-то странное чувство беспокойства охватило меня, но оно прошло быстро, потому что я был сильно утомлен — и уснул.

Вскочил я посреди ночи от пронзительного крика моей жены. В одном нижнем белье я метнулся во двор. И что я вижу! Дочь моя лежит на мокрой земле и бьется, как в предсмертной судороге, грызет зубами землю и вопит: «Отец! О отец!» А жена как сумасшедшая носится вокруг нее, бьет кулаками себе в грудь и рвет на себе волосы. Меня точно обухом ударили по голове. Стою и тупо смотрю на это ужасное зрелище. Очнувшись, я вдруг вспомнил, что, когда я выбежал во двор, этого негодяя в постели не было. Не помня себя от гнева я заорал:

«Жена, что тут произошло?»

«О боже! Он еще спрашивает! — пуще прежнего завопила жена. — Лучше тебе умереть, несчастный, чем снести такой позор!.. О доченька моя! Чтоб остригли волосы твоей матери! О бесчестный злодей, лучше бы убил меня, чем тронул ее, цветущую!»

И сквозь плач она с трудом рассказала мне, что хозяин дома отвел их в какую-то глухую, без окон, комнату и посреди ночи, когда они крепко спали, как кошка, воровато подкрался к дочери, унес ее, спящую, и обесчестил.

Сердце мое словно обожгли раскаленным клинком, я взвыл от гнева, хотел ринуться опять в дом, чтобы разmozжить башку этому негодяю, но вдруг почувствовал, что силы покидают меня и подкашиваются ноги... Потом я пришел в себя и понял, что плачем и воем горю не поможешь, что от шума может проснуться вся деревня и тогда наш позор станет всем известен. И поэтому я успокоил жену и дочь, вывел из конюшни осла, и, пока еще звезды не поблекли на небесах, мы бесшумно вышли из деревни... — А ты его дом помнишь? — перебил один из юношей, в глазах его загорелся мстительный огонек.

— Да, помню... Когда мы выбрались на окраину деревни, я оставил дочь и жену в овраге, а сам тихо вернулся опять туда, чтобы кровью этого негодяя смыть с себя позор. Однако я не смог отомстить: уже начинало светать и деревня пробуждалась. Решил я повременить, пока не наступит настоящий день возмездия...

Собравшиеся слушали Мамада молча, и лица у всех были угрюмы. Грустная история этого человека всколыхнула сердца, и каждый поймал себя на том, что пятно бесчестья коснулось и их, что они вправе отомстить за поруганную честь Мамада.

— Говоришь, знаешь дом?.. — задумчиво спросил Али-ага, нахмутив густые брови. Лицо его дышало гневом.

— Я догадываюсь, кто это! — вдруг воскликнул какой-то мужчина средних лет. — Его зовут Аббас Кули. Мне часто приходилось по делам бывать у него. Это самый богатый человек в своей деревне. За ним и прежде водились такие грехи, но люди боялись его и поэтому молчали. А дом его стоит на возвышенности, возле него растут два огромных раскидистых орешника... Не так ли, братец Мамад?

— Он самый!

— Та-а-к! — произнес Али-ага, покручивая ус. — Мамад, я остригу вот эти усы и вместо колоза повяжусь женским платком, если мои храбрецы сегодня же ночью не принесут тебе голову этого негодяя!

Потом он обратился к собравшимся:

— Братья, голос крови говорит нам, что с этим Аббасом мы должны поступить по закону наших отцов — по курдски. Турки еще на той стороне бесчестили и грабили нас как хотели, но непристойно нам, чтобы мы позволяли их родичам творить над нами такое же и здесь. Найдутся смельчаки, которые сегодня же, пока не занялась заря, свершат эту справедливую месть!..

Али-ага обвел всех глазами, и со всех сторон послышалось: «Я! Я!»

Однако засылать в другую деревню всех желающих было немыслимо, ибо топот конских копыт в такой поздний час мог вызвать подозрение у властей.

И тут заговорил Хамза Курдо, тот самый мужчина, который заявил, что знает этого турка:

— Народ, светлого века вам и преуспевания! Да будет над нами благословение отца небесного, да сохрани! он в нас навсегда веру и преданность! Сегодня отстаивать честь одного из нас — значит отстаивать честь отцов... Но вы не забывайте, что здесь порядки другие. Если об этом пронюхают русские власти — беды не миновать... Надо отобрать несколько храбрецов и бесшумно выехать в Ташник. Пойду я, и со мной пойдут двое отчаянных парней...

— А я? — растерянно спросил Мамад и оглянулся по сторонам.

— А ты, сынок, небось с дороги притомился... Отдохни пока, — сказал ему один седовласый старик, — и без тебя обойдутся.

— Да не омрачит закат вашей жизни никакое горе, братья! — расчувствовавшись, воскликнул Мамад, и на его глазах выступили слезы восторга и благодарности. — А вы случайно не спутаєте его дом?..
— Будь спокоен, брат,— уверенно сказал Хамза,— я-то уж не перепутаю.
Хамза подозвал к себе двух парней, о чем-то шепнул им на ухо и, поклонившись народу, вышел вместе с ними. А через несколько минут со двора донесся топот копыт умчавшихся коней.

Воздав хвалу мужеству и мудрости Али-аги и пожелав ему доброй ночи, собравшиеся разошлись по домам. В ода остались Али-ага, его отец Амарик-ага, брат Агит и несчастный Мамад. Женщины расторопно стали накрывать на стол. Но до ужина ли было! Али-ага отправил было в рот две щепотки рассыпчатого риса, но, заметив мрачные и озабоченные лица остальных, понуро опустив голову, отошел от стола. Так и не поев, в молчании закончили вечернюю трапезу.

Время уже давно перевалило за полночь, но никому и в голову не приходила мысль о сне. Со все возрастающим беспокойством и тревогой ждали, не раздастся ли на улице топот копыт. Больше всех мучился и томился Мамад: тревожила судьба Хамзы Курдо и его товарищей. Нё Дай бог, что--бы с ними что приключилось. И от сознания того, что он может стать причиной их несчастья, ему стало не по себе.

Прошло еще некоторое время, но все по-прежнему молчали. Присутствующие приуныли. Они знали, что их ожидает, если о ночном происшествии догадаются власти. Али-ага беспокойно метался по комнате, без конца дымил трубкой и от сильного волнения лихорадочно перебирал в пальцах костяшки четок...

И вдруг за окном загремели тяжелыми цепями собаки, залились яростным лаем.
— Это они! — вырвалось из груди Али-аги, и он бро сился к выходу.
Не успел он открыть дверь, как на пороге появились Хамза и его друзья. Хамза, ничего не сказав, бросил под ноги Мамада окровавленную рубаху и феску Абба-са Кули.

Мамад на мгновение оцепенел, но тут же, опомнившись, бросился в ноги тем, кто смыл с него пятно позора: — Братья мои, чтоб обратиться мне вместе с семьей в прах у ваших ног! Вы отомстили моему врагу и смыли с меня позор!.. Я целую ваши мужественные руки и сталь ваших кинжалов! Да будет жизнь ваша вечной, как вечно солнце на небе!..
Потом он поднял с пола окровавленную рубаху своего врага, осмотрел ее со всех сторон и разорвал.

— Вот тебе, собачье отродье! — приговаривал он.— Нашлась на тебя управа! Знай теперь, как бесчестить невинных девушек!..

Али-ага, его брат и отец гордо переглянулись, не скрывая своего довольства.

— Мамад, братец,— степенно произнес Али-ага,— отлились слезы твоей дочери. Я не уронил чести наших отцов и откликнулся на зов совести: обидчик за свое злодеяние...— Тут Али-ага замешкался.— Мамад, не в обиду будь сказано, но теперь тебе оставаться здесь небезопасно. Уже сегодня по всему округу разнесется слух о ночном убийстве, солдаты начнут рыскать по всем уголкам в поисках убийцы...

А русские власти, сам знаешь, за такое по головке не погладят. Лучше будет, если ты, пока еще деревня не проснулась, пустишься в дорогу к своему тестю. А там, бог милостив, может, власти и не пронюхают...
— Истинны слова твои, мой ага,— поклонился Мамад в знак повиновения, — я в долгу перед тобой!..
— Ну-ну, будет тебе...— покровительственно ответил Али-ага.— Я только выполнил наказ отцов и дедов... Иди с богом!

Когда Мамад ушел, Али-ага подошел к мстителям, поцеловал каждого в лоб и сказал:

— Хвала вам, братья мои! Пусть молоко, которым вас вскормила мать-курдянка, будет и в дальнейшем вам на удачу! А теперь расходитесь по домам.

Как только первые лучи солнца просочились сквозь колак, Али-ага открыл глаза. Медленно, пребывая все еще в сладостной дреме, он сел, опираясь о стенку, закинул руки за спину, широко потянулся, потом расслабил мускулы, закрыв глаза, словно пытаясь снова обрести теплую темноту сна, но услышал ржанье коня и вздрогнул. Сразу же вспомнилось ночное происшествие... Али-аге было чем возгордиться. Он доказал всем, что достоин звания аги. Теперь уж наверняка злопыхатели перестанут чесать языками.

Робкое солнце, захваченное рассветом, медленно поднималось на небосводе. Али-ага вышел во двор. Тут и там в деревне зажигались очаги, в которых горели сухая трава и пахучий кизяк, и столбики дыма в неподвижном воздухе поднимались прямо к небу.

Позавтракав, он велел слуге оседлать коня и поехал в армянский Дигор. Но, не доезжая до канцелярии пристава, он издали заметил большую толпу ташникцев и несколько казаков. Сердце его лихорадочно запрыгало в груди, мелькнула мысль, что власти дознались о его участии в ночном убийстве. Хотел повернуть коня, чтобы его не схватили.

Такого позора он бы не пережил. Арестовать его после того, как он стал предводителем? 'Все что угодно, только не это! Но унижительный страх сковал его. А двое казаков уже мчались в его сторону. Али-ага побледнел, колени его затряслись, на лбу появились блестящие капельки холодного пота.

— Доброе утро, Али-ага! — приветствовали его казаки.

Али-ага с трудом выдавил из себя приветствие. Казаки улыбались. И он, мгновенно сообразив, что ошибся, уже более спокойно спросил:

— Что это тут народ столпился?

— Да разве ты не слышал про сегодняшнюю ночь? Об этом вся округа жужжит.

— Нет, не слышал. А что случилось?

— В Ташнике убили турка Аббаса Кули,— ответил один из казаков.
— Аббаса Кули? — с притворным сожалением воскликнул ага и нахмурил брови.— Какое несчастье,— добавил он.
Погнали коней к канцелярии. Толпа расступилась, давая им дорогу. Али-ага краем уха услышал, как один турок говорил другому: «Аллах свидетель, мой сын не убивал Аббаса...»

Вошли в канцелярию, где начальник полиции Садимов допрашивал трех молодых ташникцев. Ударяя себя кулаками в грудь, они клялись, что неповинны в убийстве Аббаса Кули. Садимов приказал ввести жену убитого. Сквозь чадру с трудом проступал голос убитой горем вдовы. Садимов спросил ее, подозревает ли она кого ни-будь из этих троих в убийстве своего мужа. Вдова отрицательно покачала головой и добавила, что хотя они и не ладили с ее мужем, но убить его они бы никогда не осмелились.

Потом она рассказала, что предыдущей ночью у них останавливался на ночь один курд с женой и дочерью. Утром они должны были отправиться дальше, в какую-то деревню, название которой она не помнит. Но еще задолго до рассвета этот курд исчез, а в следующую ночь она нашла мужа убитым.

— А имя его помнишь? Или хотя бы откуда он родом? — спросил Садимов.
— Нет, ага, не знаю. Ничего не знаю,— со вздохом ответила жена Аббаса Кули и заплакала.

— Так, так,— насупившись, произнес начальник полиции и достал из кармана пачку папирос. Прикурив, он прищурился от дыма и посмотрел в упор на Али-агу.— Что скажешь, Али-ага? Слышал, что сказала эта женщина? — Садимов не сводил с него глаз.

— Да продлятся дни твои, господин начальник! Об этом несчастье я узнал только сейчас. Клянусь тебе всевышним, если такое злодейство совершил кто-нибудь из моего племени, я своими руками придушу его... Но не думаю, чтобы кто-нибудь из курдов пошел на это грязное дело. Ты сам знаешь, господин начальник, что деревни наши находятся далеко от Ташника, и нам с ними нечего делить. Да и разве осмелится курд совершить подобную подлость на земле, где правит русский царь.

— Да кто вас знает... Уж больно беспокойный вы народ, курды. Во всяком случае, я приказываю тебе снарядить людей на поиски того курда, который ночевал в доме Аббаса Кули. Хоть из-под земли, но доставь его мне сюда. Иди, Али-ага, ты свободен.

Али-ага поклонился и молча вышел. Во дворе стражник подвел ему коня. В это время показался предводитель курдов-мусульман Али Вало. Поздоровавшись с Али-агой, он скрылся за дверью. И пока Али-ага говорил со стражником, Али Вало, возбужденный разговором с Садимовым, показался в дверях. Лукаво взглянув на Али-агу, он улыбнулся и сказал:

— Мне так же, как и тебе, велено искать того человека, который гостил у Аббаса. Приказ господина начальника — закон для нас, слуг царя. Сейчас же пошлю своих молодцов обойти все наши деревни. Может, кто и слышал об этом человеке. Желаю удачи, Али-ага.

— Бог в помощь! — деловито ответил Али-ага.— Пусть хоть в лепешку расшибутся мои парни, но доставят господину Садимову этого курда.

Али-ага подъезжал к своей деревне Хараба-Дигор. Из головы у него не выходили слова Али Вало, вернее, то, как он их говорил. Уж не догадался ли он о чем-нибудь?..

Во дворе своего дома Али-ага заметил возле привязи оседланного коня благородной масти. «Кто бы это мог быть?» — екнуло в сердце Али-аги, и, передав поводья подбежавшему слуге, он вошел в дом. В ода не было ни одной души.

— Агит, где ты? — крикнул он.

— Здесь я, брат,— ответил Агит-ага, показываясь в дверях ода.

— У нас гости?

— Прискакал гонец Бакыр-бека из соседних владений...

— Предводителя джамалдинцев из Тырмашена? — прервал младшего брата Али-ага и нахмурился.— Что ему нужно? Зови гонца сюда!

Агит-ага пошел за гонцом. Это был широкоплечий, с тонкой талией и русыми волосами парень.

— В добрый час прибыл, гость дорогой! С какими вестями в наши края? Как здоровье уважаемого Бакыр-бека?

— Благодаря аллаху и его пророку! Жив и здоров наш Бакыр-бек. Он прислал тебе в дар самого лучшего из своих скакунов и просил передать, что восхищается твоим мужеством.

Али-ага понимающе улыбнулся:

— Пусть будет светлой его жизнь. Передай своему господину, что я сочту за честь сесть на его красавца коня. А что касается моего мужества, то я просто выполнил свой долг. Вы мусульмане, а мы езиды, но ни вы, ни мы не должны забывать, что в жилах наших течет одна кровь. И приходится в тяжелую минуту на помощь друг другу — наша священная обязанность.

— А теперь с твоего позволения, Али-ага, я уеду.

Путь не близкий, сам знаешь,— слуга Бакыр-бека выжидающе посмотрел на Али-агу.

— Возвращайся с богом, а то уж солнце высоко,— сказал Али-ага и повернулся к брату.— Агит, что ты скажешь ему на прощанье.

— Счастливого тебе пути, кланяйся Бакыр-беку. А это тебе пешкеш¹, — и он протянул гонцу клинок из серебра с дорогой инкрустированной рукояткой.

Поклонившись в пояс в знак глубочайшей признательности, гонец вскочил в седло и пришпорил своего скакуна.

А братья, улыбнувшись друг другу, пошли к коновязи посмотреть на коня, присланного Бакыр-беком. Вечером, как обычно, в ода собрался народ. Все ждали, что скажет предводитель. И Али-ага заговорил: — Почтеннейшие братья и друзья! Я думаю, все в сборе, чужих здесь нет? — Мы и еще дух наших предков с нами,— воскликнул кто-то.

Пешкеш — подарок.

— Сегодня я был у Садимова. Русским известно, накануне убийства у Аббаса Кули ночевал какой-то курд. И я боюсь, как бы совершенная нами справедливая казнь не стала достоянием гласности. Беды не оберешься тогда. Сибири многим из нас не миновать. По этому все, что произошло, должно кануть в вечность — вы ничего не слышали, ничего не видели...

— Истинны слова твои! — поддержал его хор голосов.

— Но это еще не все,— продолжал Али-ага,— Садимов приказал во что бы то ни стало найти ночного гостя Аббаса Кули. Что вы на это скажете?

— Нужно ввести Садимова в заблуждение,— высказал мысль один из стариков.— Отправим группу всадников по деревням, пусть для вида порасспрашивают местных жителей, пошумят малость для пущего усердия и, не солоно хлебавши, возвращаются обратно.

— Дельную мысль сказал, отец,— с одобрением отозвался Али-ага,— так и сделаем.— Потом он обратился к главам родов: — С восходом солнца снарядите по десять — пятнадцать парней в дорогу. Да не забудьте внушить им, что ни одна душа не должна пронюхать об их намерениях. Народ разошелся по домам. Братья остались одни.

— Али, — обратился к старшему брату Агит-ага,— у меня из головы не выходит подарок Бакыр-бека. Что это вдруг мусульманин расщедрился?..

— Ну как же, милый мой, ты что, запомнил? Ведь Мамад с женой и дочерью отправился к тестю в Тырмашен. Видать, поделился он своей бедой с Бакыр-беком, рассказал, как мы не ударили лицом в грязь, отомстили поганому турку. Вот Бакыр-бек и прислал мне в знак уважения коня. А Мамад ведь из их племени, только живет в другой деревне.

Слава о мужестве и благородстве Али-аги, сына Амарика Полата, росла с каждым днем. О нем с восхищением говорили во всех курдских селениях, и не проходило дня, чтобы какой-нибудь ага или бек не прислал ему щедрых даров или не приехал сам засвидетельствовать свое уважение.

Так прошло некоторое время. А однажды по деревням разнесся слух, что некий бедняк по имени Ато Солтан из Сорхоли похитил девушку и привез ее в Хараба-Дигор, в дом Али-аги, в надежде найти приют и защиту от ее разгневанных, жаждущих крови родственников...

— Али-ага человек рассудительный и благоразумный... Живет он по курдскому племенному укладу. Я больше чем уверен, он нас поймет и не прогонит,— говорил по дороге Ато своей возлюбленной Акшан. К утру они уже стояли на пороге дома Али-аги. Женщины тут же повели Акшан на женскую половину, а Ато вызвал к себе ага.

— Ну? — вопрошающе взглянул на него Али-ага.— Что молчишь, герой? В неловкое положение ты меня поставил. Что же теперь я скажу ее отцу?..

— Ага! — опустив голову, проговорил Ато.— Хочешь — гони из дома, хочешь — убей,— и юноша протянул ему свой кинжал,— только молю тебя, найди выход... Каюсь, мой ага, грех взял на душу, но другого пути у меня не было. Любим мы друг друга уже много лет...

Но будь проклята бедность! Потому и не хотели отдавать ее за меня. А на днях ее должны были обручить с одним зажиточным парнем из Базарджоха. Тогда-то я решил похитить свою Акшан. А если ты смилуешься над нами и дашь какую-нибудь работенку, уж постараюсь поднакопить денег и расплачусь с ее отцом... Судьба наша в твоих руках, ага!

— А что ты умеешь делать? — спросил Али-ага.

— Все, что должен уметь делать крестьянин, мой,— пасти овец, батрачить, пахать землю, смотреть за лошадьми... Ты только подкинь мне работенку, а там сам посмотришь, на что я горазд. Смилуйся, ага... Покрутив пышные усы, Али многозначительно посмотрел на Агита.

— Что скажешь, Агит? — вполголоса спросил он его.

— А что тут говорить,— пожал плечами Агит-ага и посмотрел на съжившегося Ато, — несчастный парень, надеясь на наше благородство, вступил на наш порог и доверил нам свою судьбу. Не гнать же его, в самом

деле? Кстати, и пастух нам нужен. Так что одно к одно-му. Отдели ему угол в комнате для прислуги, и пусть живет со своей ненаглядной. А пока надо отправить людей к ее отцу; я думаю, он уважит твою просьбу и сменит гнев на милость. А когда Ато накопит денег и заплатит калым — устроим перемирие.

— А что скажут наши сипкийцы? Ты ведь знаешь, как не любят они принимать в племя чужих.

— Да, но когда мы бежали из Турции, нас, целое племя, а не одного человека, приняли чужие нам люди, поделив с нами кров, хлеб и тепло. Неужто мы этого несчастного парня с его возлюбленной прогоним? Не к лицу нам, сыновьям Амарика Полата, проявлять такую черствость. Али-ага был доволен таким ответом.

— Слова твои пришлись мне по душе, Агит. Ты достойный сын своего отца! А теперь покажи Ато отару, которую он будет пасти. Ато, рассыпаясь в благодарностях, приложился к руке Али-аги, но тот быстро отдернул ее, и Ато, кланяясь, вышел вслед за Агит-агой. Вскоре за дверью Али-ага услышал голос брата.

— Милости просим, добро пожаловать! — говорил он кому-то. Открылась дверь, и вошел Али Вало с двумя телохранителями- Али-ага, протянув вперед руки, пошел ему навстречу:

— В добрый час прибыл, братец! Милости просим! После взаимных приветствий Али Вало, лукаво прищурившись, спросил:

— Ну как, Али-ага, убийцу не поймал?

— И след поганца простыл, — отмахнулся Али-ага и отвел взгляд от испытующих глаз Али Вало. — А ты? — Если бы поймал, какой же смысл тебя спрашивать? — усмехнулся тот и посмотрел на своего телохранителя, ожидающего поручения. Потом он добавил: — Ну, коли так, давай пойдем к Садимову, скажем, что поиски оказались напрасными.

— Успеется еще, — ответил Али-ага, — ты лучше скажи, что с теми арестованными? — Садимов так и не смог доказать их виновность и отпустил с миром, — Али Вало в упор посмотрел на Али-агу. Али-ага не выдержал сверлящего взгляда своего собеседника и, вставая, произнес:

— Откровенно говоря, я ждал твоего прихода... Пошли к Садимову! Предводители в сопровождении группы всадников выехали в армянский Дигор в полицейский участок, где Садимов с нетерпением ждал их появления. Он тешил себя надеждой, что главы курдских племен за шиворот притащат скрывшегося преступника и бросят его ему под ноги. Но надежды его рассеялись, когда дверь неуверенно открылась и на пороге появились Али-ага и Али Вало. Садимов бросил на них свирепый взгляд и зло спросил:

— Ну, с чем пришли?! Где злодей?

— Ваше благородие, — начал Али Вало, отводя глаза от Садимова, — где его найдешь, если не знаешь, где искать. О нем в округе и слыхом не слыхали... А может, никакого ночного гостя у Аббаса и в помине не было? Знаете, ваша честь, женщинам верить...

— Не болтай чепуху! — взорвался Садимов, и в его глазах блеснул гневный огонек. — Какого дьявола ей врать!.. Нет, я больше чем уверен, вся эта заваруха — курдских рук дело! Видимо, и вы замешаны в этом убийстве!

— Государь наш, — боязливо вступил в разговор Али-ага, — мы этого злодея и в лицо-то не видели...

— Али-ага! — резко прервал его Садимов. — Думаешь, я слеп и глух? Скажи-ка на милость, с чего это вдруг курдская верхушка расщедрилась и со всех концов начала тебе засылать гонцов с подарками, а?

Да еще этот женокрад Ато Солтан! Почему же он, минуя своих беков-мусульман, попросил прибежища у тебя, езида, а не у них. Не ты ли еще вчера утверждал, что мусульмане — вероотступники? А сегодня пригрозил на груди того же мусульманина! — Потом Садимов угрожающе взглянул на обоих и добавил: — Лучше признавайтесь, где вы запрятали убийцу! А то, клянусь честью, милости от меня не ждите!.. Али-ага открыл было рот, но Садимов велел им выйти.

— А теперь уходите! — процедил он сквозь зубы. — Советую, хорошенько пошевелите мозгами. И знайте, здесь вам не Турция, здесь свои законы! Впредь наматывайте себе на ус, что власти до всего дознаются. Даже жужжание мухи в другой деревне улавливает наш слух...

Оба предводителя курдских племен молча вышли. За спиной они услышали предупреждающий голос Садимова: «Подумайте хорошенько, а то потом и раскаяния не помогут!» В эту минуту они были полны лютого презрения к царскому чиновнику, и, была б их воля, они, не раздумывая, размозжили бы голову этому Садимову. «Твари курдские!» — вдруг из-за дверей опять донесся голос Садимова.

Рука Али Вало машинально поднялась к рукоятке кбужала, но Али-ага заметил это и крепко схватил его за локоть.

— Не глупи, — мягко, по-братски сказал он. — Пусть хоть лопнет этот самодур, — и тут Али-ага прямо посмотрел в глаза своему приятелю, — я не выдам ему это-го беднягу...

Али Вало улыбнулся и крепко обнял его.

— Я знал, что этого турка казнили твои храбрецы, но хотел это услышать из твоих уст...

Уставшее за день солнце уже закатывалось за горы, когда Али-ага попрощался с Али Вало и повернул своего коня в сторону Хараба-Дигора.

По дороге к своим владениям Али-ага впал в глубоко-кое раздумье. Перед глазами еще стояло разгневанное лицо Садимова, и в ушах отдавались его крик и угрозы.

Въехав в деревню, он заметил группу чужих всадников — и не поверил глазам.

— Эй, Дауд, кто это такие? — спросил он у одного из своих охранников.

— Да сохрани тебя господь, неужто не знаешь? — удивился тот. — Сваты Джавзо-бека приехали обручить дочь нашего односельчанина Усо Адыла. Того, что асыниец...

— Как? Минуй меня? — не поверил своим ушам Али-ага. — Говоришь, сваты Джавзо-бека? — опять спросил Али-ага. — Главы племени асыни?

— Того самого, мой ага, племянника Фархан-аги, — уяснил Дауд.

— Когда же эти безбожники успели заключить брачный союз, что я и слыхом не слыхал? — пробурчал Али-ага.

— Они знают свое дело, наши соседи, — Дауд с ударением произнес слово «соседи», — у них все шито крыто.

Вывались из-под турецкого ярма, волю почуяли, теперь им на законы и обычаи предков плевать. Таким протяни палец, так они по локоть откусят...

Али-ага ничего не ответил и до самого дома, нахмутив густые брови, ехал молча.

Однако Усо не забыл про Али-агу. Вместе со своими родственниками он сразу же пришел в дом Али-аги. С ними был и пир Касо. Пир Касо перевел взгляд с валявшегося сапога на хмурое лицо Али-аги и всплеснул руками:

— Зачем сапоги-то снимаешь, Али-ага?

— А что прикажешь делать, почтеннейший? — съязвил Али-ага.

— Мы за тобой пришли. Твое место сейчас там — среди гостей Усо.

— А я уж грешным делом думал, что асыниец Усо не признает сипкийского агу, — с укором сказал Али-ага и остановил взгляд на Усо. — Усо, ты помнишь тот день, когда в ваших краях убили твоего отца, а твоя бедняжка мать, взяв вас, сирот, привела к нам, в племя сипки? Тогда, рассказывают, вы были куда покладистее...

— Грешно забывать такое, — тихо сказал Усо, стыдливо опустив глаза, — опеку и великодушие дядюшки Амарики я до конца дней своих не забуду. Как родных принял он нас, да буду я жертвой за него! Перед отцом твоим, Али-ага, я в вечном долгу...

— Ну, раз помнишь, тогда другое дело. Али-ага оделся и, поманив брата за собой, пошел на торжество.

В доме Усо Адыла было много народу. В глазах рябило от разноцветных шелковых платков, повязанных вокруг островерхих колозов; инкрустированных рукояток боевых кинжалов, украшенных цветными драгоценными камнями; золотых и серебряных поясов, обхватывавших тонкий стан горцев; четок, янтарные костяшки которых мерно пропускались сквозь огрубевшие пальцы стариков.

По обычаю, родственники жениха и невесты до заключения брачного союза должны были получить согласие и разрешение местного аги или главы рода.

Пир — духовное лицо.

Гости, восседая на мягких тюфячках, переговаривались вполголоса. На самом почетном месте, посасывая длинные чубуки, сидели родственники жениха и старейшины родов, прибывших сюда на торжество из Синака, предводителем которых являлся Фархан-ага, и соседние беки.

Старики внимательно помутневшими, но зоркими глазами из-под кустистых, окрашенных в серебро бровей разглядывали собравшихся: запоминали, кто как поклонился, — раболепно или постольку, поскольку того требовал обычай; кто с кем разговаривал; кто не по возрасту и чину норовил пробраться на почетное место, а кто довольствовался скромным местом у дверей. Держались они степенно, как и подобало старейшинам, и изредка поглядывали на дверь, словно кого-то поджидали. В углу было отведено место для дангбежев — песнопевцев.

Увидев вошедшего Али-агу и его брата Агит-агу, Джавзо-бек, племянник Фархан-аги, и гости помоложе, тотчас вскочили на ноги.

— Привет многим предводителям племен и родов курдских! Радости и преуспевания вам великого! — приветствовал их Али-ага.

— Благодати и исполнения всех желаний! В добрый час прибыли... — столь же цветисто со всех сторон ответили ему, приглашая его и брата сесть на почетное место рядом с Джавзо-беком.

Али-ага и Агит-ага продвинулись к указанному месту и опустились на мягкие тюфячки, подкладывая под бока пуховые подушечки. Не успели они как следует осмотреть собравшихся, как на них посыпались нескончаемые приветствия и расспросы о здоровье родных и близких. Они же коротко отвечали: «Слава богу, живы здоровы. Светлого века и вам!»

Когда все наконец замолчали, поднялся Коро Калаш — шафер и попросил внимания:

— Почтеннейшие! Братья! Да не омрачит господь ваши жизни! Во-первых, спасибо вам, что уважили нас и, оставив свои дела, сочли нужным удостоить нас честью присутствовать сегодня на этом торжестве. Собрались мы здесь во имя исполнения одного нашего же-лания — сватать дочь Усо Адыла, Гулизар, за сына нашего уважаемого Джавзо-бека — Файзо-бека...

— Да будет исполнено ваше желание! Пусть эта радость будет радостью для всех! — раздалось со всех сторон.

— А сейчас,— продолжал шафер, повернувшись в сторону Али-аги и Джавзо-бека, — нам надо уладить вопрос калыма...

— Правильно! — одобрил это предложение один из приближенных жениха.— Слово за Усо, пусть ставит свое условие.

— А что говорить, — Усо растерянно стал озиаться,— вы так неожиданно нагрязнули, что я еще опомниться не успел...

— Друг мой, Усо,— увидев замешательство Усо, сказал отец жениха Джавзо-бек,— говори свое слово, не стесняйся! Ты — нож, мы — сыр, здесь вопрос чести, а за нами дело не станет.

— Истинные слова! — опять раздалось со всех сторон.

— Мой бек,— начал Усо,— твой приход на радость нашим глазам! Ты для нас всегда желанный гость...

— Дай бог тебе здоровья, сын мой! И да будет твое место в раю! — отозвались несколько стариков, восседавших рядом с Джавзо-беком.

— Вопрос калыма не так уж важен... Бог свидетель, все у нас есть, ни в чем нужды не терпим. Речь о другом...

Джавзо-бек мгновенно уловил, что хотел сказать

Усо, и, повернувшись к Али-аге, вопросительно взглянул на него.

Али-ага без лишних слов понял, что слово за ним и все ждут его согласия.

— Да, да,— сказал он,— пора уладить этот вопрос...

Народ облегченно вздохнул, ибо в случае возражения сваты вернулись бы восвояси не солоно хлебавши.

— Да будет вечной твоя жизнь, Али-ага,— рассыпался в благодарностях Джавзо-бек.— Да буду я и дети мои жертвами за тебя! Я знал, что у тебя доброе и благородное сердце. Теперь я в долгу перед тобой.— Потом, обратившись к Усо, сказал: — Ждем твоего окончательного слова, Усо...

Усо точно камень свалился с сердца. Улыбаясь, он обнажил свои белые зубы, посмотрел на Джавзо-бека и произнес:

— Пусть люди назовут калым. Они знают меня и мою дочь.

— Братец,— вклинился шафер,— нам и без того известно благонравие голубки Гулизар. Мы не ради пустых разговоров пришли сюда — не терзай наши души. Говори свое условие!

Призадумавшись, Усо заговорил:

— За свою дочь я хочу двести овец, одного коня благородных кровей, пять подарков на ваше усмотрение, из которых два будут предназначены почтенному Али-аге и его уважаемому брату Агит-аге. Вот и весь калым.

— Да ниспошлет господь тебе сладкую старость! — сказал Джавзо-бек.— А насчет подарков для Али-аги и Агит-аги ты, брат, ни к месту прихватил. Это уж наша забота, мы перед ними в долгу. Никто векови не нарушал законов курдской чести, не уроним ее и мы.

— Прости за оплошность, мой бек, бес дернул за язык,— Усо смущенно опустил глаза.

— Бог тебя простит.

При упоминании о подарках у шафера Коро Калаш глаза загорелись огнем, и он, поднявшись со своего места, с обидой в голосе произнес:

— А про нашу честь, уважаемые, запомнили? Выходит, мы зря отмерили столь длинный путь?

— О чем разговор! — спохватился отец невесты.— Двадцать овец из двухсот дарю тебе!

— А за мою честь? — бросил какой-то старец.

— Десять голов жертвую за твою честь, дядюшка Караман!

— А мне? — выкрикнул другой.

— И тебе десять! — расщедрился Усо. — Еще тридцать овец дарю Али-аге!

— Да не оскудеет рука твоя! — воскликнул Джавзо-бек.— Ты свой долг выполнил, Усо. Подарки для остальных я беру на себя.

— Поздравляем! Да будь благословен этот брак! — посыпались поздравления со всех сторон.

— Ну, а теперь, сыны мои, давайте составим брачный договор,— обратился к родителям жениха и невесты шейх Хоко, который был приглашен для исполнения этой важной церемонии.

Усо и Джавзо-бек вышли на середину ода и опустили перед шейхом на колени. Положив обе руки им на головы, Хоко произнес:

— Джавзо-бек, сын Амар-аги, внук Гамид-аги, доброй ли волей берешь ты в дом к себе невесткой дочь Усо Адыла, голубку Гулизар?

— Да! — утвердительно ответил Джавзо-бек. Этот же вопрос шейх повторил ему три раза и три раза получил утвердительный ответ.

Потом шейх повернул голову к отцу невесты:

— Усо, сын Адыла, внук Кало, правнук Шаро, доброй ли волей ты выдаешь свою дочь Гулизар за Файзо-бека, сына Джавзо-бека?

! - Да! "" "" ' "

И от Усо шейх три раза получил утвердительный ответ. После окончания этого обряда со всех сторон опять посыпались искренние пожелания:

— Да будут счастливы! Да постареют они на одной подушке!

— Поздравляем!

— Дай бог всякого благополучия! И тогда Джавзо-бек вопрошающе взглянул на старцев. Те же кивнули в знак согласия.

— Теперь приведите сюда мою газель, невестку Гу-лцар,— довольный собой, сказал Джавзо-бек, лихо закручивая напомаженные усы.

Тетушки, кумушки бросились на женскую половину.

И вошла, стыдливо опустив черные как смоль глаза, Гулизар: не девушка — душистый цветок! Осиная талия, статное, сильное тело, из-под черных как ночь бровей задорно сверкали глаза... Гости восхищенно любовались ее красотой.

Шафер подозвал ее к себе, надел на палец ей обручальное кольцо, поцеловал в лоб и благословил. Гули-зар приложилась к его плечу и со слезами на глазах ;выбежала из ода.

В эту минуту Агит-ага был бледнее смерти. В глубине души он почувствовал глухую ревность. Она змеей проползла в его сердце, пустила свой яд. Рассудок его начал мрачнеть, глаза загорелись диким огнем, рука - сжала рукоятку кинжала. Но огонь этот потух, рука ослабла, и змея-ревность уползла под тяжелый камень его тоски... Он весь обмяк, и тело его, словно набитый камнями мешок, рухнуло на пол. Собравшиеся вздрогнули. Али-ага испуганно привскочил было с места, но пир Касо незаметно наступил ему на ногу, дав понять, что мужчины не простят ему проявленную слабость. Потом пир Касо попросил принести воды и побрызгал на лицо Агит-аги. Приложившись ухом к его груди, спокойно произнес:

— Не волнуйтесь, продолжайте беседу. Скоро очнется.

И действительно, через несколько минут, подобно тяжело захворавшему больному, Агит-ага открыл глаза и, повернув голову, смущенно посмотрел по сторонам. Перед глазами расплывчато мелькало лицо склонившегося над ним пира Касо. Тотчас к нему подскочили двое крепких парней, подняли его, придерживая за локти, и повели домой.

Дабы не уронить законы приличия, посидев еще немного времени, Али-ага и пир Касо откланялись, пожелав гостям весело провести обручальное торжество.

Как только они удалились, в доме Усо Адыла воцарилась неловкая тишина...

В те дни весь Хараба-Дигор говорил об Агит-аге, о его обмороке. Поползли слухи разных толков: одни утверждали, что он неизлечимо захворал, другие твердили, что он потерял сознание оттого, что в ода Усо было душно и жарко, третьи — что он уже бьется в предсмертных судорогах.

Постепенно эти слухи распространились по всем езидским селениям. Дело дошло уже до того, что со всего округа к дому Али-аги нескончаемым потоком стекался народ — кто справлялся о здоровье Агит-аги, а кто предлагал свою помощь.

Но никто так и не мог понять, какая хворь свалила Агит-агу. День ото дня он таял на глазах, не ел, не пил и только, уткнувшись лицом в подушку, молчал.

И тогда Али-ага послал гонца за местным лекарем. Лекарь явился немедленно и сразу же приступил к своим обязанностям: осмотрел язык больного, задал ему несколько обычных вопросов и, не получив ответа, растерянно посмотрел на Али-агу, стоявшего со свитой у дверей. Потом, кивнув ему головой, дал понять, что хочет остаться с больным наедине. Те повиновались и вышли из комнаты.

Али-ага и его приближенные стояли за дверью, как им казалось, долго. Не в силах выдержать столь мучительного ожидания, Али-ага ворвался в комнату брата и, бросив на старого лекаря сердитый взгляд, раздраженно крикнул:

— Господи, да ты всю мою душу вывернул! Скажи наконец, что с ним!..

Но тут же он смутился за свою несдержанность. Молча, опустив глаза, он повернулся к окну.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

За спиной он услышал взволнованный голос лекаря:

— Мне жаль, Али-ага... Если б ты хоть пораньше прислал за мной... Белый налет на языке и его бледный вид ничего хорошего не предвещают. Вот в Карс бы его свозить, к уездному доктору... Беда только, далеко ехать. От слов старого лекаря, на которого была возложена большая надежда, у Али-аги сердце сжалось комом. В них он услышал суровый приговор судьбы и безнадежность. Однако, убитый горем, он не забыл отблагодарить лекаря, сунул ему золотой и честь честью проводил его.

Когда дверь закрылась за лекарем, один из присутствующих, усмехаясь в ус, заметил:

— Хорош исцелитель! Нечего сказать! Такой и в гроб загонит.

Эти слова больно кольнули душу удрученного Али-аги, и он хотел поставить на место дерзкого болтуна, но сдержался — предводительское достоинство в присутствии именитых старейшин родов, пришедших навестить его брата, требовало соблюдения приличий.

— Послушайте, — заговорил опять тот же голос, — не будем унывать. Вспомните, скольких больных поставили на ноги наши знахари... И думаю, надо пригласить шептуху Гуле.

— Если лекарь не взял в толк, от чего хворь, то шептухе и подавно не понять, — за Али-агу ответил один из его двоюродных братьев.

— Э-э, сынок, этим фельдшерам надо бы еще у шептухи Гуле поучиться врачевать, — ввязался в разговор седовласый старик по имени Око и посмотрел на других.

Те одобряюще кивнули ему.

— Ладно, — Али-ага поддался уговорам, — возложим наши упования на шептуху Гуле. А теперь, почтеннейшие гости, прошу всех в ода!

— Да будет благословенным твой очаг! — отозвался старик Око и, взглянув в сторону двери, подозвал к себе юношу и сказал: — Тамо, сынок, возьми двух коней и мчись в Яманчаир за шептухой Гуле. По-моему, она еще там. Скажи, меня прислал дядюшка Око, мол, дело есть... Ну, одна нога — здесь, другая — там!

Утренняя трапеза растянулась до полудня. Гости мирно вели застольную беседу, обменивались новостями, потягивали горячий кофе и посасывали чубуки. И вдруг за дверью послышались голоса: «Тамо вернулся. Шептуху привез».

Али-ага и гости встали. Пыхтя и отдуваясь от жары, в ода вошла маленького роста, полная женщина средних лет. С первого же взгляда в глаза бросались ее толстые до безобразия мясистые губы и хитро бегающие по сторонам черные как угольки глаза.

Али-ага и гости по очереди приложились к ее руке. Почтительно поздоровавшись со всеми, она остановила взгляд на Али-аге.

— По дороге гонец все мне рассказал. Это правда, что Агит-ага слег?

— Правда, матушка, правда, — печальным голосом ответил Али-ага.

— А где лежит больной? Отведите меня к нему!

Али-ага кивнул слуге, чтобы тот провел шептуху в покои Агит-аги.

Когда она вошла в покои больного, Агит-ага лежал лицом к стене, зарывшись головой под одеяло. Махнув слуге рукой, Гуле велела ему удалиться и, тяжело ступая, переваливаясь с ноги на ногу, направилась к кровати. «Господи, да ниспошли мне удачу, не дай осрамиться перед старейшинами родов и племен курдских», — прошептала она и, усевшись на край кровати, у ног Агит-аги, вкрадчиво произнесла:

— Агит, сынок, повернись-ка ко мне лицом... Скажи-ка старушке матушке, в чем твоя хворь?

Ответа не последовало, он даже не пошевелился.

— Агит, сыночек, — ласково позвала она опять, — да буду я жертвой у твоих ног, покажись-ка мне лицом, не дури... Скажи словечко, братец мой, Агитушка.

Опять молчание. Его упрямство взбесило шептуху, и лицо ее покрылось багряными пятнами. Только боязнь осрамиться перед всем народом, который так верил в ее исцелительное искусство, сдержала ее.

И она вновь ласково подала голос:

— Агитушка, открой мне сердце. Скажи мне, что с тобой? Ведь недаром говорят, от каждой хвори и исцеление найдется...

Не дождавись и на этот раз ответа, она просунула руку под одеяло, чтобы пощекотать ему пятки, но Агит тотчас подтянул ноги к животу.

— Сынок, не стесняйся меня. Дай поглажу пятки — сразу легче станет на сердце, — не унималась она. — Вымолви словечко — и я уйду. Ну, не задерживай меня. — И она потянулась рукой к его голове, поглаживая ему волосы.

Агит-ага, не поворачиваясь, отстранил от себя ее руку и еще глубже ушел под одеяло. Щептуха вышла из себя.

— Если будешь упрямиться,— раздраженно сказала она и дернула за край одеяла,— клянусь всевышним, я стащу с тебя одеяло и осрамлю!
Тут он резко повернулся к ней и, не помня себя от гнева, заорал на весь дом:
— Сейчас же убирайся отсюда, старая ворона! Убирайся, пока я сам тебя не вышвырнул!..

От его рева сидевшие в ода гости вздрогнули. Они хотели встать, но Али-ага остановил их и послал слугу узнать, что там стряслось.
Слуга, просунув голову в приоткрытую дверь, увидел ужасную картину: Агит-ага с пеной у рта ругал шептуху на чем свет стоит, а та, испуганно вытаращив глаза, жалась к стене возле двери и тряслась от страха.

— Да обрушится твой дом, матушка шептуха! Что тут случилось? — спросил слуга и схватил ее за руку, чтобы поскорее вытащить ее из комнаты, пока Агит-ага в порыве гнева не натворил беды.
Но шептуха, как взбесившаяся собака, вцепилась зубами слуге в руку и так укусила, что бедняга взвыл от боли.

— Ах ты, стервец! — бесновалась она, кинувшись на слугу.—Да разве ты не знаешь шептуху Гуле? Я сумасшедшим дарую рассудок, мертвых возвращаю к жизни, а ты, собачье отродье, решил гнать меня отсюда?! Думаешь, хворь Агит-аги мне не под силу! Я же велела не совать сюда носа, пока сама не позову! — И, размахнувшись, нанесла несчастному слуге такую оплеуху, что у того все поплыло перед глазами.

Схватившись рукой за щеку, слуга выбежал из комнаты. А Гуле повернулась к Агиту, с недоумением смотревшему на нее.
Об искусстве шептухи Гуле врачевать больных наговорами и магическими словами Агит-ага давно слышал, но увиденное настолько ошеломило его, что он даже забыл о собственном недуге. А то, что произошло дальше, вконец озадачило его.

Гуле вдруг начала прыгать возле его кровати, иступленно приговаривая при этом:
— О-о-о! О боже, спаси раба своего! — била она себя в грудь. — Освяти постель несчастного, не дай ему завянуть! Сгинь! Сгинь, нечистая сила! У-у-у! Прочь, прочь, душегуб! Избавь его, цветущего, от коварных пут! О-о-о! — безобразно скривив рот, она захохотала жутким смехом и затряслась мелкой дрожью. Потом шептуха вдруг стала рвать на себе волосы, глаза у нее закатились, и она бездыханно грохнулась оземь.

Агит не на шутку перепугался. Он вскочил с кровати, схватил кувшин с водой и стал обрызгивать шептухе лицо.
— Матушка шептуха, что с тобой? — тряс он ее за плечи. — Богом молю, очнись, открой глаза... Я сделаю все, что ты захочешь, не буду противиться... очнись!..

Аджиэ Джндиди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть V

Гуле медленно открыла глаза, но тут же их закрыла. Потом раздался ее тихий голос:
— Сынок, не ради потехи я сюда притащилась, хочу помочь тебе. И как меня здесь встретили? Стыд! Срам! Помоги мне сесть... Уф!..
Агит усадил ее на стул, одиноко стоявший в углу. Но шептуха пересела на подножье кровати.
— Иди сюда, сынок, сядь рядом и расскажи матушке о своей печали. Не одного от хвори избавила и тебя исцелю.
Агит-ага смущенно отвел глаза и зарделся. Он был похож на малое дитя, у которого что на уме, то и на языке. А шептуха совсем, казалось, околдовала его.

Агит взял ее за руку и тихо произнес:
— Матушка!
— Что, родной мой?
— Матушка,— еще раз робко повторил он,— обещаю, что все, что я тебе сейчас расскажу, останется между нами.
Глаза шептухи загорелись радостью.
— Да буду я жертвой за тебя, сынок! Не обижай меня. Как скажешь, так и будет! Бог свидетель, ни одна душа не узнает твоей тайны. Облегчи себе душу, расскажи о печали своей.

Ты мне что сын родной, не стесняйся.
— Спасибо, матушка, у тебя доброе сердце. Я— я ведь вовсе не больной... — начал Агит нерешительно.
— Что же тогда тебя терзает, сынок? — участливо спросила шептуха и ласково погладила его руку.
— Стыдно признаваться... От любви у меня помутился рассудок... А люблю я Гулизар, дочь Усо Адыла... Да поздно уже, сорвали, унесли мой цветок полевой. С другим ее обручили. Если б я знал, что все может так обернуться, давно б уж заслал сватов.

И похитить не похитишь. Начнут, подлые, языком чесать, и падет позор пеплом на наш род... Стыдно, ох как стыдно, матушка!..

Излив душу шептухе Гуле, Агит вновь впал в состояние отрешенности. Он закрыл лицо руками и повернулся к стенке.

А Гуле, услышав исповедь Агит-аги, не чувствовала земли под ногами. Она была довольна собой, шептуха Гуле! Тайна Агита стала ей известна. И теперь она смело могла объявить, что средство для исцеления Агита она нашла. Пусть знают все, что не ударила лицом в грязь умудренная опытом шептуха Гуле! А уж Али-ага не поскупится на щедрый подарок.

— Агитушка, сынок,— ласково заговорила она,— да ослепнуть мне из-за тебя! Что же ты раньше мне не сказал?

Постыдного в этом нет ничего, на то и появляются на свет божий парень и девушка, чтобы любить друг друга. Только поздно уж спохватился, из-под носа увели Гулизар. Говорят, свадьбу будут играть осенью...

Потом, призадумавшись, прибавила:

— Но не беда! Не все еще потеряно. Я попробую найти доступ к сердцу Гулизар, расскажу ей про твою любовь... А теперь встань, умойся и подкрепись маленько, а то говорят, за эти дни ты ничего не ел.— И, повернувшись к двери, шептуха крикнула: — Эй, Хате, да сгорит твой дом! Про сына-то забыла! Тащи скорее сюда еду! Агит-ага хочет червячка заморить!..

Услышав голос шептухи Гуле, Али-ага улыбнулся, от радости возликовало его сердце. Обрадовались и гости. Молва о выздоровлении Агит-аги молниеносно облетела все деревни. Шептуха не ошиблась в своих предположениях. Люди заговорили о ней — воздавали хвалу ее искусству врачевать людей, уже без оттенка сомнения отнесли ее к числу святых и прониклись к ней еще большим уважением и доверием.

Уже вечерело, и на небе зажглись первые звезды, когда шептуха Гуле незаметно проскользнула в дом Усо Адыла.

Гулизар, ее сестра Гаваз и мать расчесывали шерсть. Мужчины же отправились в дом Али-аги поздравлять с выздоровлением Агит-аги.

— Ой, милости просим, матушка шептуха! — радостно вскрикнула Гулизар.

— Радости и преуспевания вам! — с улыбкой отозвалась Гуле и прошла вперед.

— Проходи, сестрица. Рады тебя видеть,— подала голос мать Гулизар, показывая на место рядом с собой у медленно тлеющего тандыра.— Как поживаешь, сестрица?

— Благодарение богу! По его милости живу, не жалею.

После расспросов о жите-бытье мать Гулизар и Га-ваз, извинившись перед гостьей, пошли в хлев — время было доить овец.

Шептуха и Гулизар остались одни. Убедившись, что их никто не может подслушать, шептуха вкрадчивым голосом обратилась к девушке:

— Ну, доченька, что скажешь о происходящем?

— О чем ты, матушка? — не скрывая удивления, спросила Гулизар.

— Простушкой прикидываешься, плутовка? Скажите, святая наивность! — делая вид, что шутит, съязвила Гуле.— Ужели не догадываешься? Бедняга Агит-ага сохнет по тебе, а ты горячкой заделалась. Хорош базар — нечего сказать! Глядите-ка, приданое себе готовит!..

— Что же прикажешь делать? Надо было раньше думать. Пришел бы в свое время к моему отцу и просватал. Нас, девушек, ведь не спрашивают, за кого замуж выйти. Теперь и нечего ему думать об этом, обручили меня с сыном Джавзо-бека.

Шептуха оторопела — она не ждала от Гулизар такого ответа. Но, мгновенно овладев собой, она пошла плести сети дальше:

— То, что поздно, как день ясно. Но ведь бедняга извелся вконец, тенью бродит по комнате. Который день не ест, не пьет.

Ты бы хоть повидалась с ним, что ли, сказала ласковое словечко...

— Господь с тобой, матушка! Слыханное ли дело? Ведь я же чужая невеста, как же я могу с ним встретиться? Узнают люди, потом позора не оберешься, — покраснев до корней волос, ответила Гулизар.

Появилась искорка надежды, и Гуле заговорщически прошептала:

— А ты не кручинься, доченька. Я устрою вам встречу, ты уж пожалей несчастного, повидайся с ним...

— Но как? — Гулизар смущенно опустила голову, чувствуя, что шептуха не отстанет от нее.

— А после свадьбы. Весной вместе с подругами пойдешь собирать траву и незаметно отделишься от них. И в каком-нибудь укромном местечке, подалее от глаз людских, встретишься с ним. Я к тому времени еще разок с тобой повидаюсь, чтобы назначить место. Встретитесь я расстанется, как брат и сестра...

— Хорошо... пусть будет по-твоему,— ломая руки, согласилась Гулизар и пристально взглянула на шептуху.— Матушка, именем бога заклинаю тебя, чтоб никто не узнал об этом позоре. Упаси бог, чтоб из-за меня, бесстыжей, пролилась кровь.

— Умница, доченька, хвалю! — воскликнула Гуле.— И не думай, все будет честь честью. Ну, я пойду, а то засиделась что-то... Обрадую беднягу,— и с этими словами она поднялась.— А матери передай, что торопилась я. Уж как-нибудь в другой раз зайду, поболтаем,— сказала она на прощание и скрылась так же внезапно, как и появилась.

И в ту же минуту вернулись отец Гулизар с братом.
— Кто это от нас сейчас вышел? — спросил он у дочери.
— Шептуха Гуле была,— смутившись, ответила девушка.
— А где мать? — сердито буркнул Усо.
— В хлеву,— Гульзар побледнела, и сердце ее учащенно забилось.

Усо бросился в хлев.
— Жена! — грозно крикнул он.— Чтоб обрушилась крыша дома отца твоего! Ты что это оставила Гулизар наедине с этой вороной...— И Усо выругался.— Замечу се еще раз у нас — и тебе и ей ноги пообломаю!

Аджиэ Джнди
"И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть V

ПОХИЩЕНИЕ

Весна выдалась солнечной, веселой. Грянули первые весенние дожди, загудели разлившиеся горные реки, мутные воды талого снега разлились в дорожных ухабах, выбоинах; в канавах забулькали стремительные потоки; нежно зазеленели полянки, лужайки, тысячи разных цветков разостлали на лугах свой красочный ковер; поля, огороды задремали в блаженном ожидании сева...

Отовсюду слышны были оживленные голоса, бляение овец, мычание коров, лай исхудавших за зиму сторожевых псов и веселый гогот шальных ребятишек.

Девушки, разодетые в пестрые красочные наряды,— каждая из них утренний цветок — кружились в хороводах, размеренно покачиваясь в такт песен, и издали не поймешь, то ли это они кружат в танце, то ли это цветы колышутся под дуновением ветерка. Видение это радует глаз и нежит душу. С тех пор как Агит-ага с легкой руки шептухи Гуле оправился от своего недуга, он редко засиживался дома. Большую часть времени он проводил на охоте и в развлечениях. Но вместе с тем печаль не сходила с его лица, и тайком от всех он вздыхал по любимой Гулизар.

После обручения она почти не выходила из дома. Шептуха Гуле, получив щедрое вознаграждение, словно в воду канула. Кому теперь излить свою грусть и печаль? Перед кем раскрыть раны души своей?

Между тем по деревне пополз слухок о его любви к Гулизар. Но, боясь гнева Али-аги, люди говорили об этом тайком. Прознала об этом и Акшан, жена Ато Сол-тона, нашедшего в свое время приют в гостеприимном доме Али-аги.

И как-то, словно между прочим, Акшан завела с мужем такой разговор:

— Али-ага и Агит-ага люди благородные. Ты помнишь, как они приютили нас? Если б не они, не быть нам сейчас вместе...

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Ато.

— Ослеп ты, что ли? Или не видишь, как Агит-ага чахнет по Гулизар, дочери Усо! Как посмотрю на него, нас вспоминаю — сердце кровью обливается..,

— Э, да что мы-то сможем сделать? Чем ему поможем? Мы люди чужие, и наше дело маленькое — исправно выполнять свою работу, так, чтобы Али-ага был доволен. А Агит-аге я бы с радостью помог.

Да как? Может, ты подскажешь?

— Да что я...— кокетливо повела плечами Акшан.— Знаешь, говорят, Джавзо-бек торопит со свадьбой, уже и

сиаров заслал к Усо. А сынок его, Файзо-бек, жених Гулизар, уже вхож к ним в дом и вот уж несколько дней гостит у них. Сказывают, в первую ночь Гулизар воспротивилась войти в покои жениха². Оскорбленный жених хотел было в ту же ночь покинуть дом, да Усо, боясь позора, пал к его ногам и уговорил остаться. А сам, разгневанный, с яростью напустился на жену, обвиняя ее в том, что та впустила в дом колдунью Гуле, вскружившую якобы голову Гулизар. Словом, бедную девушку насильно втолкнули к суженому...

— Откуда тебе все это известно? — удивился Ато. Акшан хмыкнула:

— Бабы все знают... Утром на роднике то и дело чешут языки... А Агит-ага все из головы у меня не идет,— снова ввернула Акшан.

На рассвете, когда первые робкие лучи солнца обласкали снежные вершины гор, Ато открыл глаза. Он сладостно потянулся, зевнул и с неохотой стал одеваться. Надо было до прихода стада выпустить коров и овец, почистить конюшню от навоза и, пока не проснулись хозяева, подмести двор... Но, к своему великому удивлению, во дворе Ато заметил Агит-агу. По его опухшим глазам Ато понял, что в эту ночь молодой хозяин не спал.

Ато приветливо, как и подобает слуге, поздоровался с ним и, решив, что подвернулся удобный случай, смущенно произнес:

— Агит-ага, благодетель мой, хочу с тобой поговорить... Только не посчитай за нескромность, выслушай...

— Ну, говори, послушаю,— со смутным предчувствием ответил Агит-ага и, поняв, что Ато взволнован, решил уединиться с ним в своей комнате.— Только идем ко мне.

Опустившись на мягкий тюфячок, Агит-ага показал Ато на место напротив себя и поднял на него вопрошающий взгляд.

— Ага, почему-то не видно тебя стало в последнее время. Не случилось ли чего?..— проговорил Ато и тут же осекся: он понял, что не то сказал.

Агит-ага выжидающе смотрел на Ато.

— Ага, я в долгу перед тобой и твоим прославленным братом Али-агой, да продлится его жизнь...— Ато помолчал, а потом смущенно добавил: — Как подумаем с женой об этом, от благодарности слов не находим...

— Дай бог вам счастья! — искренне сказал Агит-ага.— Но ты, кажется, не об этом хотел поговорить.

— Ага, может, не мое это дело, ты уж прости. Но...— Ато замялся.

— Говори, не терзай душу.

— Я хочу сказать, что о твоей любви к Гулизар мне известно,— выпалил Ато.

— Кто тебе сказал? — испуганно вскочил Агит-ага.

— Вся деревня толкует, ага. Моя от женщин узнала и мне рассказала,— признался Ато, глядя исподлобья на перепуганного хозяина.

— А что еще люди плетут?

— Сказывают, Гулизар жениха своего видеть не хочет.

И в первую ночь, когда Файзо-бек приехал к ним, отказалась войти к нему. Отец под угрозой смерти приказал бедняжке смириться...

И Ато рассказал Агит-аге все, что ой услышал о! жены, не скупясь на подробности.

От этих слов рассудок Агита помутился. Схватившись обеими руками за голову, он застонал. Тело его обмякло, сердце неистово заколотилось — он почувствовал, что еще немного и он провалится в темную пропасть забытья.

У несчастного слуги сжалось сердце.

Агит же, устыдившись своей слабости, взял себя в руки и еле слышно промолвил:

— Разбередил ты старые раны... Об одном прошу тебя, чтоб наш разговор остался между нами. Понял?

— Не обижай меня, ага. Сам знаешь — могила. А ради тебя я готов на все,— взволнованно отозвался Ато.

— Прости, с языка слетело... Да уж коли так все обернулось, буду ждать. Говорят, мир на терпении построен,

— печально проговорил Агит-ага и призадумался.

Потом добавил: — Спасибо, что предупредил. Может,

и по делу будешь мне нужен...

— Моя голова у твоих ног, Агит-ага,— с готовностью воскликнул Ато.— И жизни ради тебя щадить не стану!

— Благодарю за преданность. А теперь сходи к моему двоюродному брату Амару Сымо, скажи, пусть придет ко мне.

Ато учтиво поклонился и опротясь побежал исполнять приказание молодого аги.

Не прошло и получаса, как Амар был уже в комнате Агит-аги. Разговор был долгий и серьезный. В конце беседы Агит-ага обратился к Амару с такими словами:

— Хорошо пораскинь мозгами. У тебя ведь семья. [А власти, ты лучше меня знаешь, никого не пощадят.

— Агит, твои слова будто кинжал пронзили мне сердце, — пылко возразил Амар, размахивая руками, — я не из робкого десятка... Отцы наши — родные братья, а братство на то и существует, чтобы в тяжелую минуту примчаться на помощь.

Никто в нашей семье не нарушал законов чести, не нарушу и я. Ты только скажи, что нужно делать!

Агит знал: преданный ему Амар исполнит любое его желание.

— Амар, брат мой!..— сказал Агит-ага, обнимая брата.— Да не прожить нам и дня на белом свете друг без

друга! У тебя большое сердце, и я надеюсь на тебя как на каменную стену...
Вышли во двор. Стояла полуденная жара. Братья, довольные собой, разошлись...

После таинственного разговора между Агитом и Амаром прошло какое-то время. В деревне все оставалось по-прежнему, люди были заняты своими повседневными делами: пахали землю, пололи грядки в огороде, направляли воду к посевам. Хлопот хоть отбавляй. Но что делать — пришла весна!
Утро в тот день выдалось прекрасное! Солнце разлило по свету свои нежные золотые лучи, приветствуя пробудившийся ото сна день. Природа оживала.
Девушки ни свет ни заря отправились в сторону Медвежьей берлоги собирать съедобные травы и корни. Их потом солили, сушили и ели в голодные зимы. Добавляли их также в сыр, творог.

В то утро младший сын Усо Адыла, Бадо, провожал своих сестер Гулизар и Гаваз к самому дальнему ущелью — Медвежьей берлоге.
Как только дошли до места, Гулизар отправила бра-та обратно в деревню.
— Возвращайся домой, Бадо,— сказала она ему,— мы тут в безопасности, скоро и остальные девушки подойдут. А ты вон уже какой взрослый, нельзя тебе быть с девушками.

И, несмотря на строгое наставление отца ни на минуту не отходить от сестер, Бадо послушался Гулизар и вернулся в деревню.
Не успел Бадо спуститься в деревню, как заметил вдалеке трех всадников, торопливо выехавших из деревни. Один из них был Агит-ага. У Бадо что-то оборвалось в груди. Он опрометью помчался к дому, влетел в комнату и, задыхаясь, крикнул матери:

— Мама, Агит-ага!.. С ним были еще двое! Они выехали из деревни!..
— Куда выехали? — не на шутку перепугалась мать.— А кто были те двое?
— Не различил. Они были спиной ко мне. Поскакали в сторону Бешклиса.
— Э, сынок, напугал ты меня, чуть концы не отдала,— облегченно вздохнула мать. Но, спохватившись, спросила: — А ты сестер прямо к Медвежьей берлоге отвел?

— Да, до самого ущелья довел...
— Тогда нечего опасаться. Это совсем разные стороны. От Медвежьей берлоги дорога ведет в Карс, а Беш-клис совсем в другой стороне. Видать, Агит-ага с друзьями поехал в Бешклис развлекаться.
— И все же беспокойно у меня на сердце,— на лице Бадо явно выражалась тревога,— что-то уж больно поторапливали они коней...
— Коли так,— уже серьезно проговорила мать,— то сейчас же отправляйся к сестрам. Да и отец разгневется, если узнает, что ты оставил их одних. Давай, сынок, беги. Одна нога здесь, другая—там!

Бадо не мешкая поспешил опять к ущелью. По деревне он шел не торопясь, чтобы не привлечь внимания односельчан, но как только вышел на окраину, бросился бежать со всех ног.

Мчался он, не чувствуя земли под собой, разбивая ноги о камни. Запыхавшись, добрался до склона небольшой горы, скинул куртку, перевел дыхание и снова начал карабкаться вверх,— предчувствие беды не покидало его. Ястребом взлетел он на вершину горы Севик, оглянулся, и вдруг — о ужас! — вопль отчаяния вырвался из его груди: трое всадников мчались к ущелью Медвежьей берлоги. Вдали, в густой зелени трав, виднелись и его сестры.

Колени Бадо задрожали, в глазах померк свет. Он зарыдал от безнадежной ярости. Озарилась мысль — броситься в деревню, позвать на помощь людей! А вдруг те трое и не замышляют ничего дурного? И он только понапрасну поднимет шум. Не теряя времени даром, он рванулся вперед.
Крутой спуск скрыл от его глаз и всадников и сестер. А когда он вновь выбрался наверх, увидел, что один из всадников беседует с Гулизар, а двое других стараются угомонить кричащую Гаваз. Но вдруг тот, который разговаривал с Гулизар, схватил ее и бросил поперек седла. Гаваз же, ухватившись обеими руками за стремя, кричала изо всех сил, зовя кого-нибудь на помощь.

Бадо, сколько было в нем сил, закричал издали:
— Эй, вероломный Агит-ага! Не позорь свою честь!.. Люди, на помощь!..
Услышав голос Бадо, Агит-ага пришпорил коня с перекинутой поперек седла Гулизар и помчался по склону горы. И тут несчастный Бадо увидел, как один из двух оставшихся всадников с силой отшвырнул вцепившуюся в седло Гаваз, крикнул что-то своему другу, и оба помчались догонять Агит-агу.
Добежав до сестры, Бадо увидел, что она истекает кровью.
Взглянув на брата помутневшим взглядом, она еле слышно простонала:
— Брат! О-о-о, как больно!

Затем она повернула голову в сторону удаляющихся всадников, из ее глаз потекли слезы, и, судорожно вздохнув, она тяжело повисла на руках Бадо.
Вопль вырвался из груди несчастного брата.
— Люди-и-и!!! — заорал он и, подобно безумцу, бросился бежать, вскинув вверх окровавленные руки.— Эге-ге-гей! На помощь!
Клич этот, как горный ветер, пронесся над деревней. Хараба-Дигор заходил ходуном. Мужчины, женщины, старики, дети — все, забросив свои дела, помчались на встречу этому крику.
Впереди всех, распутив седые космы, босиком бежала несчастная мать убитой Гаваз.

Три дня и три ночи не умолкали стенания и вопли в доме Усо. Три дня и три ночи безутешный отец разжигал огонь на могиле своей дочери. В доме не убирались котлы, в которых грелась вода для омовения, не потухал светильник, одиноко и печально горевший в углу. Три дня и три ночи стекался народ выразить свое соболезнование Усо.

Настоящее паломничество началось на четвертый день, когда весть о постигшем Усо несчастье облетела деревни его соплеменников — асынийцев. Невозможно было сосчитать людей, прибывших в Хараба-Дигор. Лица всех были мрачны, дышали гневом.

Сипкийцы озабоченно насторожились. Заговорили о том, что не миновать стычки и кровопролития, что пришел конец Али-аге и его роду, племя асыни сотрет их с лица земли, не оставит камня на камне от их деревень. Некоторые смельчаки вызывающе бросали:

— Пусть только сунутся! Не так-то просто с нами справиться!..

С лиц исчезло прежнее спокойствие, сменившись тревогой. Ложась спать, люди не знали, проснутся ли утром в добром здравии, уцелеют ли они от меча асынийцев.

Таков был закон у курдов: за кровь соплеменника племя готово было уничтожить другое племя.

Но еще не успел утихнуть переполох, вызванный бесконечными приездами и отъездами грозных асынийцев, как в одно беспокойное утро люди увидели в деревне отряд русских солдат...

Сиары — свадебные гонцы.

По курдскому обычаю, жених мог еще до свадьбы разделить ложе со своей невестой. Отношения их носили чисто символический характер, и допускалось это для того, чтобы жених и невеста могли привыкнуть друг к другу.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть V

ПЛЕМЯ ПРОТИВ ПЛЕМЕНИ

Ночной сон сипкийских селений Карсской области нарушил тревожный клич: «Эгей, на помощь!.. Асынийцы с несметным войском двинулись к владениям сипкийцев! Хараба-Дигор в опасности! Вставайте, люди! Амарик-ага ранен, его сын Али-ага при смерти!..»

Мужчины, кто мог еще держать оружие, готовились к бою. Сотрясая воздух мужественными криками, спешили сипкийцы в Хараба-Дигор на помощь своему предводителю. Шли из разных деревень: из Яманчаира, из Шатырогли, Каракола, Сорхоли, Козолджи. Шли ради чести своей, дабы позор поражения не осквернил память предков и не пал пеплом на грядущее поколение. Чтобы женщины и дети, проходя мимо, не отворачивали лица, признав в них слабосильных воинов. Чтобы слагались песни о их доблестных подвигах. Да и зачем жить горцу на этом свете, если ржанье вражьих коней у дверей дома его, если девушки его племени видят сверканье неприятельских мечей?!

На дорогах клубилась пыль, захлебывались в лае собаки, раздавался топот конских копыт. Из ночной темноты доносились радостные и удивленные возгласы узнававших друг друга: «Ой, и ты с нами, дядюшка Ало?» «А чем я хуже других, сынок?» — доносился ответ.

Призрак смерти черной хищной птицей кружил над землей. Курд шел на курда, племя восстало против племени.....

И теперь воскресли в памяти старые обиды, наполнившие сердца злобой и местью. Воины торопили своих коней, чтобы как можно быстрее настигнуть врага и уничтожить его.

На рассвете по одну сторону Хараба-Дигора выстроились всадники асынийцев, а по другую — сипкийцев. Между ними вклинился отряд русских солдат, присланных для усмирения разъяренных до безумия курдских племен. Обе стороны, опьяненные ожиданием близкой битвы, ждали мести.

Казалось, достаточно было одного мановения руки, чтобы скрестились клинки, ручьями потекла кровь и от Хараба-Дигора не осталось камня на камне. Но в эту минуту, когда воины асынийцев, лихо восседая на своих конях, ждали приказа, чтобы ринуться на сипкийцев, в доме Усо в присутствии русского офицера шел совет старейшин родов. Русский офицер требовал от глав племени асыни отступить от этого неблагоразумного поступка, не проливать кровь невинных людей.

Из-за дверей доносился зычный голос Джавзо-бека: — Милостивый господин офицер! Вам не понять курдского характера. Мы живем по курдскому племенному укладу. Из поколения в поколение переходили обычаи кровной мести, веками создавались такие нравы... А на сегодняшний день наша честь растоптана, Сипкиец убил девушку из нашего племени, похитил ее сестру, к тому же нашу невестку. Амарик-ага и его сыновья своей жизнью расплатятся за такое злодеяние! И не для того мы отмерили такой путь, чтобы, почесав затылки, вернуться обратно. И я не сын своего отца, если не отомщу этим вероломным! Обратной дороги нет! Я сказал свое последнее слово...

С минуту длилось молчание. Русский офицер внимательно и сосредоточенно, стараясь не пропустить ни одного слова, слушал высказывание старейшин. Ему можно было дать лет пятьдесят. Он был ладно скроен, легок в движениях, и лишь седина на висках, утомленные глаза и избородившие лицо морщины говорили о нелегких испытаниях, сопровождавших его жизненный путь. Выслушав всех от начала до конца, он потушил истлевшую папиросу и, пристально посмотрев на Джавзо-бека, сказал:

— Почтеннейшие, я хочу вам напомнить, что для всех подданных царя существует один закон. Мы не можем стоять в стороне и сложа руки смотреть, как вы уничтожаете друг друга, сжигаете деревни... Я не допущу кровопролития! Запомните, не быть этому!

— А почему в Турции не вмешивались в наши дела? Ведь и там тоже существовали власти? — спросил один из членов совета.— Говорят, в прошлом году на той стороне сипкиецы сцепились с айдарами, и много мужчин ради чести своей в том сражении сложили головы... Одним из них турецкие власти даже оружие выдали. А тут похитили нашу невестку, убили ее сестру

— и мы должны терпеть такое бесчестье! Да где такое видано? — В глазах его сверкнул гневный огонек.— Господин офицер, насколько курд благороден, настолько же и беспощаден в ярости. Мы и без других разберемся, что зло и что добро... Лучше оставьте нас. Среди собравшихся находился также известный всем учитель — армянин Израел Миракян, пришедший сюда вместе с русским офицером. Люди относились к нему с уважением, ценили его за ум, мужественность. Он был сведущ во многих языках, прекрасно знал курдский, турецкий и свободно мог изъясняться на русском. Медленно поднимаясь с места, он попросил слова:

— Уважаемые члены совета! Я человек посторонний, не сипкиец и не асыниец, чтобы встать на сторону одних и обвинять других. И те и другие для меня одинаковы. И поэтому, с вашего позволения, я скажу то, что думаю и что у меня на сердце...

— Мы слушаем тебя, достопочтенный,— вежливо поклонился ему Узо-бек, сын Фархан-аги.

— Друзья,— начал учитель,— заранее прошу простить меня, если слова мои не будут угодны вам. Сейчас один из уважаемых членов совета упомянул про Турцию, но я не согласен с ним!..

— Это почему? — перебил его Джавзо-бек.

— Немного терпения, брат, все скажу... Турецкие власти сеяли распри между вашими племенами, старались разобщить ваш народ, не дать ему сплотиться, чтобы вы не смогли стать хозяевами земли ваших отцов и дедов. Так случилось в прошлом с сипкийцами и айдарами. Вооружив и тех и других, турки ловко, как они умели это делать, натравили оба племени друг на друга, а сами, оставшись в стороне, со злорадством наблюдали за братоубийственной войной. А главы племен, толком не рассудив, что к чему, выдали берданки своим воинам и велели совершать набеги на селения, угонять скот. Когда обе стороны выдохлись, а все боеспособные мужчины пали в битве и остались только немощные старики, женщины, дети, турки спокойно пришли и без особого усилия прибрали к рукам их земли.

Вот почему турецкие власти с таким «усердием» снабжали оружием курдов... И ты, Джавзо-бек, из-за одной девушки хочешь уничтожить тысячи невинных людей, да?..

В звенящей тишине раздавалась убедительная речь учителя. Все члены совета старейшин слушали его затаив дыхание, и казалось, каждое его слово прогоняло прочь накипевшую злобу и гнев.

Джавзо-бек старался не глядеть на учителя, но случайно встретившись с ним взглядом, словно провинившийся в проступке ребенок, смущенно отводил глаза и бледнел.

— Кроме этого,— продолжал учитель,— турки так же умело натравливали вас на армян — давних друзей ваших отцов... Помню, когда мы еще жили на той стороне, в Алашгыре, турецкие аскеры часто заглядывали к нам и призывали нас остерегаться курдов. А курдов в свою очередь пугали армянами, которые, якобы выжидают момента, чтобы напасть на курдов... И после всего этого вы требуете, чтобы русские власти позволили вам вновь сцепиться? Одумайтесь, уважаемые, пока не поздно!..

Учитель умолк. Вытащив из кармана платок, он вытер вспотевший лоб и опустил на свое место.

— Я полностью на стороне уважаемого учителя,— сказал русский офицер, глядя на Узо-бека и Джавзо-бека.— Я прибыл с войском, чтобы не допустить кровопролития. Одумайтесь, почтеннейшие! Агит-ага будет наказан по закону, начальник полиции Садимов уже отправил своих людей на поиски преступника. Рано или поздно его поймают, и тогда ему не миновать суровой кары...

Опять воцарилось гробовое молчание. Перебирая в памяти все прошлые годы, прожитые на турецкой стороне, в глубине души своей люди соглашались с учителем и русским офицером, но вместе с тем их будоражила мысль о мести. По лицам видно было, что в душе каждого противостоят два чувства, но глаза их заметно

просветлели.

Надо было сказать решительное слово. Взоры собравшихся скрестились на Узо-беке и Джавзо-беке.

— А что ты скажешь, отец? — как бы за советом обратился Узо-бек к сидевшему рядом с ним седому старцу. Столь неожиданный вопрос бека несколько смутил старца, но, собравшись с мыслями, медленно, по-стариковски, он опустил четки в карман и, подняв на окружающих кустистые брови, неторопливо заговорил: — Братья! Только не подумайте, старик с ума спятил или же не понимает законов чести... На своем веку я многое перевидал — и горе, и радость, и пламене войны... всего хватало! Я одобряю слова нашего дорогого Ираела! Лживые деяния турецких властей не впрок пошли нам, а, костью застряли в горле. Нашими же руками они учиняли расправу над нами.

Джавзо-бек, Узо-бек, обращаюсь к вам как отец, как брат: не идите наперекор властям — это земля Сари-Москова¹. Русские власти показывают нам истинный путь, чтобы все обошлось без крови и горя. Бог свидетель, этот Али-ага еще ответит перед властями за своего вероломного брата...

— Мудрые слова! — воскликнул русский офицер.

— Да будет по-вашему, — сказал Узо-бек и поднялся, дав понять, что заседание совета окончено.

К вечеру Хараба-Дигор опять погрузился в безмятежную дрему, словно ему еще совсем недавно и не грозила опасность со стороны грозных асынийцев...

АРЕСТ АГИТ-АГИ

Пристав и Садимов, всласть насытив свои утробы в доме Амарик-аги, попрощались с гостеприимным хозяином и в сопровождении группы солдат уехали каждый к себе.

Оба находились в приподнятом настроении и ликовали: старик Амарик тревожится за судьбу своего сына, значит, надо побольше содрать щедрых подарков...

Особенно торжествовал Садимов. Он прекрасно знал, как курды страшатся ненавистного слова «Сибирь», и они, не раздумывая, готовы бросить к его ногам все свое состояние, лишь бы при них не произносили это таинственно-жуткое слово. И, пребывая в блаженстве сладостных раздумий, он не заметил, как громко засмеялся. Сопровождавшие его стражники вздрогнули от неожиданности, обалдело вытаращили глаза на своего начальника. Поймав на себе удивленные взгляды подчиненных, он придержал коня и, указывая куда-то в сторону, крикнул:

— Смотрите, заяц!

Пока ошарашенные стражники недоуменно осматривались по сторонам, «зайца» и след простыл. Садимов остался доволен своей хитрой уловкой.

Еще издавлек Садимов заметил у ворот полицейского участка толпу людей. «Вот и дичь сама приползла», — подумал он и, прищипнув коня, стремительно въехал во двор.

1 Сари-Москов — так курды называли царскую Россию.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VI

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Тут же к нему подскочил стражник и, вытянувшись в струнку, доложил:

— Господин Садимов, ту похищенную девку нашли. Она здесь.

— Прекрасно! — радостно воскликнул Садимов и побежал в канцелярию.

Нескончаемым потоком к полицейскому участку стекался народ. Все ездество привалило сюда, среди них были и сипкийцы из родов дылхери и джамалдины. Прибежали и крестьяне армянского Дигора.

На всех лицах были растерянность, ужас и отвращение к этому необычайному случаю, из-за которого во всей области вот уже который день царило величайшее смятение. Все взоры выражали напряженную и скорбную настороженность, словно люди и страшились новых сведений и более точных подробностей, и в то же время не хотели ничего упускать, ибо то, что было уже известно, никого не удовлетворяло, и они желали полностью удостовериться в том, что злодеяние, совершенное далеко в горах и казавшееся почти невероятным, произошло на самом деле.

За всю свою жизнь люди не помнили случая, чтобы арестовали курдянку и заставили отвечать на вопросы

перед чужими мужчинами. «Позор! Лучше бы земля нас проглотила, чем увидеть такое!

— Гудела толпа и осыпала проклятиями виновника преступления.— Да будь проклят до седьмого колена род твой, Агит-ага!.. Чтоб не видела счастья твоя мать, злодей проклятый! Истоптал ты нашу честь, окаянный, оскрамил перед иноверцами, с грязью смешал нас!»
В последних рядах крестьяне, приподнимаясь на цыпочки, вытягивали шеи и с нетерпением ждали, когда же наконец распахнутся двери и глашатай огласит добрую или горестную весть. Но там, за дверью, все было глухо. Только несколько стражников, крепко сжимая в руках винтовки, размеренным шагом прохаживались то в одну, то в другую сторону и никого не подпускали на расстояние десяти шагов.

Вдруг дверь скрипнула, и на пороге появились несколько стражников. Пошептавшись о чем-то, они хихикнули и, оседлав коней, стремглав куда-то умчались.
Народ затрепетал и устремил взоры вслед удаляющимся всадникам. Брошенная кем-то вскользь фраза мгновенно была подхвачена и эхом облетела толпу:
— Теперь несдобровать семейству Али-аги, пришел конец его роду! Стражники поехали в Хараба-Дигор, чтоб арестовать его...

Это известие всполошило толпу: люди, как пчелы на весеннем пролете, сновали взад и вперед, сходились и ? расходились отдельными группами, шумели, кричали, '• словно спасались от наводнения.
И вдруг в эту минуту над головами пронесся чей-то крик:
— Люди! Амара Сымо и несчастного Ато ведут!..

По обе стороны от арестованных покачивались на конях жандармы. Время от времени они покрикивали на собравшуюся толпу, отгоняя людей от арестантов.
Вперед со связанными руками шел Амар, а за ним, еле волоча ноги, плелся Ато. Оба, покорно понуриив головы, не отрывали от земли печальных глаз. . Кто-то принес недобрую весть: арестовали старого Чачана Кало. Жандармы избили его до полусмерти, и родные не надеются уже увидеть его живым. За что арестовали этого почтенного старца, никто не знал.

— Что ж это такое творится?! — возмущались люди.— Да как у этих зверей руки еще не отсохли?! Постепенно нарастал гнев. В глазах толпившихся загорелись гневные огоньки. Ропот усиливался.
— Кровопийцы! Зачем старика арестовали? Разбойники!..
Стражники важно расхаживали перед дверями, не обращая внимания на бесновашуюся толпу, и лишь иногда, окинув их презрительным взглядом, самодовольно ухмылялись.
Но тихо! Дверь бесшумно отворилась, и вышла Гулизар.

Возгласы жалости и сочувствия послышались из толпы при виде девушки, на лице которой словно застыло выражение ужаса и растерянности; ее глаза точно спрашивали: за что над нею так глумятся? И вдруг лицо ее переконилось, она пронзительно вскрикнула и рухнула на землю.
Тотчас из дверей выбежал участковый лекарь, за ним, расплескивая воду в стакане, торопился один из стражников. Лекарь пощупал пульс девушки, затем крякнул, чтоб подошли ее родители, и успокаивающе сказал:

— Ничего страшного — простой обморок. Везите ее домой.
Люди стали предлагать свои услуги, кто-то пригнал арбу, запряженную двумя быками. Гулизар, бездыханную и бесчувственную, положили на арбу. Родители, вконец истерзанные горем, повезли свою дочь в Хараба-Дигор...
Как только темнота окутала землю, опустив свое черное покрывало на горы, поля, луга и дома, какой-то человек осторожно оглядываясь по сторонам, постучал в дверь дома Али-аги. Это был стражник, давний приятель семьи старого Амарики. Звали его Хачо.
Амарик, который все эти дни непрестанно молился, искренне обрадовался гостю.

Оп велел женщинам накрыть на стол, но Хачо жестом остановил его:
— Да расцветет твой очаг, ага! Благодарю за честь! Я к тебе на несколько минут, и, пока никто не пронюхал о моем приходе, пожалуйста, выслушай меня..
— Воля твоя,— не стал настаивать Амарик-ага и напряг слух.
— Так вот, ага,— начал стражник,— тебе уже известно, что полицейские и большой отряд солдат рыщут по всей округе, разыскивая Агит-агу. А сегодня утром по дороге в Сусыз они встретили двух женщин. Эги чертовки вмиг догадались, кого они ищут и, взяв с полицейских клятву не выдавать их, прикрыв лица платками, рассказали, что Агит-ага с похищенной девушкой скрывается у их односельчанина старика Чачана Кало.

И добавили, что похищенная девушка при смерти, не ест, не пьет, а только плачет по убитой сестре и оплакивает свою опозоренную честь, и если они не поторопятся, она наложит на себя руки. Не дослушав рассказ этих плутовок, полицейские как оголтелые бросились в Сусыз. Ворвались в дом старика Чачана Кало, перевернули все вверх дном, но Агит-агу так и не нашли. Только из-за стера вытащили насмерть перепуганную Гулизар. А она рассказала Садимову все как было. Что же касается Амара и Ато, тс они всю вину берут на себя...

— Да пойдет им впрок молоко их матерей,— прослезился старик.

— А старый Чачан — крепкий орешек,— продолжал свой рассказ Хачо.— Как ни пытали его, твердил одно: да, говорит им, гостил у меня Агит-ага, но только, где он теперь, мне неизвестно. Идут слухи, не выживет он, избили его сильно..

— Вай, да стану я жертвой за него! — простонал Лмарик-ага, сжимая кулаки.

— Слушай дальше...— сказал Хачо.— Под вечер в Сусыз послали отряд конных. Оцепили всю деревню, рыскали по псом домам, ни одного уголка не оставили уже, хотели вернуться. Преметил колодец, отодвинул крышку и видит: висит Агит-ага, еле держится за веревку. Вытащили его оттуда, связали по рукам и ногам и бросили в хлев. Я же, узнав об этом, не дожидаясь, пока его увезут в участок к Садимову, примчался известить тебя. Теперь остальное за тобой, ага! Приложи все силы, чтобы спасти сына, не то его ожидает Сибирь...

При слове «Сибирь» старый ага с отчаянием ударил себя в грудь и воскликнул:

— Ох, сынок мой несчастный! Зачем ты разрушил мой очаг? Дал бы ты своему отцу спокойно умереть!..

Голос его поднял весь дом. Прибежали перепуганные домочадцы и слуги. Но старик отослал всех и завел, чтобы никто к нему не входил. Он остался один, наедине со своим горем...

На следующий день старик Амарик и его сын Али-ага вернулись из армянского Дигора поздно вечером. От долгой тряски в седле они изрядно устали, но в глазах их светилась надежда.

Отец и сын вошли в ода, поздоровались с собравшимися родственниками и главами родов, которые с самого утра беспокойно ждали их возвращения, и прошли к своим местам. Каждый из присутствовавших искренне готов был помочь своему аге спасти сына — ведь подобное могло приключиться со всяким.

Амарик-ага окинул народ приветливым взглядом и неторопливо сказал:

— Почтеннейшие главы родов племени сипки! По вашим глазам вижу, как не терпится вам услышать о нашей поездке в Дигор.

— Господь говорит твоими устами,—раздались возгласы.

— Так вот, братья и сыны мои! Говорил я в Дигоре со всеми русским и чиновниками — и Захаровым, и уездным прокурором Кондаковым, и с Садимовым. Прощупал каждого и понял...

— Понял, что каждому нужно дать в лапу, да? — докончил его мысль Окыз Мамо.

— Вот именно, друг мой,— ответил Лмарик-ага.— Они падки на взятки, как мухи па мед.

Вновь вмешался Окыз:

— Амарик-ага, мы собрались здесь, чтобы каждый по мере своего достатка и возможности помог тебе в трудную минуту. Считай, что Агит-ага не только тебе сын, но и нам. Пока в нашей груди бьется сердце, мы готовы на все, чтобы помочь тебе. Говори, сколько надо, Лмарик-ага. За нами дело не станет.

— Истинны слова твои, Окыз! — одобрил такое ре-пение сидящий рядом с ним седобородый старец.— Да что тут говорить — надо спасать Агит-агу и тех двоих ребят. Амарик, сколько скажет твой язык, столько и дадим. Бог свидетель, мы тебя не подведем. Дадим им — только бы освободили ребят...

Говорили еще долго. Никто не хотел оставаться в тени, и каждый высказывал старому Амариду свою готовность прийти на помощь. Амарик-ага был растроган до слез такой бескорыстной преданностью своих соплеменников. Наконец, переборов волнение, он смахнул широким рукавом бешмета слезу и со старческой хрипотцой произнес:

— Сыны мои, светлого века вам, хвала и честь! Спасибо вашим матерям, что родили достойных племени сипки сыновей! Сейчас, когда вы так горячо поддержали меня, казалось, клянусь святыней шейха, что мой Агит находится дома и никакая беда не грозит ему. То, что вы говорили, зерно, мне нечего добавить...

У властей пасть что жернова, сколько бы ты пи подкидывал — все перемелет, сожрет. А не дашь — навалятся, как медведь, и придушат. Но дело не только во властях. Надо будет найти тропочку и к сердцу асынийцев. Захаров вот что мне сказал; «Ага говорит, из уважения к тебе я бы хоть сейчас же выпустил Агита, да только асынийцы поднялись, требуют наказать его по закону. Вот если бы потерпевший был человек вашего племени, я бы вызвал его, припугнул, и все было бы шито-крыто. Но ты не отчаивайся, я сделаю все, что в моих силах.

Надо только девушку уговорить, чтобы во время суда она отказалась от своих прежних показаний...» То же самое, слово в слово, мне сказали прокурор и судья, точно они заранее сговорились. От них я завернул к Садимову. Он уверовал меня не тревожиться, говорит, прокурор и судья смотрят на твою щедрую руку, надо только «подмазать колеса», а все остальное я беру на себя...

— Довольно об этом говорить, Амарик-ага,— сказал староста деревни Козылджа, — все ясно как день. Я сейчас же отправлюсь в свою деревню, постараюсь с каждого двора что-нибудь да взять — овцу, деньги) все равно..

— Дай бог тебе здоровья! — сказал пир Касо.— Если с каждого двора — изрядно получится!..

То же самое решили сделать остальные главы родов.

— А теперь, братья, торопиться надо,— тяжело поднимаясь с места, произнес глава рода чохраши,— к утру баранту уже надо пригнать сюда. К тому же надо успеть выделить долю Фархан-аге и Джавзо-беку и кое-что подкинуть Усо — за кровь его дочери.

— Оно все верно, — вмешался Басо из Яманчаира и, прищурившись, с сомнением прибавил: — Только боюсь, Фархан-ага и Джавзо-бек не пойдут на примирение и отвергнут наши приношения...

— Не отчаивайся, уважаемый,— сказал пир Касо,— уж коль скоро мы нашли доступ к сердцам иноверцев, так своих единокровцев и подавно уговорим. К асынийцам с подарками я сам пойду.

— Да не жить нам на этом свете без твоей мудрости, мой пир,— отозвался Амарик-ага и обратился к остальным:—Да продлятся дни ваши, родные мои! Не буду вас больше задерживать. Но вот о чем я подумал: :Надо бы с вами послать кого-нибудь из женщин. Чужих асынийцы могут и не принять, а прогнать женщину они не осмелятся... В крайнем случае, возьмите с собой красный женский платок... Остальных прошу завтра к вечеру быть здесь. Надо будет успеть повидаться с русскими чиновниками, да и дочку Усо надо перестроить на иной лад...

— А что она должна будет говорить на суде? — спросил вдруг Окыз Мамо.

— Что? — Амарик-ага растерялся.— Я думаю, это нужно согласовать с Фархан-агой, чтоб не было потом лишних обид. Если они примут мир, то уговорить девушку для них не составит труда. Наконец, Фархан-ага может надавить на ее отца.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VI

— А я вот что думаю, — предложил Окыз, — поговорим с самим Усо, пусть он перестроит дочь и заставит ее сказать, что, мол, она по велению своего сердца бежала с Агитом. А с Фархан-агой не надо вообще заговаривать об этом. Как бы хуже не вышло...

— О-о-о, Окыз, ради памяти твоего отца прошу, но запутывай ты нас,— раздраженно прервал его пир Касо,— не тебя же посылают к Фархаи-аге. А уж мы, не беспокойся, без твоих советов найдем способ уломать девушку. И еще заставим ее сказать, что она сама видела, как сестра ее споткнулась о камень и разбила себе голову. Таким образом, сестру се никто и не убивал...

— Э, святой отец, так и поверят люди твоей чепухе,—съязвил Окыз,—да она ни за что не скажет такое, не осквернит память сестры.,.

— Не забывайся, мирянин! — как ужаленным вскочил па ноги пир Касо.— Помни, с кем говорить! Не тебе ведь улаживать дело! Не скажет это, так придумаем что-нибудь другое. Ты лучше объяви, что вносишь в общий котел. Л остальное уже наша забота...

Лицо Окыза покрылось багровыми пятнами, он , весь кипел от гнева. Но благоразумие взяло верх. Он прекрасно знал, что словопрения с духовным лицом могут принести ему неприятности. Окыз угрюмо замолчал.

Обсудив все, присутствовавшие поднялись, попрощались с Амариком , пожелали друг другу удачи и разъехались по своим деревням.

Когда все гости ушли, Амарик-ага весело посмотрел па своего сына и сказал:

— Не терзайся, сын мой! Не пройдет и педели, как твой брат Агит будет дома. Не будь я Амарик-ага, если не вызволю своего сына из неволи. Двое вас у меня, из-за вас я готов хоть броситься в пасть тигру... А пир Касо — молодец! Поделом осадил этого Окыза.

— Так-то оно так, а с Садимовым как думаешь сладить? Он прожорлив как голодный волк, сколько ни давай, а ему все мало.

— Э, сынок! Опора человека — его племя! Теперь Садимой не так страшен. И его умаслим, чтоб заткнулся.

— Да буду я жертвой за тебя, отец! Твоя мудрость беспредельна,— взволнованно ответил Алу-ага.

— Не приведи господь, сынок, пусть лучше я буду жертвой у твоих ног,— расчувствовался старый Амарик-ага.—Вы моя надежда и отрада! А ты не печалься, беда — такой гость, что к каждому может завернуть. Но человеку благороднее умереть, чем запятнать свое имя и честь! —И, подняв глаза к дымовому отверстию колаку, откуда виднелись бледно мерцающие на небе звезды, старый Амарик замолчал...

Наступило время кочевья, и асынийцы всем племенем раскрыли шатры на склонах горы Сима к. Летние стойбища — эйлаги — были разбиты на отдельные участки, отведенные для каждого рода или общины.

Со склонов гор неслись бляение овец, мычание коров, ржание скакунов, ленивый лай дозорных собак — овчарок-володавов, доносились мелодичные звуки свирели. Пустынные горы наполнились голосами людей. Стекавшие с гор ручьи с веселым журчаньем сбегались в низовьях в единый могучий поток. Склоны гор оделись в красочный ковер цветущих трав, радующих глаза своим великолепием. А горный воздух! Словно выполосканный в родниковой воде горы Синак — ни пылинки в нем, чистый, прохладный...

Повсюду в высокой траве альпийских лугов притаились птичьи гнездышки — неловкий шаг и можно стать виновником гибели еще не вылупившихся птенцов. Дивно хорошо кругом и хочется запеть, прославляя земную красоту. Но красота полна своих звуков: ласкает слух птичье пение, стрекот цикад, звонкое журчанье ручейка. Смех и лучезарные улыбки юных курдюков оттеняют своим очарованием принарядившиеся в весенние краски горы.

А вечерами... вечерами па склоны гор из ущелий медленно выползали тени, опоясывая их черным бархатом; прохладный ветерок шелестел в траве, трепал цветы и разносил над горными тропами острый аромат мяты; то тут, то там перед шатрами разжигались жаркие костры, и старики с таким пылом рассказывали истории о не ведавших страха героях, что слушатели трепетали от восторга и гордости... Где-то в стороне раздавался призывный звук зурны и грохот барабана, сплетаясь с нежными голосами Девушек, Поющих народные песни.

Молодежь, истая кругом, касаясь плечами, волнообразно покачивалась в танце. В восхищенных взглядах стариков, наблюдавших за ними, поблескивал тусклый отголосок былой молодости, и некоторые из них под хохот неугомонных ребятишек присоединялись к танцующим, неуклюже передвигаясь слабыми ногами. Эх, неописуемы летние вечера на эйлагах: кругом шум и гам, песни и пляски, игры и хохот...

Но постой, тише... Со стороны загона доносится чарующий голос молодого пастуха. Послушай, как поет влюбленный юноша, как плачет и томится по возлюбленной его песня. Он старается очаровать избранницу своего сердца, заставляет плакать луга и горы в сладостной истоме. Щемящая душу грусть слышится в его песне. Кто та девушка, по которой страдает его сердце? И знает ли она, что песня обращена к ней, зовет ее, что этим вечером она стала избранницей тоскующего сердца юноши, голос которого то нежно журчит, то надрыдается плачем?..

Красавица моя, роза моя! Сердце мое остается с тобой, Как цветы на склонах гор. Ох, если бы я знал, Чьими станут твои глаза, Твой тонкий, тополиный стан, Я бы позавидовал ему...

В один из теплых вечеров в накурном шатре главы асынийцев Фархан-аги, где обычно вершились судьбы племени и принимались важные гости, проходил совет старейшин. Среди глав родов и знатных людей племени находились и посланцы сипкийцев пир Касо, Сынджо и Керо.

После натянутых, с трудом выдавливаемых из себя приветствий асынийцы обратили взоры на предводителя. Фархаи-ага, полным достоинства и самоуважения, начал свою речь

- Уважаемые главы родов. Я не буду испытывать ваше терпение, рассказывая о той печальной истории, которая произошла с нашим несчастным Усо, Вы и без меня все хороню знаете. Сейчас мы будем говорить о другом. Мы должны решить - примем или нет условия перемирия, предлагаемые племенем сипки. В толпе асынийцем! послышался гневный ропот. И Фархан-ага мановением руки потребовал молчания.

— Я понимаю ваше возмущение и разделяю его. Но нам нужно быть мудрыми. Кровавопролитием и враждой мы не вернем Усо его погибшей дочери и не восстановим опозоренную честь другой. Нужно помнить и о другом: мы не в Турции, где подобное только поощрялось бы властями. Русские не позволят нам начать войну друг с другом. Вот почему я предлагаю пойти на мир с сипкийцами...

— Нет, условия сипкийцев не могут быть приняты! — резко отрезал Джавзо-бек. — Опозорена честь моего дома, славное имя моего сына. Ты как хочешь, Фархан-ага, а я не пойду на это гнусное и унижительное перемирие.

Тут поднялась буря.

Фархан-ага с трудом установил спокойствие. Пир Касо, опустив голову и закрыв глаза, ждал, чтобы шум затих. Выбрав минуту, он сжал руки, важно поднял их, еще ниже нагнул голову, с трудом наклонил свое грузное тело; затем широким жестом развел руками, выпрямился и чуть не плача взмолился:

— Уважь мои седины, достопочтенный Джавзо-бек! Я проделал долгий путь, чтобы донести до вас просьбу всего племени сипкийского, заставившего меня щедрыми дарами смягчить ваши израненные сердца. Ты и кое-кто еще не хотите принять мира. Вы хотите вражды. Но ты прекрасно знаешь, Джавзо-бек, что это значит; Это насилие, это резня, это кровь невинных! Ты этого хочешь, Джавзо-бек?

Джавзо-бек, сидевший рядом с Фархан-агой, слушал речь пира Касо, опустив голову, подергивая нервными пальцами пышные усы и бросая быстрые взгляды по сторонам.

Пир Касо вытер пот с разгоряченного лица и сел. Слово взял Усо -бек:

— Достопочтенные, выслушайте меня! — заговорил он громким голосом, и его лицо исказилось больше от огорчения, чем от негодования. — Агит-ага совершил ужасное преступление, и бог отомстит ему и его потомству. Но пир Касо прав. Вражда между племенами косит нас как чума. Одумайся, Джавзо-бек!

Послушайся голоса разума. Сипкийцы уважили нашу честь, пришли к нам с миром, и мы не должны их отвергать. Беда постигла дом Усо — нам следует подумать о том, как найти доступ к его сердцу.

— Да, да, мой бек, — поддержал его пир Касо. — Фархан-ага, я что-то не вижу здесь Усо Адыла.

— Не тревожься, пир. Мы сами с ним поговорим, — отозвался Фархан-ага.

— Не осуди, Фархан-ага, но Амарик-ага наказал мне самому поговорить с Усо, — смиренно проговорил пир Касо.

— Кашанг! — крикнул Фархан-ага одному из юношей. — Сбегай к загону, позови сюда Усо Адыла.

— Так какое будет твое последнее слово, Джавзо-бек? — не унимался пир Касо, видя, что дело принимает счастливый для сипкийцев оборот.

— Хитер ты, пир Касо. Ты ведь хорошо знаешь, что я не пойду против решения племени, — буркнул Джавзо-бек.

— Дай бог тебе здоровья и да сохранит он в тебе смирение и кротость! — подкупающе воскликнул пир Касо, Джавзо-бек угрюмо посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Братья асынийцы, почтеннейшие Фархан-ага, Узо-бек, Джавзо-бек! — хитро начал пир Касо. — Да будет вам впрок молоко ваших матерей! Я благодарю вас от имени Амарик-аги и от имени всего племени. Вовек не

забудем вашего благородства и величия души. И если бы не горе, постигшее Усо, я бы попросил Фархап-агу позвать песнопевца, дабы скрепить наш мир песней о доблести и мудрости нашего народа.

— Пусть наш Эло расскажет нам какую-нибудь историю, пока прибудет Усо, — кивнув па одного из собравшихся, сказал Фархан-ага.

— Я твой покорный слуга, мой ага,— с готовностью отозвался тот, кого звали Эло, и спросил:— Может, рассказать историю племени алыка?

— Да, да!—дал свое согласие ага, усевшись поудобнее.— Именно про это и расскажи.

Эло, пропустив сквозь пальцы пару костяшек четок, глубоко вздохнул и начал:

— Некогда в далеком прошлом в уезд Касур, что находится в Муше, входили тридцать восемь деревень курдов-езидов.

Главой всех этих деревень был некий Кото.

И вот как-то зимой один мулла, взяв с собой двух проповедников, прибыл в деревню, где жил Кото, с целью превратить их в мусульман. По дороге он говорил своим спутникам: «Эти нечестивцы езиды народ крепколобий, никак не хотят встать на путь праведный, отвергают священный ислам. Но, может, на сей раз нам с помощью аллаха удастся наставить их на путь истинный».

Однако, погостив в деревне день-второй и увидев, что их старания напрасны, мулла и его спутники рассердились и прокляли хлеб-соль Кото. Возмущенные жители деревни хотели убить их, но Кото не позволил им нарушить законы гостеприимства и с миром отпустил гостей. И как вы думаете, чем отплатил ему вероломный мулла? Он спрятал в стере Коран, на котором что-то заранее написал. Весной племянник Кото обнаружил этот Коран и решил продать его в Битлисе какому-нибудь турку. Недолго думая, он отправился в путь. В Битлисе он зашел в мечеть и предложил там Коран верховному мулле. Мулла повертел в руках замусоленный Коран, перелистал страницы и обнаружил запись.

Несчастливого парня схватили. Оказалось, что тот поганец написал: «Пусть знают власти ислама, что езиды уезда Касур этой ночью хотят убить меня и двух проповедников верных слуг аллаха». Власти давно точили зуб на езидов, но не было подходящего случая, чтобы начать кровавое побоище. И тут вдруг подвернулся такой подходящий повод. Поручили они это черное дело верховному духовенству. Получив благословение своих мулл, разъяренные мусульмане с винтовками, топорами, косами, дубинками двинулись в Касур. Они врывались в дома, уничтожая всех — от мала до велика. Касур сровнялся с землей. Так было уничтожено огромное, некогда могущественное племя,— закончил свой печальный рассказ Эло.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VI

Слушатели горестно вздохнули. Кто-то попытался о чем-то спросить Эло, но тут раскрылся полог шатра, и вошел Усо Адыл.

— Мир дому сему и блага собравшемуся народу,— тихо поздоровался он.

— Добро пожаловать! Проходи, садись рядом со мной,— приветливо встретил его Фархан-ага.— Брат мой Усо! Ты своими глазами видел, сколько воинов прислал я, когда узнал о постигшем тебя несчастье. И клянусь честью, если бы не русские, сейчас на месте Хара-ба-Дигора печально бы выл ветер. Мои воины сровняли бы с землей пристанище Али-аги. Никто не смеет посягнуть на честь нашего племени,— сказал он многозначительно и посмотрел на сипкийцев.

— Но в эту минуту перед тобой сидят достопочтенные пир Касо, Керо и Сынджо — посланцы Амарик-аги. Принесли они с собой женский головной платок для смягчения наших сердец и просят меня помочь им освободить их парней из неволи. И тебя они просят, мой Усо, забыть обиды, простить им грех Агит-агн. Да и не скупятся люди на щедрые приношения, дабы смягчить твою боль и обиду. Друг мой, они совершили дурное, но давай мы будем выше своих обид. Подумай, Усо. Я знаю, ты благороден и добр и поэтому примешь правильное решение. Представь, что и противном случае война между паян неизбежна.

И к крови твоей дочери прибавится кровь сотен, тысяч невинных...

— Понимаю, ага,— ело выдавил из себя Усо, горе и обида душили его,— но что ты советуешь, ага?

— Гулизар должна отказаться от своих прежних слов.

— А что она должна сказать?

— Она должна сказать, что сама бежала с Агит-«гой». — Фархан-ага не отрывал взгляда от Усо.

— Что скажут люди, ага?! — испуганно вскрикнул Усо. — Выходит, она сама должна пригвоздить себя к позорному столбу? Так я понял, ага?..

— Брат мой, — степенно, но с оттенком раздражения ответил Фархан-ага и закрутил ус привычным жестом,— неужто ты ставишь свою честь выше достоинства и благополучия всего племени? По-твоему, я ничего не смыслю в жизни, раз предлагаю тебе такое?..

— Господин, целую землю у твоих ног,— смиренно сказал Усо, понимая, что перечить бесполезно,— прости, если что не так сказал... Горе помutilо мой рассудок. Да разве я смею перечить твоему слову. Тебе виднее,

мой ага...

— Светлого века тебе, Усо! — раздалися слова пира Касо. — Я рад, что мы договорились с тобой.

— Да, да,— скорбно произнес Усо и, как бы очнувшись, спросил:—А что же она об убитой своей сестре скажет? — Да что ты, Усо, в самом деле! — сердито вмешался один из приближенных аги. — Сам, что ли, по можешь догадаться? Пусть Гулизар скажет, что Гаваз пустилась им вдогонку и разбилась о камень или же свалилась в пропасть. Джавзо-бек не меньше тебя оскорблен, и то соглашается на перемирие, так ты что же его подводишь?

— Пойду вразумлю дочь,— голос Усо прозвучал еще печальней,— передам ей все, слово в слово...

— Да, мой Усо, постарайся вразумить ее. Твои обидчики оказались людьми благородными — приготовили тебе щедрый подарок,— умиротворенно отозвался Фархан-ага и обратился к юноше по имени Кашан: — Сынок, тех овец, что отобраны, погонишь в отару Усо.

— Слушаюсь, ага.— Юноша тотчас выбежал из шатра.

— Да не оскудеет рука твоя, Фархан-ага, — вставая со своего места, проговорил пир Касо,— а теперь разреши нам откланяться. А то Амарик-ага там, наверное, терзается в ожидании...

— Не смею задерживать вас, святой отец,— ответил Фархан-ага,— а Амарику передай, что, как только Аги-та выпустят, свадьбу сыграем честь честью. Не станем ведь мы мешать влюбленным соединить свои сердца.— И он, довольный своим благородством, подмигнул побледневшему Усо.

Все улыгнулись.

— Что за разговор, ага! — в один голос воскликнули Керо и Сынджо. — На радость нашим глазам твой приход... Только бы Агит-ага благополучно вернулся домой, а там подарочек с нас, ага! Мы — сыр, ты — нож, какой кусок будет мил твоему сердцу, тот и режь. Племя сипки в долгу перед тобой не останется, не осрамится... Посланцы Амарик-аги поклонились асинийцам, сели на коней и помчались в Хараба-Дигор, неся своему племени добрую весть.

Было уже поздно, и Усо Адыл остался ночевать у своего дальнего родственника Фако.

Утром, чуть свет, он встал, умылся, взял в руки свой посох и собрался было пуститься в дорогу, как Фако остановил его:

— Погоди, а подарочек-то забыл...

— Какой подарочек? — с недоумением спросил Усо.

— Тот, который своей щедрой рукой выделил тебе из огромной отары, пригнанной сюда сипкийцами, наш мудрый и добрый Фархан-ага, — не скрывая горечи и гнева, ответил Фако и окликнул невестку: — Заре, доченька, пригони-ка сюда тех овец.

«Подарочек» состоял из овцы, одного ягненка, двух коз, одного барана и ярки.

— По мнению Фархан-аги, этого достаточно, чтобы ты забыл о своем горе, а остальное он присовокупит к своей несметной отаре! Да, дешево оценил наш мудрейший ага кровь Гаваз и честь Гулизар! — с возмущением продолжал Фако.

Кровь ударила в голову Усо, перед глазами почернело, вспомнился совет у Фархан-аги, и несчастный в порыве гнева схватился за рукоятку кинжала.

— Продад, продад ага недругам кровь и честь моих дочерей,— простонал Усо. Захотелось броситься на землю, выть, рвать на себе волосы. Усо еще яростнее сжал кинжал.

— Не дури, Усо, подави гнев,— с сочувствием произнес Фако,— ты хочешь подвергнуть гибели весь наш род? Не забывай, Фархан-ага из тех людей, что сгубит — и глазом не моргнет. Руку, которую невозможно укусить, приходится целовать, несчастного Усо будто обдали ушатом ледяной воды, он весь как-то съежился, сник и стал похож на немощного старца.

— О, будь ты проклята, доля бедняцкая! — завопил он.— О боже! Как все глумятся надо мной! Будь неладен тот день, когда мать меня на свет божий явила! Как же теперь мне быть? Не лучше ли умереть?

— Ничего не подлаешь, брат, мужайся! Видно, так на роду у нас, бедняков, написано — терпеть все тяготы жизни... А эти аги — все они из одного теста...

Погнав впереди себя овец, Фако взял Усо за плечи, и они медленно двинулись по направлению к роднику Бызмар, где раскинулся летний поселок, в котором жил Усо. По дороге Фако что-то говорил, но Усо, обуреваемый тяжелыми думами, ничего не слышал. Сердце рвалось на части. Изредка он поднимал к небу глаза и что-то шептал — то ли молитву, то ли проклятия.

Он шел, крепко сжав кулаки и отрешенно уставившись в землю, и лишь иногда покрякивал по привычке на идущих впереди овец. Не доходя до родника, Фако попрощался с Усо и повернул обратно. Оставшись один, Усо уже не смог удержаться и стал тихо плакать, находя какое-то горькое наслаждение в своем горе. Но молчание вокруг было таким глубоким, что постепенно он почувствовал, как все в нем замирает. Усо сел на камень. Он стал каким-то внутренне опустошенным. И лишь где-то, в глухих закоулках сознания, билась мысль о том, что же он скажет своей жене и Гулизар. «Не за грош продался»,—проговорил он тихо и посмотрел в сторону поселка. Отсюда уже видны были остроконечные верхушки шатров.

Уставшие овцы, увидев, что их больше никто не тревожит, мирно улеглись на траве. А Усо все не двигался. Сколько времени он так просидел, он не знал. Из состояния оцепенения его вывел гром. Закапал дождь. Усо поднял к небу вопрошающее лицо.

Из туч, разорванное края которых вдруг затрепетали от пробившей их молнии, хлынул холодный колючий дождь. Расщелины на крутых горных склонах превратились в бурные потоки, сметавшие все на своем пути.

Усо с ног до головы перепачкался и насквозь промок под дождем, зато теперь ему не надо было думать, как укрыться от осуждающих взглядов соседей, и, шлепая по лужам, он погнался сбившихся в кучу овец в сторону своего шатра.

— О боже! Да ослепнуть мне, что же это с тобой произошло — на тебе лица пет! — вскрикнула жена Усо.
— Помолчи! — через силу буркнул Усо и добавил: — Пойди загони скотину в загон.

У бедной женщины глаза растерянно забегали по сторонам, но, зная суровый нрав мужа, она ничего больше не спросила и молча выбежала под дождь. Загнала овец и опрометью вбежала обратно в шатер, стряхивая воду с платья. Молча подошла к мужу и стала стаскивать с него промокшую обувь и одежду. Она сердцем чувствовала, что случилось что-то недоброе, но не надоедала мужу назойливостью — ждала, что он все сам расскажет.

Молчала и Гулизар. Волнение матери передалось и ей. Какое еще несчастье могло обрушиться на них? Не много ли? И так господь покарал их неизвестно за что.

Сквозь промокшую ткань шатра стала просачиваться вода. Тяжелые капли монотонно падали на землю. Было холодно и зябко.

Гулизар попробовала развести огонь, но ничего у нее не получилось — отсыревший кизяк не разжигался. От отчаяния она не знала, что делать. И тут раздался голос Усо:

— Разместила овец?
— Да. А чьи они? — нерешительно спросила жена.

Господь бог наградил меня такой дочерью, что до скончания своего века я буду как тяжелое бремя нести свое отцовство, — мрачно изрек Усо и бросил на съезжившуюся Гулизар гневный взгляд.

— Да в своем ли ты уме, старый? — заступилась жена за Гулизар. — Что же произошло?

Ага велел, чтоб Гулизар изменила свои показания.

— Как изменила?

Теперь она должна будет сказать, мол, добровольно бежала с этим сукиным сыном.

— Что-о-о!!! — не веря своим ушам, закричала жена Усо.

— Али-ага и его отец послали к Фархан-аге своих людей с богатыми дарами, и они помирились. А чтобы мы пошли у них на поводу, заткнул мне рот парой овец.

— Ах, вот откуда эти овцы, — усмехнулась несчастная мать Гулизар, — как же мы будем людям в глаза смотреть? О Усо, чтоб не видеть тебе света белого! Зачем ты носишь усы, не лучше ли тебе умереть, чем терпеть такое унижение? — и она с остервенением стала бить себя по голове.

Застывшая в углу Гулизар со страхом в глазах смотрела на родителей. Жестокий, гневный взгляд отца, брошенный на нее, внезапно напомнил ей злосчастный случай в горах, весь ужас пережитых ею дней. Ее несчастья ранили ее не так остро, как этот ненавидящий взгляд отца. «Уж лучше бы ты умерла!» — ясно прочла она в нем.

Она не смогла даже заплакать.

Дождь прошел, но тяжелые капли еще долго свинцово шлепались о землю, нарушая гнетущее молчание, царившее в шатре Усо Адыла.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VI

ГУЛИЗАР

Прошло несколько дней, в течение которых Гулизар не находила себе места. По утрам, когда она уходила к роднику за водой, она не торопилась вернуться домой. Подолгу сидела на сырой от росы земле и предавалась горестным раздумьям.

Взгляд отца клинком врезался в ее душу, и все заботы, и внимание, и ласки, которыми мать окружала ее, не могли отогреть ее измученное сердце. Она корила себя за то, что стала причиной гибели сестры и несчастий близких. А теперь ее ждет еще одно наказание — суд! Она должна будет при огромном скоплении народа рассказать о позоре, загубившем ее судьбу и доброе имя. Гулизар трепетала от одной мысли, что теперь по воле грозных Фархап-аги и Али-аги должна навлечь на себя еще больший позор.

Ей хотелось наложить на себя руки, но не хватало сил и смелости. Было жаль горемычную мать. Тешила только надежда, что ее не вызовут на суд, что все уладится без нее. Но надежда эта оказалась напрасной. Однажды явился слуга Фархан-аги и сказал, что нужно ехать в Каре, где не сегодня-завтра состоится суд. А потом пожаловал сам Джавзо-бек.

— Усо,— обратился он к мрачно молчавшему отцу Гулизар, — потерянного не возвратить. Судьба каждого predeterminedена всевышним. Я надеюсь, ты и с забыл наш уговор насчет Гулизар...— Но, встретив суровый, осуждающий взгляд жены Усо, он замолчал и, не проронив больше ни одного слова, удалился.

В эту ночь никто из членов семьи Усо не спал, так как рано утром Гулизар и отец ее должны были выехать в Каре.

Зайне — так звали жену Усо — занималась последними приготовлениями к отъезду. Положила в переметную суму лаваш, сыр, небольшой кувшин с кислым молоком и кое-какие необходимые вещи. Каким горем был для нее этот отъезд дочери и мужа! Она молча плакала. За какой-то месяц рухнуло все... Погибла ее дочь, ее любимая Гаваз. Старшая, красавица Гулизар, гордость матери, теперь так опозорена перед людьми, что вряд ли когда-нибудь будет счастлива...

Зайне все больше тревожилась, думая об этом проклятом суде, где ее любимое дитя должно было предстать перед суровыми властями, да к тому же подкупленными золотом Али-аги...

Они бежали из Хараба-Дигора в надежде найти поддержку в родном племени, но надежда эта развеялась в прах после примирения Фархан-аги с домом Ама-рика.

Она подняла голову, чтобы посмотреть на дочь и мужа, увидела слезы в глазах Гулизар и, не выдержав, зарыдала.

— Дочь моя! Дочь моя! — беззвучно стенала она. Усо безмолвно оседлал лошадь. Время было ехать.

Зайне подняла глаза, полные слез, к небу, где, как ей казалось, должен был быть бог. Но в глубокой тишине лишь догорали последние звезды...

На скамье подсудимых Гулизар увидела Агит-агу, Амара и Ато. На какое-то мгновение глаза ее встретились с глазами Агита. Мороз прошел по телу Гулизар, она вздрогнула и в растерянности оглянулась вокруг. Голос мирового, судьи вывел ее из состояния оцепенения:

— Обвиняемый Агит-ага, вы признаете себя виновным в насильственном похищении девицы Гулизар, дочери Усо Адыла, и убийстве ее сестры?

Агит-ага встал:

— Нет! Гулизар по собственному желанию бежала со мной. Между нами все было заранее оговорено. Еще задолго до похищения я и Гулизар назначили день и место встречи, откуда мы должны были вместе в бежать в Бешклис.

Тот же самый вопрос судья задал Амару и Ато. И они оба подтвердили слова Агит-аги.

Снова вопрос Агиту:

— Обвиняемый Агит-ага, первоначально вы утверждали, что похитили девицу Гулизар и убили ее сестру Гаваз. Теперь же вы отрицаете собственные показания. Когда же вы были правы?

— Сейчас, ваша честь! Я боялся, что мне все равно не поверят, и поэтому я решил все свалить на себя, чтобы оградить от последствий своих друзей и Гулизар. Но теперь, когда мои товарищи арестованы, а Гулизар все равно предстала перед судом, я считаю, что должен сказать правду.

Судья усмехнулся.

— А что скажете вы, Гулизар, дочь Усо Адыла? Гулизар встрепелась. Руки и ноги ее похолодели, а кровь бросилась в лицо. На глаза навернулись слезы. От стыда она готова была сквозь землю провалиться. Взгляды всех присутствующих скрестились на ней.

— Господин,— глотая слезы, еле прошептала она,— я умоляю вас, отпустите меня домой. Не место мне находиться здесь. Это дело мужчин, пощадите меня, господин!.. Отпустите!..

— Пострадавшая Гулизар, мы должны выслушать ваши показания с тем, чтобы на основании этого вынести приговор. Потрудитесь успокоиться и взять себя в руки. Расскажите суду вес, как было.

Гулизар молчала. И это начинало выводить из себя судью.

— Пострадавшая Гулизар,— голос мирового прозвучал угрожающе,— правда ли, что вы добровольно бежали с обвиняемым Агит-агой?

— Да! — В голове Гулизар звучали отрешенность и покорность судьбе.

- Следовательно, вы были влюблены в Агит-агу и поэтому решили бежать с ним?

- Что? — словно очнулась Гулизар. Судья повторил свой вопрос.

Глазами, полными ужаса, Гулизар смотрела на судью. «Что им нужно, этим людям, от меня? Неужели им недостаточно моих страданий?» Она снова взмолилась: Господин, отпустите меня! Бога ради, отпустите! Вы должны четко ответить на мой вопрос,— раздраженно сказал судья,— находились ли вы в любовной связи с Агит-агой и существовала ли между вами договоренность о побеге?

Гулизар опустила глаза. Ложь сжигала ей сердце. И вдруг она резко вскинула голову и прямо посмотрела в глаза судьи.

- Мое сердце никогда не тянулось к Агит-аге,— отчетливо раздался ее голос.

Присяжные заерзали на своих местах.

-- Расскажите нам подробно все, как было,— снова обратился к ней судья. Гулизар посмотрела на Агита, потом на судью, на присяжных заседателей. В душе у нее шла острая борьба. Но потом она решительно начала рассказывать.

— Случилось это после моего обручения, когда я уже стала нареченной сына Джавзо-бека. Как-то в самом начале весны к нам пришла шептуха Гуле и сказала мне, что Агит-ага давно томится от любви ко мне и со дня моей помолвки тяжело захворал и слег. Я тогда рассердилась и сказала шептухе, что пусть Агит-ага и не надеется, я уже обручена, и вот-вот должна состояться моя свадьба с сыном Джавзо-бека.

Пусть луч не он выкинет меня из головы и не пытается возводить камни па пути моего счастья, Но шептуха не унималась, сказала, мол, Агит-ага хочет просто встретиться со мной с глазу на глаз, хочет сказать мне несколько слов, чтобы отвести душу. Я немного испугалась. Думала, если не встречу с ним, бог знает, что он потом может натворить сгоряча — ночью проберется к нам, запрет отца и похитит меня. С другой стороны, бог свидетель, мне его стало жаль. Откуда же я, неразумная голова, могла знать, что надо мной сгустились черные тучи?..

Прошло какое-то время. Я и позабыла о разговоре с шептухой и о своем опрометчивом согласии. А однажды на рассвете мы с сестрой отправились к Медвежьей берлоге собирать травы. Тут-то и появился Агит-ага с Амаром и Ато. Гаваз очень испугалась, я же, поправ наши обычаи не заговаривать с мужчинами, крикнула ему: «Говори, что ты хотел мне сказать!» В эту минуту он как безумец впился в меня глазами и сказал: «Мне нечего тебе сказать, я приехал, чтобы похитить тебя, моя бесценная Гулизар». Я тогда схватила с земли камень и испуганно закричала: «Только посмей до меня дотронуться, безбожник! Я разможу тебе голову!

Ты хочешь растоптать законы наших отцов и дедов!» Но не успела я опомниться, как он набросился на меня и кинул поперек своего коня. Увидев такое, моя бедная сестра Гаваз стала кричать, звать люден на помощь и, вырвавшись из рук тех двоих злодеев, метнулась в мою сторону. Но тут опять к ней подскочили те двое. Она схватилась за стремя коня одного из них, но кони рванули. Тело Гаваз, подобно веревке, тащилось по земле, ударялось о камни... Больше я ничего не видела. Что случилось дальше, я не знаю... Тут Гулизар на минуту замолкла. Во рту у нее пересохло, сердце бешено билось и готово было вырваться из груди.

Она посмотрела на недовольно сморщившееся лицо судьи, перевела с него взгляд на съжившегося Агит-агу и добавила:

— Вот так и было, господин. Если б я задумала с ним бежать, я бы не взяла с собой свою сестру и не стала виновницей ее смерти. Я рассказала все... Гулизар громко зарыдала.

Потом судья выслушал обвинительную речь прокурора. После его выступления присяжные заседатели, недовольные неудачным поворотом дела, удалились на совещание... До полуночи Зайне и Усо провели возле мечущейся в бреду Гулизар. Смачивали холодной водой ее запекшиеся губы, растирали ее стынущие руки и ноги. В полночь страдальца затихла и, открыв глаза, увидела склонившихся над собой мать и отца.

— Отец... отец,— позвала она, протянув к Усо руки. Из глаз ее потекли слезы. — Отец, иначе не могла... Когда судья задавал мне вопросы, я вспомнила твой взгляд. Отец, прости, но я не могла опорочить свое имя, не хотела нанести черное пятно позора на нашу семью... Ах, отец, лучше бы я умерла.

Испив глоток воды, она опять закрыла глаза.

— Да перейдут на меня твои горести, доченька,— еле сдерживая слезы, простонал Усо, — да стану я жертвой за тебя. Ты поступила правильно, моя газель. Человеку лучше сгинуть с лица земли, чем прослыть бесчестным.

— Отец, я рада, что не осуждаешь мой поступок. Люди такие злые, чешут языками бог весть о чем... — Она медленно поднесла руку отца к своим губам и поцеловала ее.

РАССКАЗ ШАБАБА

Времена года сменяли друг друга. Жизнь шла своим чередом. Дети выросли, обзаводились семьями, умирали. Но горестно тем, у кого глаза устремлены на дорогу, кто с болью в сердце ждет с чужбины близкого человека. Тому не в радость ни голубое небо, ни плеск ручья, ни запахи весны.

А весна в том году была сокрушительной. С середины марта все потекло. В один день растаяли снега, обнажив все вокруг. Незаметно позеленели луга и горы. От земли уже шел теплый пар, и деревья в цвету посылали друг другу душистые весточки с легким ветерком. Солнце садилось. Па прощание оно еще раз заглянул в деревню, удлинит тени деревьев, домов, людей. В красном свете утонули стволы деревьев; с жужжанием возвращались с полей пчелы, и в звонкую песню вливались сотни птичьих голосом.

В один из таких вечеров в дом Али-аги постучался человек. Весь его вид красноречиво говорил о том, что человек этот прошел долгий путь. Пыльные сапоги прохудились, одежда была изрядно помята, лицо обросло густой щетиной.

Но гость— посланец бога, а хозяин должен принять его со всем радушием и почестями. «Сначала угости, а уж потом расспрашивай» — гласит поговорка. Али-ага, как и полагается гостеприимному хозяину, не выказывал

своего любопытства, приглашая незнакомца к трапезе. Гость сам начал разговор.

— Али-ага,— сказал он,— с доброй вестью вступил я в твой дом, да будет благословен твой очаг!

— На радость моим глазам твой приход,— взволнованно, но с достоинством ответил ага и приложил руку к глазам.

— Брат твой Агит-ага жив, здоров и шлет тебе привет.

Кровь ударила в голову Али, радость сжала горло. Он подошел к незнакомцу, обнял его и поцеловал в лоб.

— Да будет вечной жизнь твоя! Ты принес счастливую весть. Десять лет горе, как туча, нависло над нашим домом, но ты рассеял его сегодня. Как твое имя, брат?

— Шабаб меня зовут, — ответил незнакомец.

— Рассказывай, Шабаб, утешь меня.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VII

Вот, ага, на этой бумажке записан адрес Агита,— Шабаб протянул Али кусок бумаги. — Просил найти мае и передать, чтоб не переживали вы за него. Женился он в Сибири, и четверо детей у него.

— Постой, — остановил его Али, — женился, говорить? На иноверке? — он с недоверием посмотрел на своего гостя.

— Клянусь богом, Али-ага, если бы не эта русская женщина, не выжил бы твой брат в проклятой Сибири. Я всего пять лет отсидел там, но, считай, похоронил полжизни. Благодарить судьбу должен Агит-ага, что встретил эту добрую женщину.

Слова его подействовали на Али, и он, чувствовалось, внутренне смирился с тем, что младший брат нарушил закон веры езидской, женившись на иноверке. И все же не хотелось верить, что в дом Амарика Полата невесткой войдет женщина чужой крови.

— Еще он просил передать тебе вот эту табакерку, — Шабаб старался отвлечь Али от терзавших его мыслей. Это была та самая табакерка, которую он подарил Агиту перед отправкой в Сибирь. Нахлынувшие воспоминания слезами застлали глаза. Али до боли в сердце захотелось увидеть брата, обнять его. Он должен во что бы то ни стало поехать в Сибирь. Мысль эта возникла внезапно и захватила все существо Али. Решение было принято.

— Ты не смог бы мне назвать его адрес? — обратился он к Шабабу. — Сам я не умею читать.

— Иркутская область, Нижнеудинский уезд, город Тулун, — произнес по слогам Шабаб.

Али старался запомнить незнакомые, странно звучащие для его слуха слова, — он был весь во власти принятого решения.

Те несколько дней, которые Шабаб провел в доме Али-аги, проходили в разговорах о Сибири, об Агите. Али-ага хотел узнать побольше о том таинственном крае, куда должен был ехать. Он старательно запоминал названия городов, кое-какие русские слова, которым научил его Шабаб. Длинная дорога через всю Россию (он даже мысленно не мог представить всю ее огромность) пугала его и манила одновременно. Али все чаще думал о том, что вернее будет, если он возьмет кого-нибудь себе в спутники. Но кого? Тут нужен был человек, знающий русский язык. Своими думами он поделился с женой.

— Ну что я могу тебе посоветовать? — вздохнула жена.— Что касается нашего племени, то среди нас нет таких, которые знали бы язык. Возьми кого-нибудь из асынйцев. Можно из Агбарана. Они давно живут здесь к наверняка знают русский. Они люди нашей веры — не откажут.

У Али отлегло от сердца. А ведь верную мысль подсказала жена.

В тот вечер в ода Али-аги собралось много людей. Седобородые старцы вели неторопливую беседу о повседневных заботах — о посевах, о приближающемся кочевье. Потом разговор зашел об Агите.

Али-ага ждал этого момента. Вступив в беседу, он сказал:

— Почтеннейшие старцы, да хранит вас бог! Спасибо вам... Хочу сообщить, уважаемые, что собрался я поехать в Сибирь — повидать его.

— Да исполнится твоя мечта, Али-ага,— поглаживая усы, сказал один из старцев.

— Да вот одна беда, светлейшие,— Али-ага развел руками. — нет попутчика, который бы знал язык.

— Да, да, и это верно,— согласились старики.

— К несчастью, среди наших нет человека, умеющего говорить на русском языке, а без языка далеко не уедешь,— проговорил кто-то другой, мерно перебирая в пальцах четки.

— Как вы думаете, а среди агбаранцев не найдется такой? — спросил Али-ага и вопрошающе посмотрел на присутствующих.

— Постой! — вдруг радостно воскликнул стоящий у дверей юноша.— Есть такой человек! И живет он в деревне Пошт или, как ее еще называют, Каравансара. Зовут его Канат, сын какого-то Садо Надыра. Я слышал, что Канат в Джамушвале в школу ходил... Говорят, так складно на русском изъясняется, что и русские могут удивиться...

Али-ага, ничего не сказав, поманил двух проворных парней, наказал им на рассвете выехать в Пошт и обязательно привезти с собой Каната. Велел предупредить, что все расходы ага возлагает на себя и даже щедро наградит его.

После этого все разошлись по домам, а гонцы пошли собираться в дорогу, чтобы исполнить приказ своего

предводителя.

СИБИРЬ

С приготовлением к отъезду было закончено. Женщины заботливо сложили в большие сумы, шитые на крепко из бараньей кожи, каурму — холодное отварное мясо, залитое жиром, душистый сыр, завернутый в свежее испеченный лаваш, масло — одним словом, все, чем богата деревня. Положили столько, чтобы путники в дороге не чувствовали нужду в еде. Не забыли и о теплой одежде — вязанные до колен шерстяные носки, рубашки и сменное белье. В потайном месте под подкладками сюртуков Али-аги и его племянника Джинди надежно были зашиты деньги.

Все было готово, оставалось только утром с божьей помощью благополучно отправиться в дорогу.

Али-ага приказал позаботиться и о конях. Вечером слуги хорошо напоили и накормили коней, а под утро тщательно почистили и искупали их в речке, протерли сухой тряпкой и оседлали.

Дорога предстояла долгая и утомительная. Надо было проехать деревню Сусыз, потом миновать Гулайран, Базарджох — деревню джамалдппцен, отсюда поехать и Такналу, после чего проехать Болых и лишь только оттуда попасть и Каре, чтобы там сесть в поезд и помчаться в незнакомую сторону.

Слуги подвели трех оседланных скакунов. попрощавшись с теми, кто вышел их провожать, и бросив последний взгляд на деревню, всадники пришпорили коней.

Женщины, скрестив руки на груди, стояли на плоских крышах домов и долго провожали взглядами отъезжающих.

Всадник с остроконечным колозом на голове ехал впереди, за ним на почтительном расстоянии ехали двое других. На окраине деревни к ним присоединились еще трое конных. Они должны были сопровождать их до станции и доставить обратно коней.

Рассвет уже окончательно вступил в свои права, когда путники, вручив провожатым своих коней, сели в поезд...

Тулуп. Маленький одноэтажный деревянный городишко. Редкие прохожие, которые то и дело оглядывались и останавливались, чтобы посмотреть на трех диковинно одетых мужчин, растерянно озирающихся по сторонам. Али-ага и его спутники искали дом, в котором проживал Агит. После долгих расспросов какой-то добряк помог им отыскать его.

Постучали. Дверь тихо скрипнула. Маленькая девушка с торчащими в разные стороны косичками робко высунула головку. Тут же показалась голубоглазая русоволосая женщина.

С минуту длилось неловкое молчание. Наконец Канат, несмело подняв глаза, с трудом выговорил:

- Мы приехали издалека и хотели бы видеть Агита.

— Да, да, конечно, проходите. Его сейчас, нет, но вы не беспокойтесь, он скоро придет.

В скромно обставленной комнате было тепло и уютно. Первое, что бросилось в глаза Али-аге, были дети — мальчик и две девочки. Четвертый, еще совсем крохотный, спал в люльке. Затем он увидел фотографию мужчины с лихо надвинутой на лоб папахой. Али долго всматривался в знакомые черты.

— Это Агит?—спросил он. Женщина молча кивнула.

Вскоре появился и сам Агит. Рыдая, он бросился в объятия брата.

Дети прижались к матери. С недоумением и страхом смотрели они на происходящее. Печаль и радость сменяли друг друга на лицах братьев. Закрыв лицо руками, Али громко плакал. Потом, когда уже прошло волнение первой минуты, Агит с жадностью стал расспрашивать своих гостей о Дигоре, о близких, о соседях. Все ему было интересно. Потом начал рассказывать о себе.

— Послушай, брат,— вдруг оборвал разговор Али-ага,— кто эта женщина? Тут нам сказали, что она жена какого-то Лыткина.

Агит растерянно посмотрел на брата. Тот ждал ответа.

— Лыткина здесь больше нет и не будет,— тихо отозвался он.

— Получается, что эта иноверка...— Али не договорил, язык одеревенел во рту.

— Да, брат, да! — вскрикнул Агит.— Жена она мне, а это — детишки мои,—Агит протянул вперед руки, как бы вымаливая прощение.

Гнетущее молчание воцарилось в доме.

Анна, жена Агита, непринужденно улыбаясь, пригласила гостей к столу. Канат пришел ей на помощь.

Подмигнув Джинди, он сел за стол, предложив ему сделать то же. Поблагодарив глазами молодых гостей, Анна придвинула к столу и свой стул. Но вдруг она поймала на себе осуждающий взгляд Али и, вздрогнув, застыла с тарелкой в руке.

— Извините, хозяйка,— растерянно произнес Канат,— но по обычаю наших отцов женщины с мужчинами за стол не садятся.

— Ах вот как! — без оттенка обиды отозвалась Анна. — Я не знала этого. У нас без хозяйки за стол не садятся, — прошептала Анна и, взглянув на Агита, поднялась из-за стола.

Скромность Анны понравилась Джнди. Он протянул руку к дымящемуся блюду с мясом, взял кусок, но тут же положил его обратно. В глазах его был ужас.

— Братец Канат, что это за мясо? — подозрительно спросил он.
«Неужто свинина?» — подумал Канат и обратился к Анне:
— Хозяюшка, вот узнать хочется, что это за мясо?
— Обыкновенное мясо,— простодушно отозвалась Анна,— свинина. Кушайте на здоровье.
Канат побледнел и посмотрел на насторожившегося Джнди.

Тот все понял без слов, подскочил к умывальнику и стал с остервенением мыть себе руки.
Анна совсем растерялась.
— Извините, почтеннейшая,— смущенно проговорил Канат,— но у нас такое мясо грешно есть. Лучше уберите его со стола.
— Раз не едите, пусть себе стоит. Не мешает ведь,— бедняжка вконец расстроилась.
Анна подошла к столу, взяла блюдо с злосчастным мясом и унесла его в кухню. И дверях она обернулась и, обращаясь к Канату, спросила робко:
— Может, тогда чаю принести?
— Да, пожалуйста.

На столе появился самовар. Гости в молчании выпили чаи.
Когда с «ужином» было покончено, Анна приготовила гостям постель.
До самого утра не мог сомкнуть глаз Али-ага. Угнетала мысль, что его родной брат осквернил род славного Полата. Что скажут люди? Как он будет смотреть в глаза дигорцам? Он, конечно, понимал, что у Агита не было иного выбора.

Судьба стала враждебна к нему еще тогда, когда его заслани в эту проклятую Сибирь. Но теперь эта враждебность обрушилась и на весь род Амарика Полата. Стыд и позор душили его. И лишь только под утро Али забылся в беспокойном сне.
С первыми лучами солнца Джнди и Канат уже были на ногах. Умывшись, они воздали молитву всевышнему, позавтракали и стали ждать пробуждения Али-аги.
Вошел Агит. Увидев, что гости его уже не спят, предложил им вместе с сыном Федей походить по городу. Канат и Джнди с радостью согласились. Спустя некоторое время проснулся и Али-ага. Разом вспомнилось вчерашнее, разговор с братом, и снова глухо застучало в висках.

— Ну почему, почему ты это сделал! — взволнованно прошептал он, обращаясь к Агиту.— Опозорил наш род на весь белый свет. Ну что теперь люди о нас скажут, Агит? Ведь есть у нас и недруги, которые только и ждут, чтобы кто-нибудь из нас поскользнулся.
Агит поднял на брата глаза и сказал:
— Да буду я жертвой за тебя, Али! Слова твои справедливы, но это слова человека, окруженного теплом, заботой и любовью. Это слова человека, не ведающего, что такое голод, сжимающий сердце и отнимающий разум, не ведающего, что такое холод, леденящий кровь.

А уж о болезнях и иных бедах я умалчиваю. Кусок хлеба был для меня мечтой, я ходил в лохмотьях. Многие здесь отдавали богу душу. На волосок от смерти был и я. И Анна выходила меня, накормила, напоила. Если бы не она, брат, не увиделись бы мы больше никогда. Я всем сердцем привязался к ней. У нас дети, Али. И нам, так же как и всем людям, дорога наша семья, наши дети. Неужели в твоём сердце нет хотя бы капли милосердия, чтобы простить меня... этот мой поступок?

Али молчал. Он поднял на своего младшего брата глаза, и тот увидел в них слезы.
Прошло два долгих года. Свою поездку в Сибирь Али-ага вспоминал как удивительный сон. Без устали рассказывали он и его племянник Джинди дигорцам о Сибири, об Агите, о поразительно огромной земле России, об обычаях русских. Многие из того, что они рассказывали, вызывало удивление, одно получало одобрение, но было и такое, что сурово осуждалось. После возвращения Али между Дигором и Тулупом установилась тесная переписка.

Письмо стало новинкой Дигора. Такая форма общения долго обсуждалась в ломах дигорцев, и все единодушно нашли ее очень удобной. Известие о том, что Агит-ага женился на иноверке, вначале ввергло деревню в смятение. Но прошло время, и люди свыклись с этой мыслью, и она уже не казалась им такой ужасной, как вначале.

Проходили дни, недели, месяцы. Наступила осень 1907 года. Крестьяне стали готовиться к долгой и суровой горной зиме. Кто заготавливал сено, кто возил зерно на мельницу, а кто ездил в Каре за мылом, керосином, спичками, продав на рынке шерсть, масло, творог. В деревне наступила пора свадеб. И вот в один из осенних дней из армянского Дигора приехал учитель Ваган Мипаич.

Осадив свою взмыленную лошадь у дверей Али-аги, он передал уздечку подбежавшему слуге и обратился к Али-агу с такими словами:

— Подарочек с тебя, ага! Брат твой Агит возвращается!

— На радость моим глазам твой приход,— степенно ответил Али, сдерживая волнение.— Выбирай из моих скакунов, который тебе по душе... А теперь улади слух мой споен доброй вестью поподробней.

— Да не будет недостатка в твоём доме пирам и веселью,— поблагодарил учитель.— Агит-ага уже в Тифлисе. Прислал оттуда депешу. Так что не сегодня-завтра предстанет перед тобой.

Забегали слуги, засуетились родственники — Дигор начал готовиться к встрече Агит-аги. Пронзительные звуки зурны и грохот барабана огласили всю округу. Юноши и девушки, взявшись за руки, образовали хоровод. А в поле всадники уже затеяли джигитовку, испытывая свою ловкость и смелость перед возлюбленными. Те с восхищением взирали на них. Зурна играла мелодию всадников, тревожа кровь в жилах.

До позднего вечера в деревне плясали, веселились. И лишь когда темнота окутала землю, люди разошлись по домам.

Утром веселье возобновилось. Группа всадников в сопровождении музыкантов двинулась по направлению к Черной воде. Ехали на станцию Алагяз встречать дорогого гостя.

По дороге к ним примкнули представители племени длхеров и джамалдинов. На станции собралось столько народу, что яблоку негде было упасть. И вот медленно остановился паровоз. Агит, Анна и дети вышли из вагона и сразу же попали в восторженные объятия огромной, ликующей толпы. Ошеломленные такой торжественной встречей, они счастливо улыбаются. Все это было похоже на волшебный сон.

Для Анны и детей подали арбу. Всадники вскочили в седла, и нарядный, праздничный поезд, встретивший Агит-агу с семьей, тронулся в путь.

По дороге началась пальба в воздух из винтовок, зурна заиграла мелодию «Шерани», и всадники, статно восседая на конях, с гиком пустились в джигитовку.

На подступах к Баджанлу они заметили группу всадников с развевающимся флагом племени кани.

Приплясывая в такт музыке, всадники приближались к ним. Встретившись, они продолжали путь вместе. Опять раздалась дружная пальба из винтовок, заиграли музыканты, а несколько человек, пришпорив коней, помчались вперед, сообщить о приближении долгожданных гостей.

Их встречала вся деревня. Вперед вышел Окыз Мамо.

— Али-ага, поздравляю с возвращением брата! Пусть только счастье и веселье озаряет твой дом! Сегодня вы все — мои гости, а завтра легкой вам дороги!

В доме Окыза столы были уставлены всевозможными яствами. На углях шипели шампурки с шашлыком из молодого барашка. Молодежь обносила гостей хашла-мой¹, прохладным шербетом. Потом подали чай и ароматный кофе.

А когда наступило утро и люди готовы были продолжить свой путь, Окыз взял слово:

— Братья, дигорцы! Али-ага и Агит-ага! Я счастлив сегодня безмерно. Али-ага, прими еще раз мои поздравления. Пусть горестные годы ожидания пройдут и больше не возвратятся!

— Хвала тебе, Окыз,— раздалось во всех сторон.

— Сегодня,— продолжал Окыз,— для племени сипки радостный день. Наш Агит-ага женился на чужбине и вместе с женой и детьми вернулся в отчий дом. Жена его — человек чуждой нам веры. Но я не корю и не осуждаю его. Напротив, сердце велит мне стать его побратимом.

— Да продлит господь твою жизнь, Окыз! — воскликнул кто-то из гостей.

— И как побратим я дарю своей невестке Анне и своему брату Агиту десять овец и скакуна.

Все ахнули. Окыз был не из тех, кто жил на широкую ногу,— и вдруг такой жест. Взоры всех обратились на Агит-агу. Что скажет он?

— Благополучие и довольство твоему очагу, Окыз!—ответил Агит.—Жена моя и дети целуют руку твою. Слов нет благодарить тебя! Коли ты в такую минуту протянул мне руку братства, знай, я оправдаю наше побратимство. Будет еще день, когда я смогу со всей полнотой воздать тебе за твоё благородство, Окыз. А теперь позволь нам покинуть твой гостеприимный дом.

Попрощавшись с хозяином, Али-ага, Агит-ага с семьей и сопровождающие их всадники отправились в Дигор.

АННА КАРТАШОВА

Рано утром, с восходом солнца, во дворе дома Али-аги слуги начали печь лаваш. В доме все еще спали. Только Анна одиноко стояла у порога и тоскливо смотрела на горы. Слуги, заметив ее, глупо заулыбались и смущенно опустили головы. Вот уже несколько дней, как Анна с детьми в Дигоре. Со дня отъезда из Тулуна прошло не так уж много времени, а ей кажется, что прошла целая вечность.

Ей хотелось как можно скорее привыкнуть к новой и непонятной ей жизни. Привыкнуть к обычаям и языком этих людей. Она знала, что ей будет нелегко, знала, что будет тосковать по Сибири, по знакомой и привычной жизни, по милому сердцу сибирскому морозу...

Кто-то потянул ее за подол платья. Феденька, родной ее сыночек, стоял рядом и весело смотрел на огромного лохматого пса, приветливо вилявшего хвостом. Анна обрадовалась хорошему настроению сына и ласково погладила его по головке. Она нежно любила своего сына, и ей было приятно, когда посторонние с восхищением замечали его красивую фигуру и живость ума. Анна искренне хотела понравиться семье Али-ага и местным жителям.

Так, например, она заметила, что местные женщины ходят с повязанной головой, и тоже покрыла волосы платком. В глазах Агита она прочла молчаливую благодарность. Мастерница на все руки, Анна, готова была взвалить на свои плечи любую работу по дому, только бы выдержать непривычную обстановку.

— Только бы выдержать! — вслух проговорила она. Федя вскинул на нее свои черные огненные глаза.

— Мамочка, — тихо прошептал мальчик.

— Феденька, милый мой мальчик, — проговорила Анна, припадая лицом к его груди и поглаживая его мягкие каштановые волосы.

Сын же обнимал мать своими детскими ручонками, а глаза его из-под широких темных бровей сияли, и он все повторял:

— Мама... мамочка... мама...

Хашлама — национальное мясное блюдо.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VII

Ничего и никого не существовало для них в эти несколько мгновений...

Шел октябрь. Оголенная земля стыла в осеннем тумане, готовясь к долгой молчаливой зиме.

Анна постепенно освоилась в новых условиях. Слух ее привык к курдской речи, и она уже знала несколько десятков слов. Дети ее, Федя и Нуре, ходили в общесловную школу, которая находилась в армянском Дигоре. Как и в Тулуна, Федя учился с большой охотой, удивляя учителей своими способностями. Анна радовалась успехам сына и уделяла много времени его учебе. Одно только огорчало ее — нежелание Феди учить закон божий.

Однажды он вернулся из школы раньше обычного.

— Что-то ты сегодня слишком рано. Что-нибудь случилось, сынок? — спросила Анна.

— Я не остался на уроке закона божьего.

— Почему? — испуганно спросила мать.

— Но ведь я не христианин, — простодушно отозвался Федя.

— А кто же ты? — ужаснулась Анна.

— Я такой же, как и папа...

Услышав такой ответ, Агит бросился к сыну и стиснул его в своих объятиях. Анна же, пораженная недетской дерзостью сына, пристально посмотрела на мужа и зарыдала.

Сын тут же бросился к ней и стал осыпать ее поцелуями.

— Вот чертенок, — воскликнул Агит, — никого не хочет обидеть.

Ласково взглянув на жену и сына, он вышел, оставив их наедине друг с другом. На душе : у него было тепло и покойно — сын оправдает возложенные на него надежды. Он вырастет и станет опорой отца. Агит не сомневался в этом.

Шло время. Наступил праздник святого Эзида. Но ни один тырек, ни один шейх не переступил порога дома Али-аги из-за присутствия иноверки.

Али-ага кусал в ярости губы и сжимал кулаки. Теперь жди беды! Уж если шейхи отвернулись от его дома, добра от этого не будет. В доме аги в эти дни царила гнетущая атмосфера. Анна мучилась и терзалась, встречая неласковый взгляд деверя. Но что она могла сделать?

А тут еще прошел слух, что в Дигор придут кавалы. И вот однажды на вороном коне в деревню вихрем влетел гонец кавалов — Хуссейн. Осадив коня посреди деревни, он объявил, что слуги божьи — кавалы вот-вот придут в Дигор. Они несут с собой изображение святого павы. Гонец исчез. Деревня забурлила, загудела.

Все, от мала до велика, надели на себя праздничную одежду и стали ждать кавалов. Семья Али-аги тоже решила принять участие в этом событии. Ведь кавалы так редко приезжают в Дигор. Лавина людей торопясь спускалась вниз по косогору навстречу святым кавалам, которые под переливчатые звуки свирели и бубна приплясывали, исполняя обрядовые танцы. Волшебные мелодии свирели обворожили народ, и казалось, это ангелы снизошли с небес и в песне воздавали хвалу всевышнему. Каждый старался раньше других достигнуть кавалов, чтобы первым взять в руки святого паву и получить благословение.

Впереди всех стоял Али-ага. За ним Агит-ага и их приближенные. После традиционных приветствий Али-ага потянулся к хурджину с павой, но один из кавалов по имени Раджо преградил ему дорогу. Толпа вздрогнула. В крайнем изумлении народ глядел на кавала. Что же будет дальше? А кавал как ни в чем не бывало подзвал к себе одного из свиты Али-аги. Это был Амар Сымо. — Сын мой,— обратился к нему кавал,— когда ты томился в окаянной стране иноверцев, мы здесь неустанно молились за тебя.

Хвала богу, ты вернулся жив здоров и, как некоторые,— он не стал называть имени Агита,— не стал перевертышем... Подойди, сыпок, приложись к хранителю веры пашей —паве и закинь на плечо хурджин!

Амар, как того требовал обычай, склонившись, поцеловал изображение павы и, закинув па плечо хурджин с изображением хранителя очага, пошел в деревню. Празднество вновь возобновилось, и весь народ под новые переливы свирели каналов. Это был первый случай, когда святейшие отвернулись от очага рода Полата. Лучше было умереть, чем быть в положении отвергнутого!

Многие стали поговаривать, что кавалы проклинали очаг Али-аги, что дом его превратится в пристанище для сов и род его непременно зачахнет. Люди боялись проклятий кавалов и поэтому старались не вызвать их гнев — делали им дорогие приношения, приносили в жертву овец, чтобы сберечь свои очаги от их проклятий, чтобы морозы не ударили по посевам и ящур обошел их скот...

Тем временем местом паломничества стал дом Ама-ра Сымо, где на почетном месте был выставлен пава, рядом стояла миска со святой водой. Крестьяне с благоговением поочередно прикладывались к паве, оставляя у его ног свои приношения. Опустив пальцы в миску, кропили святой водицей себя и детей и, поклонившись еще раз, с радостью на душе отправлялись к себе. Али-ага и Агит-ага также пришли поклониться паве, но когда они хотели преподнести свой подарок, на этот раз им помешал кавал Додо.

— Али-ага, Агит-ага,— степенно обратился он к братьям, — в ваших приношениях святой пава не нуждается... Эти слова кавала, словно бусинки, нанизанные на ниточку, рассыпались по деревням всего ездства. Некоторые бросали проклятия в адрес Агит-аги, вызвавшего гнев кавалов. Но находились и такие, которые искренне жалели его. Одним из таких был Окыз Мамо.

Однажды он приехал в Дигор. Увидев Окыза, народ невольно расступился, и старейшины предложили ему почетное место возле кавала Додо. Люди хорошо знали крутой нрав Окыза, не боявшегося говорить правду в глаза. После церемониальных приветствий они и расспросом разговор зашел о том, что езидам грешно учиться, жениться на иноверке, носить голубую одежду и еще о многом другом, о чем могли говорить служители бога. Среди присутствующих находился и пир Касо, который в ожидании любого подвоха со стороны дерзкого Окыза нервно дергался на своем месте. Опасения его были не напрасными — Окыз попросил слова.

— Святейшие, осмелюсь вступить в ваш разговор...— начал он, обращаясь к кавалам.
— Слушаем тебя, почтеннейший,— разом отозвались кавалы,
— На радость нашим глазам ваш приход,— цветисто продолжал Окыз,— служители культа святого Езида — желанные гости для нас...
— Да будут всегда глаза твои устремлены к небу! — вставил кавал Додо.—Мы все во внимании.
— Святейшие! — Окыз почтительно поклонился кавалам.— Пользуясь вашим присутствием, я хочу задать один вопрос пиру Касо... Вы разрешите?
Кавалы настороженно кивнули.

— Ты мне, пир Касо, перед богом ответь, какая ждет судьба этот народ? —Окыз указал рукой на

собравшихся.— От тебя только о грехах и слышим, ну, а что же дальше будет?
Пир Касо вздрогнул, хотел было вскочить, но кавал Раджо осуждающе впился в него черными как ночь глазами, призывая к молчанию.
— Ты все сказал? — переводя взгляд с пира Касо на Окыза, спросил кавал Раджо.

— Нет, не все,— спокойно ответил Окыз.— Святейшие, много вы повидали на своем веку, и не мне вас учить. Недаром ведь говорится: «Странствующая лиса лучше привязанного льва». Мы с нетерпением ждали вашего прибытия. Люди говорили, вот придут кавалы и научат нас уму-разуму. Так разъясните мне, почему у нас считается грехом брак с иноверцами, а у других народов — нет.

Т ы р е к—служитель культи у сзидов.

Кавал — исполнитель религиозных гимнов.

П а в а—изображение павлина — предмет поклонения у курдов-езидов.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VII

Возьмем для примера турок. Они всеми силами пытались обратить нас в мусульманство и считали, что все способы для этого хороши, даже брак с курдами. А ведь они почитают своего Магомета не меньше, чем мы Езида. Что вы на это скажете, святейшие и умнейшие?

Собравшиеся слушали Окыза настороженно.

— Как вам известно,— продолжал Окыз,— наш Агит-ага вернулся из ссылки, из далекой Сибири, и привез с собой оттуда почтенную женщину... Так вот,— Окыз резко вскинул голову,— эта почтенная женщина, когда Агит-ага терзался в страданиях и нищенствовал, подарила ему счастье и жизнь, вырвала из рук смерти, вернув его нам. Она мать четверых детей. И неужто нельзя, мой пир, этой добродетельной женщине отнести место в нашей вере?

— Не велено всевышним входить в брачные узы с иноверцами, — ответил недовольно пир Касо, — и нет этой русской места в нашей вере!

— Ну, раз так, то я и не знаю, какими словами выразиться о вере, в которой нет крохотного местечка для одной женщины,— спокойно сказал Окыз, окидывая всех взглядом, и вышел...

Нуре внимательно читала мой записи, сделанные по рассказу старого Шавеша. Время от времени на ее лице появлялась печальная улыбка. О чем она думала?

Какие воспоминания оживили в ее памяти эти записи?..

Нуре пристально взглянула на меня и, как бы угадав мои мысли, сказала:

— Я думаю о своей матери... Какая она была мужественная женщина! Какой сильный характер, какое благородство и воля! Оставить налаженную, привычную жизнь и с четырьмя детьми отправиться в далекий, незнакомый край!..

Да и рассталась она с отцом нашим, Агит-агой, мужественно и благородно, без слез и ссоры. Долго и терпеливо старалась она прижиться в непривычных условиях, да не прижилась. Что же касается нас, детей, то мы тяжело переживали расставание с отцом, с полюбившимся нам Дигором и особенно с братом Басо, который остался у отца.

Мы вернулись в Тулун, в свою Сибирь. Нам, детям, было и там интересно. Только иногда становилось немного грустно оттого, что мать выглядела какой-то потерянной. На ней, видимо, сказывался разлад в семье. Но вскоре она как бы стряхнула с себя печаль и снова стала бодрой и веселой. Она старалась занять нас, развлечь чем-нибудь. Особенно радовалась она Фединым успехам. К этому времени его стихи начали печататься в сибирских журналах. Помню, как мы гордились, читая их. Вот одно из его стихотворений. Называется оно «К дневнику». Послушайте, Камаль.

Страницам бесстрастным, безмолвным,
Безличным, как рабство, листам
Закатно-багряные волны
Тоскливых томлений отдам.
Поутру в пурпурном тумане
У юной стыдливой зари

Возьму я восторг упований,
Чтоб сердцу промолвить: «Гори!»
У южного страстного зноя
Возьму для души я огня,
Чтоб грудь не сплеталась с покоем,
Чтоб жажда томила меня!

У мощно-прибойного вала,
Бойца с вековечной скалой,
Возьму я ту песнь, что певала
Волна с громовою скалой!
У шелестов леса волнистых,
У майской цветочной весны

Возьму аромат я струистый
Овеять недолгие сны...
Страницам бесстрастным и тленным
Безличным, как рабство, листам
Сокровища целой вселенной
Я властью поэта отдам!

Ах, Федя, Ферики...—тихо произнесла Нуре.— Как много он успел сделать за свою короткую жизнь!.. Но еще больше мог бы сделать, остался он в живых хотя бы с десяток лет...

Глубокая грусть слышалась в словах Нуре. Она устремила взгляд на букет цветов, стоявших в вазе, незаметно смахнула слезу и прислонилась головой к спинке кресла. Лицо ее было бледно.

— Вам нехорошо, Нуре? — я подошел к ней.

— Нет... ничего...— ответила Нуре, заслоняясь руками, словно от яркого света, и грустно улыбнулась: —

Немного сдали нервы...

— Я, пожалуй, пойду...

— Да, да, я задержала вас, Камаль,— торопливо ответила она и тут же, словно раскаиваясь в своей торопливости, добавила: — Я так радуюсь вашему приходу, Камаль. Вы единственный человек, с кем я могу отвести душу. Спасибо вам!

— Это вам спасибо, Нуре,—я был смущен и не знал, что говорить.— До свидания.

— До свидания, Камаль!

ГОД 1918

Октябрь 1917 года. В России свершилась Великая революция. Миллионы обездоленного и угнетенного лю-дл завоевали свободу и право на счастливую жизнь. Залп «Авроры» эхом прокатился по огромной стране. А в Армении озверевшие, терявшие почву под ногами дашнаки творили чудовищный произвол. В Карсской области бесчинствовали турки. В этой тревожной обстановке перед курдами-езидами встал жизненно важный вопрос: как избежать огня и меча турок.

На совещании глав племен было принято решение перебраться в глубь Армении, чтобы плечом к плечу с армянским пародом принять участие и борьбе с вероломными турками.

В довершение ко всем бедам на деревни участились набеги разбойников. Обезумевшие от страха и отчаяния люди прятались в горах, убегали из Карса в Джамуш-ван, в среднюю полосу Армении, где было относительно спокойно.

Весна 1918 года подкралась незаметно. Прилетели из теплых краев аисты, шумно галдели стаи неугомонных скворцов. Приближалось время сева. Но люди меньше всего думали об этом. Все готовились к бегству из Карса.

Торопливо запрягали волов, грузили на арбы скудный домашний скarb. Жалобно скрипели колеса, мычали коровы, идущие на привязи вслед за арбами. Кругом царил беспорядок, доносились стоны детей и больных. И горе тому, чья арба застревала в грязи или ломалось колесо. Охваченные животным страхом, люди забыли о милосердии, о помощи близким. Каждый думал о спасении собственной жизни.

Караваны беспорядочной вереницей тянулись и сторону Гюмри и Алагяза.

Тяжело, очень тяжело приходилось несчастной Ак-шан, жене умершего вскоре после возвращения из Сибири Ато. На плечах у нее было двое детей. После всех перенесенных горестей она терпеливо ждала, чтобы дети ее выросли и хотя бы под старость жизнь ее стала спокойной.

Смерть мужа, горе и нищета — все это не так потрясло ее, как то, что некому, совершенно некому было прийти ей на помощь в эту тяжелую минуту. Акшан совсем растерялась, попав в шумную суматоху побега из родных мест в края незнакомые.

Прошли опустошенные, охваченные заревом пожаров деревни Козолджу и Хули. Рассвет застал их у Черной воды. Он был так прекрасен, этот рассвет,— над свежезелеными горами и полями, над посеребренными рос эй травами на дне ущелий, над журчащими ручейками, в которых отражалось утреннее ласковое солнце. И тем печальнее, безрадостнее выглядели измученные, заспанные, осунувшиеся лица детей и сумрачные, полные тревоги лица мужчин и женщин, отцов и матерей.

Всю дорогу Акшан шла пешком, оберегая сон детей, которых уложила на развалившуюся арбу. Она не спала уже третью ночь, и в ее пронзительных черных глазах застыло выражение отрешенности и безнадежности. Усталость и голод косили людей. У Черной воды решили немного отдохнуть.

Но вдруг воздух сотрясся от выстрелов, раздались крики: «Спасайся! Турки!» Не помня себя, схватив детей, бросилась Акшан вслед за всеми в бурлящие потоки Черной воды. Посреди реки силы уже начали покидать ее, вода сковала холодом тело, платье, облепившее ноги, мешало двигаться. Кругом испуганно кричали, раздался умоляющий голос женщины, кто-то громко плакал. И вдруг Акшан услышала, что ее маленькая дочурка вскрикнула. От страха ли, от боли, Акшан не знала, но этот крик всколыхнул ее душу, напряг мускулы, и она, с трудом передвигая ноги, пересекла рычащие волны Черной воды и вышла наконец на другой берег. Продрогшая и оочевневшая, Акшан еле стояла на ногах и крепко прижимала к себе детей.

Прошло какое-то время. Берег был весь усыпан измученными, изнемогающими людьми. Наступила ночь. Стало так темно, что никто не видел друг друга. Холодный ветер нес над горами, над долинами тяжелые темные тучи. И вдруг донесся необыкновенно печальный и нежный голос женщины, уговаривающей ребенка, и затихающий, словно убаюкивающий самого себя голос ребенка: «А-а-а... А-а-а...»

А утром, чуть свет, не дожидаясь остальных, Акшан взяла своих детишек и пошла в свой дальний одинокий путь. Ранняя, еще холодная весенняя заря проступала сквозь дымку. По молчаливой земле, мимо суровых гор без усталости шла вперед женщина с лицом не молодым и в то же время юным, мать, одержимая единственным желанием, единственным чувством — сберечь, охранить от всех напастей своих детей...

Прошло уже несколько дней, как караван беженцев во главе с Али-агой прибыл в Большой Джамушван. Заботу о них взяла на себя вся деревня. Не было семьи, в которой не приютили бы этих несчастных. Нашла приют и кров и вконец измученная Акшан.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VIII

А турецкие каратели уже бесчинствовали под Гюмри, приближаясь к Большому Джамушвану. Черная скорбь хищной птицей парила над землей, вселяя в людей панический страх. Езидские племена бурлили, как кипящая вода в котле. Предводители двух крупнейших племен зурки и асыни, Джангир-ага и Усуб-бек, со своими воинами вместе с армянами отчаянно бились в ожесточенной схватке с турками на Сардарабадской равнине.

Воины сипкийцев ждали призыва своего предводителя, что бы принять участие в этой битве. Но Али-ага молчал. Тогда Окыз, старый вояка Окыз Мамо, не боясь навлечь на себя гнев Али-аги, обратился к нему с такими словами:

- Али-ага, нужно что-то предпринять. Турки не сегодня-завтра будут здесь. И нам, сидеть сложа руки. Многие племена выставили своих воинов против турок. Надо подумать и о женщинах, стариках, детях. В Агбаране пока спокойно, и нужно перебраться туда. Если мы не сделаем этого, пощады нам от турок не видать.

Во всеобщем смятении Али-ага, казалось, потерял способность внимать голосу разума. Нахмутив брови, слушал он уже убеленного сединами старого Окыза. Тот ждал ответа. И тогда Али-ага заговорил:

— Нет, Окыз, нет! Не могу я взять грех на душу. Люди валяются с ног от усталости и бессилия. В пути мы станем пищей для волков и воронов. Ты говоришь — перебраться в Агбаран. Зачем? Через два дня турки настигнут нас и-там. А потом куда податься? Какая разница, где умирать: в Джамушване или Агбаране? Нет, Окыз! Мы останемся здесь. Авось бог смилостивится над нами...

Окызу ничего не оставалось, как промолчать. Он понимал, что спорить с Али-агой бесполезно.

— Я вот что подумал,— продолжал Али-ага,— надо послать к туркам гонцов с миром.

Глаза его просветлели, принятое решение успокоило и обнадежило.

Он приказал слуге позвать Джнди, своего старшего сына.

Через некоторое время и дверях показался Джнди. Али-ага бросил на сына хмурый взгляд.
— Зходи, сын! — Али-ага указал Джнди на место рядом с собой. — Тяжелые нынче времена, сын мой. Хочу возложить на тебя непосильную ношу.
Юноша посмотрел на отца и склонился и глубоко поклонился.

— Я слушаю тебя, отец.
— Возьми с собой двух друзей и отправляйся и стань врагом, к турецкому паше. Скажи ему, что Али-ага и воины-сипкийцы... — тут Али-ага закрыл глаза, его лицо перекошилось от мучительного стыда и боли, — не станут поднимать оружия против турок. Но они должны пообещать, что племя сипки не будет уничтожено турецким мечом.
Джнди вздрогнул от этих слов, протянул к отцу руки:
— Но, отец...

- Иди, сын, и сделай, что тебе приказано, — строго сказал Али-ага и указал ему на дверь.
Джнди вышел.
К вечеру следующего дня посланцы Али-аги сидели перед грозным и коварным Махмуд-пашой.
— Что привело сюда посланцев славного Али-аги? — не скрывая насмешки, спросил Махмуд-паша.

Джнди стиснул зубы; он готов был наброситься на мерзкого турецкого военачальника и разрубать его на куски. Но мог ли он послушаться отца? И, сраженный насмешкой, понурив голову, он передал паше слова своего отца.
Турецкий военачальник внимательно выслушал его. Потом он крикнул слуге, чтоб принесли кофе молодым гостям.

— Передайте Али-аге мои самые лучшие пожелания, — не сразу ответил он, переводя хитрые глаза с одного гостя на другого. — Правительство ислама всегда благосклонно относилось к курдам, и пусть Али-ага не треножится. Ни один волосок не упадет с головы сипкийцев. Это обещаю вам я, Махмуд-паша. А о вознаграждении я сам потолкую с Али-агой. Дня через два мои славные аскеры будут в Большом Джамушване. Скажите своему предводителю, чтоб готовился к встрече.

Слуги оседлали коней посланцев.
Молча возвращались они в Большой Джамушван. Каждый из них понимал, что вероломный. Махмуд-паша кривил душой, обещая пощаду. А сделал он это для того, чтобы помешать сипкийцам соединиться с воинами Джангир-аги и Усуб-бека.

Пошел дождь, и дорога, петлявшая между горами, сделалась совершенно непроходимой.
Уставшие, промокшие до последней нитки, хмурые от терзавших мыслей, въехали гонцы в Большой Джамушван.
Али-ага и главы родов с нетерпением ждали их возвращения. Джнди передал им разговор с Махмуд-пашой. Потом слопо взял Али-ага.

— Почтеннейшие! — обратился он ко всем. — Мой сын принес добрую весть. Господь бог не покинул нас своими милостями. Теперь нам нечего бояться. Я остаюсь здесь. Но если кто хочет уйти — удерживать не стану.
Встал Окыз Мамо:
— Али-ага! Одумайся! Если придут турки — беды не миновать. Неужели ты забыл об их зверствах и поверил хитрому Махмуду. Да ведь он нас за нос водит. Не для того мы бежали на русскую землю, чтобы погибнуть бесславно.

Не бери грех на душу. Они не пощадят никого. Пока есть время, надо идти в Агбаран. Ты уж не сердчай на меня, старика, Али-ага, но я не оставляю свою семью на съедение туркам. С нами идет все население Ямамчаира, Коробогаза и Коидахсаза. Я ухожу, но сердце мое источает кровь... Если мы, люди одного племени, не можем найти общий язык, то что же говорить о целом народе нашем?

Вся беда наша в том, что мы разобщены и не доверяем друг другу. — Окыз перевел дыхание, печально обвел взглядом всех присутствующих и, не сказав больше ни слова, вышел.

После его ухода в комнате воцарилась гнетущая тишина. Каждый из собравшихся понимал справедливость сказанного Окызом. Они содрогались, вспоминая свою жизнь в Турции. Ждали, что скажет Али-ага. Старик, пораженный смелой речью Окыза, хмуро молчал. Если бы кто знал, какая борьба шла в его душе! Но, взвесив все, Али-ага еще раз убедился, вернее, убедил себя, что принятое им решение единственно правильное и оно спасет племя от гибели.

В то же время он испытывал горечь унижения перед собравшимися здесь старейшинами родов. Они верили ему, поручили ему свою жизнь и жизнь своих близких. Но после слов Окыза он чувствовал себя если не

побежденным, то сломленным духом.
Старейшины разошлись. А Али-ага еще долго сидел один, обдумывая свое незавидное положение.

А что, если турки и в самом деле не сдержат обещанного слова? Что же тогда будет? И, вздрогнув от этой мысли, он позвал Агит-агу и уже взрослою к тому времени Нуре.

— Агит, тебе с детьми надо уходить. Собирайтесь, надо успеть засветло покинуть Джамушван. Что-то неспокойно на сердце у меня.

— Мы уйдем вместе, брат. Или же останемся с тобой.— Голос Агит-аги был непреклонен.

— Нет! Нет! Я не нарушу данного слова. Ты за меня не бойся. Уходите, брат, уходите. Так мне будет спокойнее. Потом я вас догоню.

У Агита в мучительной тревоге сжалось сердце, он подошел и обнял старшего брата.

Сборы заняли совсем мало времени. Через час Агит-ага вместе с детьми и еще несколько соплеменников с семьями покинули Большой Джамушван. А те, кто, как и Лли-ага, поверили туркам, остались со своим предводителем.

Был тот темный тихий предрассветный час, когда молодой месяц уже сошел с неба, а утренняя чистая звезда еще не возшла, когда сама природа, как бы притомившись, еще крепко спит и самый сладкий сон сковывает глаза людей.

И в этот предрассветный темный тихий час турецкие аскеры ворвались в Большой Джамушван, Деревни Алагязской долины кишмя кишели турецкими аскерами, растоптавшими, осквернившими все святое. Каменные истуканы' на кладбищах Джамушвана и Кондахсаза превратились в мишени для винтовок забавлявшихся аскеров. Уничтожив живых, они теперь сражались с мертвыми, оскверняя священные памятники.

Пораженный всем этим, одиноко сидел в своей комнате Али-ага. Опухшие глаза его были полузакрыты, лицо искажено гневом; в груди он ощущал мучительное жжение, а в голове его царил еще более густой мрак, чем вокруг. Он был как в ночи, пронизанной последними вспышками бури. Али-ага досадовал на себя и стыдился себ. Турки жестоко обманули его. Но ведь этого следовало и ожидать, теперь-то он хорошо это понимал. Но поздно, поздно. Сделанного не воротить.

А оставшиеся в живых несчастные люди, поверившие своему предводителю, осыпали проклятиями его и весь его род.

Стиснув зубы и пряча слезы, обнимала своих детей Акшан. Она напоминала иссохший инджузак — дикое растение в горах. Зашив в рукав истрепавшейся кофточки сына несколько грошей, собранных с огромным трудом за долгие годы, она на всякий случай сунула в складки широкого пояса старенький кинжал покойного Ато.

Над могилами усопших курды устанавливают каменные статуи: изображения барана, коня, детской люльки, в зависимости от того, кто захоронен в могиле — пастух, воин, ребенок и т. д.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VIII

Ощущение страха и тревоги передалось и детям. Они не отрывали глаз от дверей.

Над деревней нависла угрожающая тишина. Предчувствуя недоброе, люди забились по домам, с ужасом ожидая: дальнейших событий.

Изредка тишину нарушали грубая ругань аскеров, ржанье коней, скрип колес да несмелый лай собак. Потом снова воцарялась тишина, которая еще больше пугала и настораживала.

Ущербный месяц косо стоял на небе. Никто в деревне не спал. Люди в молчании сидели в своих домишках, прислушиваясь, не донесутся ли голоса ужаса и надрывный плач соседа. По ночам турки свирепствовали усерднее обычного.

В эту ночь Махмуд-паша «беседовал» с Али-агой.

— Вот мы и встретились, Али-ага,— Махмуд-паша хмыкнул.— Ловко вы тогда переметнулись к русским. Но не получилось по-вашему, курд. И сегодня, сейчас, ты мне заплатишь за кровь наших славных аскеров, убитых вами на границе.

Махмуд-паша замолчал, глаза его стали круглыми, как у филина, и по ним стало ясно, что не насытился он еще кровью невинных людей.

— Приведите сюда сыночка,— крикнул он аскерам. Втолкнули в комнату Джнди.

— Храбрый юноша у тебя сыночек, Али. Не побоялся остаться здесь. И хорошо сделал. Его-то и принесем мы в жертву нашим аскерам. И сделаешь это ты сам, своими руками.

В это мгновение Джнди, широко и резко замахнувшись, ударил пашу между глаз. Прошло несколько мгновений всеобщего оцепенения, в течение которых Махмуд-паша неподвижно лежал на полу с выгукло торчащим над всей его огромной гушей круглым животом. Озверевшие аскеры набросились на Джнди и скрутили ему руки, кто-то ударил Али-агу, свалил его с ног.

— Не убивайте их! — крикнул аскерам Махмуд-паша. — Не пришел еще их смертный час.

Окровавленных отца и сына поставили к стенке.

— Нет, Али-ага, так просто твой ублюдок от меня не отделается. Начинайте! — кивнул он своим аскерам и удобно пристроился на войлоке, облокотившись на подушки.

Аскеры свалили Джнди на пол и стали избивать его сапогами и всем, попавшим им в руки. Они терзали его и после того, как свет померк в глазах Джнди. Али-ага безмолвно, словно обезумевший, взирал на происходящее.

А утром по приказу паши аскеры вывели Али-агу во двор, вложили меж его пальцев зажженные свечи и под гогот и улюлюканье повели по всей деревне. Капли воска обжигали ему руки, пальцы обуглились, но он ничего не чувствовал. Не почувствовал Али-ага и удара кинжала, вонзившегося ему в спину меж ребер.

Весть о расправе над Али-агой облетела дома джа-мушванцев. Женщины тихо рыдали, мужчины, стиснув зубы, молча, без слез, оплакивали своего предводителя. Ужас, страх, жалость к бесславно погибшему и к самим себе смешивались с гневом и отчаянием.

Дождавшись ночи, мужчины, незаметно для турецких аскеров, собрались в одной из овчарен. Они надеялись найти способ бежать из Джамушвана, но больше всего хотели отвести души, высказав друг другу всю свою боль и тревогу.

Месяц, уже пошедший на убыль, но все еще большой, красным заревом стоял за деревьями, густые резкие тени легли вдоль домов, тревожная таинственность были рямлита по всей природе.

Чувство собственного бессилия давило их еще больше, чем страх перед турками. Но что они могли сделать, несколько десятков безоружных мужчин? С ними были их жены, дети. И их-то они не могли ставить под угрозу уничтожения. Аскеров видимо-невидимо, да вдобавок они вооружены до зубов.

Немало дней и ночей прошло с того дня, как турецкие каратели захватили Большой Джамушван и весь Алагяз. Люди потеряли счет времени, чувствуя себя одинокими и забытыми богом. Безднадежно и мучительно протекала их жизнь в ожидании новых убийств и издевательств. Все чаще вспоминали они мудрого Оки-за Мамо. Не послушались тогда они его, сохраняя верность своему предводителю.

Природная гордость горцев возмущалась позором бессилия перед турками. Они дрожали от ненависти, когда приходили известия о новых зверствах турок, о том, как безо всякого различия, с дикой яростью терзают они сотни невинных людей, женщин, стариков и даже детей.

Они возмущались, задыхаясь от унижения, что в такое время, когда все племена поднялись на борьбу с турками, они по вине погибшего Али-аги сидят в бездействии.

Безоружные, вынужденные тихо сидеть в домах, они терпели бесчинства турок.

А утром были новые жертвы. Десять убитых, бесчисленное количество искалеченных, среди которых женщины, старики, дети.

На время в деревне воцарилось спокойствие, как на кладбище. Только там и тут слышались вопли родственников убитых и стоны покалеченных.

Рыдала безутешная Акшан, рвала на себе волосы, плакала, как плачет каждая мать, оставшаяся без сына. Не пощадили турки ее сыночка, кровинку ее.

Аджиэ Джнди "И ПРИШЛА ВЕСНА" Часть VIII

Словнораненая волчица билась она головой о стену, посылая проклятия на род Али-аги, обреченного племени на уничтожение. Постаревшая, с темными, ввалившимися щеками, обнимала она тело своего мальчика, поглаживая дрожащими пальцами его черные кудри. В углу сидела маленькая Паришан. Ужас и недоумение застыли на ее маленьком личике. В глазах были слезы.

Поздно ночью ушла Акшан в горы предать сырой земле тело своего сына. Незаметно вернулась в деревню.

В эту ночь Акшан легла не раздеваясь. Тихо, чтобы не разбудить спящую Паришан, подходила она время от времени к дверям, чтобы услышать, не доносятся ли голоса бродивших по деревне турецких аскеров. Все было тихо.

А на рассвете, когда в деревне было еще темно, по горизонт уже посерел от первых лучей зари, Акшан, взяв на руки свою маленькую дочь, ушла из деревни.

События последних месяцев слились в душе Акшан в смутное, тревожное чувство. Страха больше не было. Была лишь одна тревога за дочь, за единственно близкое существо, оставшееся на свете. И пади нее она готова была выдержать любые удары судьбы. Невыразимая любовь к дочке стеснила ей сердце. И Акшан уже не чувствовала себя подавленной и разбитой.

Она шла без устали по этой истерзанной, пропитанной кровью земле туда, вперед, где поднималось еще робкое, но предвещавшее светлый день солнце...

Она не знала, но сердцем материнским чувствовала, что там, за горой, откуда восходило ласковое солнце, во многих армянских деревнях устанавливается новая, свободная жизнь. Но одно Акшан знала твердо: она должна идти к восходящему солнцу — оно так призывно манило к себе... Идти и идти!.. К солнцу!.. К весне!.. К свободе!..

Акшан хотелось смотреть только вперед, в сторону смеющегося солнца.. Но, вспомнив о тех немногих несчастных соплеменниках, оставшихся в живых после разбойничьего набега турецких аскеров, она невольно оглянулась. Оглянулась-.....и сердце ее озарилось радостью: вслед за ней с разных сторон по одному, по два шли сипкипцы. Шли осторожно, но без страха, уверенно. Они шли, как и Акшан с дочерью, к солнцу, к весне, к свободе...

ФЕДОР И ОЛЬГА

По делам службы мне пришлось на некоторое время уехать из Еревана. А когда вернулся, я узнал, что Нуре уже побывала в Москве у Ольги, вдовы Федора Лыткина. Взволнованный такой новостью, я поехал к Нуре. Мне не терпелось услышать, что нового она узнала о своем брате Федоре и, конечно, об Ольге. И Нуре охотно поделилась со мной своими впечатлениями...

...Незадолго до Февральской революции 1917 года Федора Лыткина исключили из Иркутской гимназии за «бунтарские» высказывания среди учащихся. И перед ним стал вопрос: «Как быть дальше?» После недавней смерти матери в Тулуне остались одни сестры — Нуре и Паришан, отец Агит-ага жил в далеком Дигоре, на Кавказе, сам Федор оказался, как говорится, не у дел. Как быть?..

Но Федор был не из тех, кто впадает в уныние и бездействие из-за превратностей судьбы. В ответ на исключение из Иркутской гимназии он пишет гневные стихи, направленные против всего царского самодержавия:

Итак, я осужден!
За честное, свободно сказанное слово,
За пламенный призыв к скорбящему народу
Мне петля мертвая готова.
Пусть будет так... Пусть буду я казнен,
Но вы, могильщики, душители свободы,
Железом не затопчете огня!
Вы губите меня,
Слепцы! Кричу не я — кричит народ!
Меня задушите, а как — Россию
Вы спрячете в застенки вековые?
Иль в кровь расхлещете нагайкой и кнутом?
Ужели бредите вы этим диким сном —
Заставить истину молчать?

Но что бы ни случилось, как бы ни терзала его жизнь, Федор должен учиться!.. Учиться, познавать, совершенствоваться, действовать!.. Иначе он не может!.. Так велит его сердце!.. И поскольку в Иркутске пути для него закрыты, Федор едет в Енисейск, глухой сибирский городишко, в глубь тайги, чтобы продолжать учебу. «Подальше,— думал он, вспоминая Лермонтова,— «от их всевидящего глаза», подальше «от их всеслыша-щих ушей».

Енисейск показался Федору скучным поселением. Но первое впечатление было обманчивым — и здесь, в этой глухомани, людей тревожили те же проблемы, что и их современников в больших городах. Вскоре Федор нашел единомышленников, подружился с прогрессивно мыслящей молодежью. Как-то вместе с приятелем по гимназии Федор пришел в театр. В фойе им встретилась молодая красивая женщина.

Соученик Федора направился к ней, а Федор, вдруг застеснявшись, приотстал. Было в этой юной красавице что-то встревожившее его, смутившее. Стараясь справиться с собой, Федор направился к ним по зову товарища.

— Знакомьтесь, Ольга Семеновна,— сказал приятель,— Федор Лыткин, мой товарищ по учебе. В Енисейске он недавно. Новичок.

Ольга Семеновна, приветливо улыбаясь, протянула Федору руку.

— Оля,— тихо сказала она.

И Федор почувствовал, что знает ее давно... Поговорили о предстоящем спектакле, о делах в гимназии, о последних новостях политической жизни России и Сибири, да и о всяких пустяках. Разговор был легким, непринужденным и, как обычно и бывает в театре перед спектаклем, не очень серьезным. Однако Ольга успела заметить, что даже и в такой несвязной беседе Федор высказывал очень меткие, не по годам умные суждения. Ей понравился этот стройный, смуглый, точно вылитый из бронзы, чернокудрый гимназист. И она любезно пригласила своего нового знакомого посетить ее дом.

С того вечера Федора неудержимо потянуло к Ольге, и он старался воспользоваться любым поводом, чтобы встретиться с ней. Ольга всегда радушно принимала его, и это ее радушие еще больше усиливало тягу Федора к ней. Несмотря на то что Ольга была к этому времени матерью двоих детей и конечно же старше Федора, отношения их складывались как у ровесников. Видимо, потому, что Федор по умственному развитию был заметно старше своих лет.

Взаимная привязанность Федора и Ольги росла с каждым днем. И они скорее почувствовали, чем поняли, что друг без друга не могут жить. Объяснением любви произошло как бы между прочим, как нечто само собой разумеющееся...

В мае 1917 года Федор Лыткин навсегда покидает Енисейск. Он решает поступить в Томский университет, Но до этого ему нужно отвезти сестер Нуре и Парншан, оставшихся в Тулуне, к отцу — Агит-аге, в Дигор. Заодно он должен сопроводить тяжело заболевшую Ольгу в Красноярск.

Оставив Ольгу в Красноярске, в больнице, Федор едет в Тулун. Он пишет ей чуть ли не каждый день. В письмах Федор чувствовал себя более раскованным, Вот одно из его писем к Ольге!

«Чем больше дней отделяют меня от моей единственной, первой и последней Оли, тем больше крепнет любовь моя, тем невыносимей становится разлука. Ненаглядная моя, беспредельно любимая, только теперь, когда мы расстались на целое лето, когда впереди два бесконечно долгих месяца разлуки, только теперь я понял, что твой последний день жизни будет моим последним днем, твой последний вздох моим последним вздохом.

Сейчас я в Тулуне. Сажу у столика, на котором стоит маленькая, слабо светящаяся лампочка, а мыслями, думами, тоскующим сердцем я не здесь, а далеко отсюда: с тобой! Писать трудно. Слова — бледный воск, который, как ни лепи его, останется всегда бездушным воском. Но ты поймешь меня, ты разгадаешь мою скорбь, мою печаль. Прости, что пишу все невеселое, да на сердце у меня так, лгать не могу тебе. Только ты из-за меня не томись, не скучай сильно по мне. Помни, пройдут эти черные два месяца разлуки — и мы вновь будем вместе друг с другом».

Федор отвез Нуре и Паришап к отцу и пробыл там две недели. И из Дигора он часто писал Ольге. Утешал ее, успокаивал, укреплял в ней душевные силы. Если не бывало времени или возможности написать подробнее, он слал краткие весточки: «Скоро выеду. Иначе не могу. Жить без тебя — смерть...»

Федор едет в Томск с намерением поступить на юридический факультет университета. Здесь он знакомится с Рябиковым и другими большевиками.

В России назревает революция. И 26 октября 1917 года томские большевики получают известие об Октябрьской революции.

В городе создается Временный революционный комитет. Начинает выходить большевистский журнал «Сибирский рабочий». В состав редакции входит и Лыткин. Вскоре его избирают членом городского Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, а затем назначают комиссаром по делам печати, занятый по горло революционной деятельностью, Федор ни на минуту не забывает об Ольге. Для нее он всегда находит время написать если не письмо, то хоть Зсшмску. Вот отрывок из письма Федора к Ольге, пани-сп-." но го в это бурное время:

«Сегодня годовщина Февральской революции. Проносится рой далеких прекрасных воспоминаний, которые неразрывно связаны для меня с тобой и Енисейском... "Весна. Журчат ручьи. Блестят лужицы. Звонко падают кг пли растаявшего снега. Шумные толпы приезжающих из глухой тайги, ликующих, освобожденных. Радостные, возбужденные лица. В каждом взоре — безумный восторг. Сердца всех сливаются в едином великом трепете, в великом энтузиазме. И эта встреча... Встреча с тобой, тихим отблеском сияющей кротости. Каждое слово- твоё было чудным успокоением ран, зиявших в моей душе. Мы оба в черном — знак пережитых лет. Сердце мое, изнемогавшее от боли и муки, отдыхало с тобой...»

В феврале 1918 года Федор Лыткин участвует в работе Второго съезда Советов Сибири, который избирает его наркомом Сибирского управления, заместителем председателя Центросибири и делегатом на Четвертый Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов.

Полный революционной энергии и юношеского задора, Федор едет в Москву, По дороге он восторженно пишет Ольге:

«Подъезжаю к Вологде. Буду в ней часа через полтора. Завтра—Москва, древняя и молодая столица Великой России, выдавшая в своих стенах и Наполеона, и свергнутую династию Романовых, и, наконец, социалистическое революционное правительство! Очами многих седых веков смотрит порядя Москва на мир. Невольное, смутное благоговение овладевает мною при мысли о Москве. Мысль уносит в глубь давно минувших дней, овеянных героическими преданиями. Сколько народу исходило берега Москвы-реки! Сколько трагедий, малых и великих, разыгралось на этом знаменитом клочке земли. Здесь были Пушкин, Лермонтов, здесь креп и воевал «неистовый Виссарийон» — Белинский! Здесь побывали все, кем гордится культурное человечество...»

Возвратившись из Москвы в Иркутск, Федор, Лыткин очень много работает в качестве наркома Центросибири Положение было напряженным. Поднимала голову контрреволюция. Временно советская власть ослабла, и белогвардейские банды всех мастей восторжествовали. Руководителям Центросибири в том числе и Лыткину, пришлось уйти в глубь тайги. Но каратели двинулись за ними и в тайгу. И вот у реки Олема в неравном бою с белогвардейцами пал Федор Лыткин, Ферик-Федько Полатбеков. За два месяца до этбо ему исполнилось двадцать один год. Он будто предвидел свою скорую гибель и написал стихи-завещание:

Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой!
Надо мной не творите молитвы,
Не грустите, друзья, надо мной.
Я иду во широкое поле,
Под удары скрещенных мечей,
Над моей безрассудною долей
Пусть вздыхает лишь ветер степной.
Я иду на беспечные встречи,
На бесстрашные встречи с врагом,
Напролом, на жестокие сечи
Со спокойным открытым челом
Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой,
Надо мной не творите молитвы,
Не грустите, друзья, надо мной.

Самым любимым временем года для Федора была весна. Но своей двадцать второй весны он не дождался, весна пришла для других, ради которых он отдал свою юную жизнь.